

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д. И. ГУЛИА

О. В. МААН

**КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКИЕ
КОНТАКТЫ АБХАЗОВ В РАННЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

АБИГИ
Сухум – 2014

Рецензент: кандидат исторических наук **Г. Д. Гумба**
Редактор: доктор исторических наук **Ю. Д. Анчабадзе**

МААН О. В.

**Культурно-этнические контакты абхазов в раннем средне-
вековье (VI –X вв.)**

РУП “Дом печати”. Сухум, 2014. – 216 с.

Эта книга представляет собой монографическое исследование историко-культурных связей абхазов с народами Причерноморья, Кавказа, других областей и государств за пределами Черноморского бассейна в экономической, этнической и культурной сферах в VI –X вв.

Она написана на основе значительной части археологического, этнографического материалов и сообщений письменных источников. Книга рассчитана на специалистов историков, этнографов, широкий круг читателей.

© АБИГИ, 2014
© Маан О., 2014

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена изучению историко-культурных связей абхазов с народами Причерноморья, Кавказа, других областей и государств за пределами Черноморского бассейна в экономической, этнической и культурной сферах в VI –X вв. Данная тема затрагивалась во многих работах абхазских историков и этнологов, однако вряд-ли можно сказать, что она получила в нашей науке достаточное освещение.

Известно, что история народов – это в то же время и история их контактов – экономических, политических, языковых и других. Практически нет в мире этносов, которые не были бы включены в той или иной степени в различного рода контакты¹.

Тесным и продолжительным этнокультурным связям абхазов с окружающими их народами и странами способствовало расположение самой Абхазии на перекрестке морских и сухопутных дорог на Восточном побережье Черного моря, прохождению через ее территорию транзитных торговых путей, связывающих Средиземноморье со странами Средней Азии, Индии и Китая. В силу этого здесь пересекались экономические, торговые и политические интересы многих государств, иногда удаленных от Абхазии как территориально, так и в культурном отношении.

¹ Сергеева Г. А. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX – XX вв. (этноязыковые аспекты) // КЭС. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989. С. 89 – 90.

Изучение истории любого народа, его этнических черт связано с исследованием генезиса и эволюции его традиционной культуры. Развитие абхазов, как и в целом коренных этносов Северо-Западного Кавказа шло в условиях активного взаимодействия с пришлыми этническими группами, которое, как правило, заканчивалось их растворением в среде западнокавказских народов, хотя язык аборигенов иногда оказывался побежденным языком пришлого населения.

Отсутствие статичности, этнической замкнутости – характерная черта региона и причина чрезвычайного своеобразия традиционной культуры и быта проживающих здесь народов.

Вопросы этнических и культурных связей абхазов раннесредневекового периода ввиду слабой теоретической разработанности источниковедческой базы, восстанавливаются по крупицам. Поэтому только комплексные исследования известных науке сведений, исторических источников, трудов отечественных и зарубежных ученых, результатов археологических и этнографических изысканий могут привести к обоснованным обобщениям.

В контексте интересующей нас темы мы посчитали необходимым рассмотреть не только этнические и культурные связи абхазских народностей раннесредневекового периода истории, например, со сванами, но и вопрос об этнической принадлежности мисимиан, локализуемых письменными источниками в горной полосе Юго-Восточной Абхазии. В работе уделяется внимание этнокультурному состоянию и некоторых других народностей, проживавших на территориях, смежных с Абхазией. В первую очередь это относится к брухам византийских авторов, в которых исследователи не без основания видят убыхов.

Взаимодействие с другими народами затрагивало язык, духовную и материальную культуру. Потому вполне очевидно, что исследовать материалы по этнокультурному взаимодействию необходимо на широком фоне, чтобы

выявились общие и особенные моменты в историческом развитии абхазов. В частности, постоянные контакты с другими народами не проходили бесследно для словарного запаса абхазского языка, который пополнялся различными заимствованиями.

В качестве определенных свидетельств о социальном и культурном развитии того или иного народа, его политических и этнических связях и контактах, исследователи все чаще пользуются данными антропониими. Потому решение важных историко-культурных вопросов, касающихся прошлого абхазов, рассматриваются в работе сквозь призму генеалогических связей абхазов. Автор исходит из того, что часто только по топонимическим, личным и родовым именам, возможно освещение сложных вопросов истории народа, в частности, они дают ответ на вопрос, какая этническая группа занимала ту или иную конкретную территорию или присутствовала на ней с древних времен. При этом, известно, что наиболее древним пластом лексики любого языка, являются личные имена. Обладая своеобразной памятью, имя не только воспроизводит культурные традиции носителей языка, но и формирует их коллективную ментальность. Фамилии же чаще всего являются их дериватами. Как показывают источники, «для определения этнического состава на какой-либо территории...важнее материал собственных имен, чем материал топонимических названий»¹.

Автор исходит из того, что этнические и экономические связи абхазов рассматриваемого хронологического периода истории, невозможно понять не только без максимального учета многосторонних связей, но и глубокого культурного, политического и экономического взаимодействия абхазов с византийцами, аланами, адыгами, армянами, хазарами,

¹ Дьяконов И. М. История Мидии. – М. –Л., 1965. С. 60; Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. – М., 1962. С. 3.

картвелами (мегрелами) и другими, которые в период средних веков были самыми разнообразными и неразрывными. Именно этот аспект исследования, в том числе рассмотрение вопросов прохождения этноязыковой абхазо-мегрельской границы в период раннего средневековья, этнических взаимопроникновении, занимает в работе весьма существенное место.

ГЛАВА I.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ АБХАЗОВ С ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В VI– VIII вв.

§1. Ранний этап абхазо-византийских отношений

Социокультурное положение абхазов в VI – VII вв. В VI – VII вв., судя по данным византийских авторов (Прокопия и Агафия), ведущей тенденцией социального развития Абхазии было становление феодального общества и государства. К этому времени уже можно говорить о намечавшейся феодальной иерархии, у основания которой находилось многочисленное свободное общинное крестьянство, а на верхней ступени – феодализирующаяся знать. В то же время, на экономическое, социально-политическое и идеологическое развитие Абхазии этого периода в значительной степени влияли ее разносторонние контакты с Византией¹.

По мнению некоторых авторов, древнейшее упоминание названия Абхазии и ее коренного населения – абхазов, содержится в «Армянской географии» «Ашхарацуйц» в форме «Псин», то есть «Апсны»². Это упоминание, если оно верно идентифицировано, дает основание предположить, что уже к VII в. абхазы составляли самостоятельную этническую единицу³, или же термин «Псин» относится к одной из абхазских народностей – апсилам. Второе

¹ Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII – X вв.) Автореф. дисс. на соиск уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1989. С. 15. Ее же. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.). – Сухум. 2012. С. 6.

² Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (сравнительный анализ). – Сухум. 2001. С. 9 – 10.

³ Там же. С. 9, 10, 77–78.

предположение, представляется более верным, хотя новые обсуждения, очевидно, внесут большую ясность.

В последующие века консолидация абхазских этно-политических образований протекала более интенсивно. Это проявляется, по мнению некоторых исследователей, в том, что «с середины VIII в. культура апсилов (населения окрестностей Цебельды) принимает полностью абазгский характер, поскольку «остатки апсильского населения не смогли противостоять последовавшей за изгнанием арабов этнической и культурной экспансии абазгов и оказались ими ассимилированными»¹. Однако, вряд ли справедливо в данном случае говорить об ассимиляции. Как известно, ассимиляция подразумевает взаимодействие неродственных этнических групп, следствием которого происходит полная или частичная утрата одной группой исконных этнических свойств и усвоение новых, а главное, замена родного языка другим. Между тем, такая характеристика неприменима к близкородственным апсилам и абазгам. Речь должна идти о процессах этнической консолидации, этнокультурном и политическом слиянии с Абазгией генетически родственной ей Апсилии, внутреннем сплочении за счет сглаживания культурно-бытовых различий в результате упрочения общетнического самосознания: как следствие этого процесса в дальнейшем термины «Апсилия» и «апсилы» постепенно исчезают из источников².

Процесс этнической консолидации предков абхазов стимулировался подъемом производительных сил, дальнейшим развитием в Абхазии феодальных отношений, а также необходимостью совместных усилий в борьбе против внешних врагов³. Приблизительно в последней трети VIII в., воспользовавшись внутренней смутой в империи, абазги (абхазы) освободились из-под власти Византии⁴. О формировании к указанному времени абхазской фе-

¹ Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998. С. 223.

² Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.) – Сухуми. 1959. С. 66, 69.

³ Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.). – Сухум. 2012. С. 56.

⁴ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями

одальной народности свидетельствует древнегрузинский источник «Мученичество Або Тбилели» (VIII в.), где об Абхазии говорится как о стране «полной верующих в Христа»¹, что несомненно, свидетельствует о наличии к указанному времени на территории исторической Абхазии, общества с достаточно высокой культурой, в основе которой лежала христианская идеология. Этническое объединение древнеабхазских политических союзов в сравнительно крупную раннефеодальную народность к VIII в.², приводит к созданию независимого от империи более или менее крупного национального государственного образования – Абхазского царства³. О завершении уже в основном, ко времени образования этого царства, процесса консолидации основных раннефеодальных абхазских народностей, свидетельствует и термин «апсха», означающего «царь абхазов», «царь Абхазии», что символизировало независимость от Византийской империи. В то же время, создание раннефеодального Абхазского княжества и Абхазского царства не являлось сиюминутным актом, оно подготавливалась всем предшествующим ходом развития, что вряд ли было бы возможным без достаточно древних традиции государственности у абхазов (Диоскурийское царство, царства апсилов, абазгов, санигов).

Таким образом, начиная с позднеантичного периода абхазские народности находились на достаточно высоком уровне экономи-

снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986. С. 33; Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962. С. 348.

¹ Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – Тб., 1935. С. 65–66; Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 6–8; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухум. 1989. С. 93, 95, 96.

² Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа... С. 105; Амичба Г. А. Средневековый период (IV–XVIII вв.) // Абхазы. – М., 2007. С. 66–67.

³ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тб., 1988. С. 56–57; «Народы мира». Историко-этнографический справочник. – М., 1988. С. 35; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII – X вв.) Автореф. дисс. на соиск уч. ст. канд. ист. наук... С. 7, 14–15; Гунба М. М. К вопросу о времени образования Абхазского царства. Известия АИЯЛИ. Т. II. – Тб., 1973. С. 206. Его же. Атарские гонимые. – Тб., 1985. С. 47; Амичба Г. А. Средневековый период... С. 67.

ческого, социального и этнического развития, на что указывают архелогические материалы, памятники архитектуры и художественной культуры¹.

И это вполне естественно, особенно если учесть, что материальное и духовное состояние абхазов раннего периода в значительной мере было обусловлено их разносторонними и теснейшими контактами с наиболее просвещенными народами того цивилизованного мира.

Абхазы, адыги и другие народы Кавказа в истории Византии. Одну из важнейших страниц социально-экономической и культурно-политической истории населения Кавказского Причерноморья раннесредневекового времени составляют взаимоотношения с наиболее развитым европейским государством того времени Византийской империей. Одной из основных причин усиления византийского господства на Восточном берегу Черного моря, и в частности на территории Абхазии, было, то, что отношения Константинополя с Кавказским побережьем приобрели характер прочных экономических и культурных связей. С самого начала своего возникновения империя оказала решительное влияние на пограничные с нею народы, стимулировала их социальный прогресс и культурное развитие.

Узкая полоса восточного побережья Понта (занятая линией укреплений империи, охраняемой имперскими военными отрядами) в административном отношении входила в состав Восточной префектуры претория, в один из ее диоцезов (диоцез Понта – управлялся викарием – высшее должностное лицо диоцеза). Непосредственно побережьем Абхазии занимался один из одиннадцати административных органов провинций диоцеза Понта под началом чиновника, именуемого *consulares*².

После заключения кесарем в 562 году мира с персами, византийская культурная экспансия распространяется по всему Запад-

¹ Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. 1987, № 3. С. 178

² Диль И. Основные проблемы византийской истории. Пер. с фр. и предисл. Б. Т. Горянова. – М., 1947. С. 36.

ному Кавказу вплоть до Терека¹. При этом, в течение второй половины VI и всего VII века (см. ниже), Восточное Причерноморье, и особенно та его часть, которая являлась территорией расселения древнеабхазских народностей, а также лазов (на рубеже VIII – IX вв. включенных в Абхазское царство), пользовалось особым влиянием Византийской империи. Абхазские феодалы находились на положении вассалов империи, ее администрация утверждала правителей Абхазии, решала споры между князьями по порядку властных полномочий, контролировала исполнение повелений имперских властей и принимала санкции к нарушителям. По отношению к своим подданным владельцы Абхазии были совершенно свободны и не зависели от имперских административных органов².

Правда, советская историческая наука необъективно представляла Византию врагом абхазов, которые совместно с грузинами якобы вели против империи непрерывную освободительную войну. Акцентируя внимание на негативных последствиях, исследователи тем самым долгие годы искажали суть абхазо-византийского этнокультурного взаимодействия. В настоящее время эта точка зрения уже не может быть принята. Более основательна позиция Ю. Н. Воронова, считающего, что абхазо-византийские отношения, как правило, носили добрососедский характер, сыграв важную роль в культурно-экономическом и политическом развитии страны³.

В то же время абхазо-византийские отношения, по замечанию В. В. Латышева, в разные времена были различны⁴, меняясь в зависимости от политической ситуации⁵. В этой связи небезынтересно

¹ Ворошилов В. И. История убухов. – Майкоп. 2006. С. 29.

² Матушевский Г. О. Подходы к оценке пропорций социально-экономической структуры Абхазии периода раннего средневековья... С. 2; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 124. Его же. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 291.

³ История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 82.

⁴ Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. Бобринскому. – Спб., 1911. С. 169–198 // Материалы по истории Абхазии. 7. С. 179.

⁵ Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии... С. 24–25.

отметить социальные и политические сдвиги, происходившие во внутренней жизни средневековой Абхазии и изменения внешне-политических отношений с империей. На протяжении VI – X вв. эти отношения проходят две фазы, когда Абазгия находится в сильной зависимости от Византии, а затем постепенно освобождается от ее влияния. В Абазгии бурное развитие собственных социальных сил приводит, как сказано, к консолидации отдельных этнополитических союзов, к объединению их в Абхазское царство.

Взаимоотношения Византии с народами Восточного Причерноморья во многом определялись состоянием ирано-византийских отношений, которые особо обострились в VI в.¹ Стремясь сорвать планы иранских шахов по закреплению в Восточном Причерноморье, империя осознавала как важно иметь надежных союзников среди местных народностей. Поэтому имперские власти стремились к лояльным отношениям с местным населением, что в дальнейшем сыграло не последнюю роль в ослаблении политической зависимости апсиров и абазгов от Византии.

Этнокультурные, военно-политические, хозяйственные и иные контакты были определены географической близостью Константинополя и Абхазии, наличием общей морской границы по Чёрному морю. Прежде всего, Византия, которая вела многочисленные войны, во все времена в значительной степени зависела от военных наемников, хотя средства на их содержание ложились на казну тяжелым бременем. Вообще сведения о кавказских наемниках в византийской армии достаточно обширны. В основном, они касаются аланов, нанимавшихся и используемых в тяжелой пехоте². В «Аланском послании епископа Феодора» от 1240 г. отмечается, что народ аланов «рассечен» на много отдельных

¹ История Византии. Т. 1. – М., 1967. С. 172.

² Лев Диакон. История. Пер. М. М. Копыленко. – М., 1988. С. 221: грузинская гвардия в армии Варды Фоки, мятежного полководца, в августе 987 г. в правление Василия II Булгароктона (976—1025) провозгласившего себя императором (Хотко С. Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI–XIX вв.) // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Идея, составление, редакция Р. А. Ханаху. – Майкоп. 2002. С. 387–394).

частей... они любят выселять от себя «переселенцев» небольшими группами, в результате чего «наполнили» едва ли не всю Скифию и Сарматию¹.

Уже в первые годы существования византийской империи аланские всадники в значительном числе отмечены на ее службе, а целый ряд аланских аристократов вошел в состав правящего класса².

В числе алан и других уроженцев Кавказа (армян, картвелов, черкесов), в источниках засвидетельствовано наличие в византийской армии и абхазских воинских отрядов³. Более того, личная охрана императора Юстиниана состояла из абхазских лучников⁴, а в императорскую гвардию, обладавшую особыми привилегиями и жалованьем, привлекались из-за границы лучшие воины. Еще в начале V в. в составе частей византийской армии, дислоцированных в Великом оазисе в Египте, находилось отдельное кавалерийское соединение абазгов под названием «Ala prima Abasgorum» (Первое крыло абазгов), состоявшее из не менее 500 всадников⁵. В это же время в Севастополе (нынешний Сухум) стояла военная часть: prima cogors Claudia equitata «Первая конная когорта Клаудия»⁶. Вооружение и внешний облик абхазских войсковых соединений ничем не отличались от византийских⁷: абхазское войско «было вооружено по византийскому обычаю в

¹ Скржинская Е. Ч. Комментарий к изд.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – М., 1960. С. 278 – 279.

² Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. – Minneapolis, 1973. С. 41–51; Хотко С. Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI–XIX вв.)... С. 387–394.

³ Георгика. Т. I. – Тб., 1961. С. 171, 172; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии... С. 57; Хотелашвили – Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 160.

⁴ Жузе П. Грузия в XVII столетии (по изображению Патриарха Макария). – Казань. 1905. С. 11.

⁵ Георгика. Т. I... С. 171, 172; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э.... С. 7; Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе... С. 176; Хотелашвили – Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов)... С. 161–167; Аргун Ю. Г. Работоторговля и военное отходничество у абхазов. (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011. С. 242.

⁶ Георгика. Т. I... С. 171.

⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 472.

сплошные латы, в то время, как другие кавказские народы носили кольчужные доспехи... »¹.

Традиция выезда на службу кавказцев в византийскую армию облегчалась тем важнейшим фактором, что значительную часть феодального класса империи составляли, как сказано, аристократы Армении, Алании, Абхазии, Грузии. Этот процесс усилился в период правления императоров армянского происхождения: Ираклия I, Филиппика (Вардана), Артавасда, Льва V Армянина, Романа I, Лакапина, Иоанна I Цимисхия². Для упрочения отношений с могущественными иноземцами византийцы, в частности, использовали династические браки. Так, рядом источников засвидетельствовано абхазское происхождение императрицы Византии Марии (Марты) – дочери абхазского царя Баграта IV³. Родственными отношениями был связан с византийцами и один из основателей Абхазского царства Леон II – внук по матери хазарского кагана и двоюродный брат византийского императора Льва Хазара, царствовавшего в 775 – 780 годах⁴.

Исторические источники сохранили и другие свидетельства абхазо-византийских взаимоотношений, в частности, Иоанн Киннам сообщает, что среди посольств, прибывавших к императору Мануилу, находилось и абхазское (авазги)⁵.

Источники дают основание говорить о том, что какая-то часть абасгских феодалов принимала участие во внутрифеодальной борьбе в империи, выступая защитниками византийских импера-

торов от узурпаторов¹. Немаловажную роль играли династические браки абхазских принцесс с византийскими кесаревичами, сыновьями византийских императоров².

Не исключено, что в самом византийском дворе лица абхазского происхождения находились на видных государственных постах; по сообщению Прокопия Кесарииского, абасги составляли значительное число евнухов³. Они, как и наемники, занимали важное место в составе византийской элиты. Некоторые из абхазов успешно прокладывали себе дорогу в круг византийской знати. Так, одним из наиболее ярких представителей абхазов, расселившихся в Константинополе в VI в., был влиятельный евнух и церковный деятель – Евфрат Абазг, пользовавшийся особым доверием императора и ведавший фактически всеми финансами империи. В числе других образованных и видных абазгов, живших в XI – XII вв. в столице, источники упоминают Грамматика Абазга, Георгия Авагса, Василия Авагса и др.⁴. Правда, отождествление вышеназванных личностей с абазгами, вызывает резкое неприятие со стороны грузинских авторов, считающих их грузинами⁵. Однако, параллельное употребление в антропонимах того времени этнонимов «абазг», «лаз» и «ивер» (напр. Грамматик Абазг, Ефимий Ивер, Митридат Лаз и др.), не оставляет сомнения в том, что в византийских ученых кругах XI – XII вв. четко различали иверов, лазов и абазгов, прекрасно разбираясь в особой этнической специфике и тех и других⁶. Полагают также, что по инициативе упомянутого выше Евфрата в Константинополе была открыта специальная школа⁷, в которой обучали детей представителей абхазской

¹ Георгика. Т. 1... С. 171; Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и Царства Армянских Багратидов в IX–X вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Ереван. 1967. С. 21–22.

² Максидов А. Х. Исторические и генеологические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик. 2001. С. 22.

³ Георгика. Т. 7... С. 23; Бибигов М. В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. – Санкт-Петербург. 2001. С. 79–80; Аджинджал Е. К. Императрица Ромеи Марта – абхазка // 50-я Итоговая научная сессия (25 – 27 апреля). Тезисы докладов. – Сухум.: АБИГИ, 2006. С. 11 – 12; Ачугба Т. А. История Абхазии в датах. – Сухум. 2011. С. 32. См. также: Дондуа В. Д. Исторические разыскания. – Тб., 1967. С. 35 – 36 (на груз. яз.).

⁴ Джанашиа С. Н. Труды. Т. II. – Тб., 1952. С. 330.

⁵ Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. – Спб., 1859. С. 201.

¹ Комнина Анна. Алексиада. – М., 1965. С. 431, 467.

² Там же. С. 627; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 294; Касландзия Н. В. Византийские исторические сочинения эпохи Комнинов об абхазах // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. – Сухум. 2012. С. 95 – 106.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950. С. 382 – 383.

⁴ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. – Л. 1938. С. 126 – 127; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 500 – 512.

⁵ Нуцубидзе Ш. И. История грузинской философии. – Тб., 1960. С. 274.

⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Указ. раб. С. 504.

⁷ Жузе П. Грузия в XVII столетии (по изображению Патриарха Макария)... С. 119; Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005. С. 159, 161, 162–174; Чачхалия Д. Абхазская

знати. Вполне вероятно, что идею создания школы подал Юстиниану Евфрат, сам привезший затем в столицу империи детей, а среди них и своего племянника¹.

Помимо обучения и воспитания в столице империи абазгских детей, туда посылались священники и дьяконы для получения религиозного воспитания и ознакомления с науками² (высшая школа в Константинополе кроме богословских дисциплин обучала слушателей, как известно, медицине, юридическим наукам, словесности, ораторскому искусству, философии). Несмотря на то, что абхазы, получившие образование в столице, становились проводниками византийской политики в Абхазии, параллельно они несли с собой все элементы римско-византийской культуры³.

Как можно судить по источникам, часть молодых абазгов отправлялась в метрополию для исполнения различных обязан-

православная церковь. Хроника. Прибавления. – М., 1997. С. 11; Хотелашвили –Инал-Ипа М. К. Апсны атоурых апхьаразы апхьау. – Акуа. 2010. С. 106.

¹ Церковная история Евагрия; схоластика и префекта. (Перевод И. В. Кривушина). – СПб., 1853. С. 214; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 478; Чачалия Д. Абхазская православная церковь... С. 11; Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии... С. 163, 164, 173–175; Газ. «Республика Абхазия». 19–20 февраля 2008г.; Касландия Н. В. Об абхазском католикосате // Абхазоведение. Вып. VII. – Сухум. 2012. С. 74.

² Жузе П. Грузия в XVII столетии (по изображению Патриарха Макария)... С. 10–11; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии... С. 19.

³ По мнению некоторых авторов, эти образованные абхазы распространяли в Абхазии, в частности, и принципы коллегиального управления. (Аргун Ю. Г. О демократических принципах управления в абхазском обществе // Гражданское общество. №42. – Сухум. 2004. С. 4). На этом фоне, полагают они, становится понятным правило, по которому владетельный князь Абхазии, еще в начале XIX в., когда обсуждались важные для страны и народа вопросы, рядом с собой, слева и справа, сажал обладавших большим авторитетом и уважением в народе представителей из свободных крестьян, предоставлял им слово, считался с их мнением. Вряд ли, однако, можно полностью согласиться с этой точкой зрения: демократический принцип управления, надо полагать, присутствовал в традиционном абхазском обществе задолго до византийского влияния, что следует объяснить медленными темпами феодализации, при котором границы между культурой и идеологией высшего сословия и остального народа не были резко очерчены. Существование в абхазском обществе коллегиальности управления подтверждается исконно абхазскими терминами «ахейдкыла» («союз», «объединение»), «аилацэажара» («обсуждение») и др. О традициях обсуждения абхазами важных государственных вопросов на народных собраниях свидетельствует то, что Парламент Республики Абхазия и сегодня называется Народным собранием (Апсны Жәлар Рәизара).

ностей при дворах должностных лиц, в усадьбах и домах богатых византийцев¹. При этом, имеются основания полагать, что абхазы общинами проживали в столице империи Константинополе и других частях империи, по крайней мере с X в.²: при этом трудно судить о связях «византийских абхазов» с исторической родиной, за исключением тех эпизодов, когда такие абхазы прибывали в Абхазию в качестве византийских чиновников или церковных деятелей. Более того, «обмен» населением, судя по Прокопию Кесарийскому начинается гораздо раньше X в.³ Уже приводились слова этого историка о том, что византийцы в свою очередь, расселялись среди абазгов в разных пунктах страны. Причем, еще на начальной стадии своих взаимоотношений с местными жителями, византийцы для установления более тесных связей с абазгами, очевидно, заключали с ними брачные союзы, учитывая и то, что среди римлян в основном, надо полагать, были мужчины.

Взаимоотношения ромеев с местным населением, в то же время, не было безоблачным и имелось немало сложностей. Так, осуществление местными абхазскими правителями снабжения городов-колоний Византийской империи и гарнизонов продуктами на льготных условиях, производство рекрутского набора для формирования воинских отрядов из местного населения, выделение на строительные работы необходимого состава и транспортных средств для перевозки грузов и др. подобные имперские повинности, ложились тяжким грузом на плечи реальных хозяйств. Эти повинности значительно сокращали производственные возможности абхазских сел отвлечением рабочей силы и тяглового скота на сторонние и чуждые заботы, что создавало напряженность в отношениях с византийцами, которые иногда переходили к открытому возмущению.

Следует сказать, что важным свидетельством культурных контактов абхазов с греками в эпоху древнегреческих полисов, затем в эллинистическую, римскую и византийскую эпохи, стали языко-

¹ Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. Апсны атоурых апхьаразы апхьау... С. 104.

² Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 482.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 403.

вые заимствования. Сошлемся на некоторые примеры абхазских заимствований в греческом, относящиеся к древнейшему лексическому фонду этих языков: «апсы»(арсъ) – душа, дыхание¹; ара(ара) – орех; акакан (akakan) – плод ореха; аха (аһа) – груша; ахъы (ахъ) – волосы; абахъ (абах^о) – скала, горная вершина; адырды (адърдъ) – веретено и ряд других слов².

§ 2. Византийский фактор в этнокультурной жизни абхазов

Культурное воздействие греко-византийцев на народы Западного Закавказья. Должно быть отмечено, что неизгладимую печать на духовный облик народов Западного Закавказья наложило интеллектуальное воздействие греко-византийцев: с византийским влиянием связано распространение и утверждение в Абхазии православного христианства, церковной архитектуры и иконописи, многие достижения ремесел и строительства. Последнее представлено образцами оборонительного зодчества и вообще абхазской архитектурой раннего средневековья, достигшего высокого уровня развития³. Эта эпоха представлена множеством крепостей (Цибилеум, Ахыста, Тцахар, Трахея и др.) и храмов, отличающихся высоким качеством строительных работ⁴. Влияние византийской архитектуры на раннесредневековое монументальное зодчество Абхазии проявлялось в планировке, конструкциях, даже в растворах, использовавшихся при возведении стен⁵. Рука

¹ С. Л. Николаев отмечает, что не только в греческом, но и во всех индоевропейских языках слово «апсы» этимологии не имеет и является заимствованием из языка северо-кавказского типа (Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. – М., 1985. С. 72).

² Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом ... С. 66 – 73. Медная собака Лайлапс греческой мифологии, видимо, связано с абх. «ала», абаз. «ла», ср. с абаз. «лапс» «собака-самка».

³ Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М., 1978. С. 10.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же. С. 13; Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2005. С. 250. Его же. Культовое зодчество средневековой

ранневизантийских зодчих чувствуется в строительстве целой системы оборонительных сооружений вдоль Клухорского пути¹. В возведении крепостей и других построек, несомненно, участвовали выходцы из местных народностей, прошедших соответствующую подготовку на родине или вдали от нее. Восприятие византийского влияния на абхазскую архитектуру необходимо рассматривать не как простое копирование чужих образцов, а как процесс творческого их отбора и переработки². Исходя из числа сохранившихся архитектурных памятников VI – X вв., можно говорить, что рассматриваемый период был временем чрезвычайно бурного строительства на территории Абхазии. С указанного времени Абхазия покрывается храмами базиличной и крестовокупольной композиции³. Некоторые из них представляют шедевры древнего зодчества (например, Дранда, Мыку, Лыхны) и фресковой живописи⁴. Строится большое число одноапсидных приходских церквей, в которых хорошо просматриваются византийские архитектурные влияния, в стиле и в строительной программе схожие с другими регионами византийской ойкумены⁵, например, в Болгарии⁶. Так, в Драндском соборе VI в.,⁷ который строился в Апсилии как оплот Византийской империи в проведении церковной политики, и где, как полагают, находилась резиденция епископа, созданы своеобразная пространственная структура, напоминающая Софию Константинопольскую. Это Абхазии // Абхазы. – М., 2007. С. 259, 261, 264.

¹ Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Севастополис – Цхум. – М., 1980. С. 97.

² Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб., 1971. С. 144.

³ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII вв.). – М., 2002. С. 418 – 430.

⁴ Чачхалия Д. Абхазская православная церковь... С. 69 – 93.

⁵ Пищулина В. В. Особенности архитектуры и генезис христианского храма в форме «обнаженного креста» на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа, №4. 2004. С. 74 – 78.

⁶ Кузнецов В. Христианство на Северном Кавказе до XV в... <http://kavkaznasledie.ru/archives/1887>.

⁷ Левкинадзе В. А. О Драндском храме // Византия и Кавказ. – Ереван. 1982. Т. V; Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. 1984. С. 192 – 206.

недвусмысленно указывает на то, что ее создатель или прибыл из Византии, или если он местный, то побывал в Константинополе¹. Строительство храмов не только в прибрежной части Абхазии, но и в горной зоне, привели к тому, что «местные мастера восприняли и многократно воплощали в камне темы и образы, широко распространенные всюду в христианском мире»².

С VI в. существенные изменения происходят в других сферах материальной культуры. Не случайно, в частности, повышается интерес к изготовлению амфор, что приводит к увеличению их количества. Как показал О. Х. Бгажба, взаимодействие с Византией привело к обогащению керамического комплекса раннесредневековой Абхазии за счет появления новых типов пифосов, амфор, кухонных горшков и других ремесленных изделий³. Обнаруженный в Драндском храме богатый комплекс раннесредневековых амфор подтверждает мысль о том, что в Дранде так же, как и в других укреплениях на зависимых от Византии территориях, шла постоянная доставка провианта, как из далеких центров империи, так и от местных жителей. Керамический комплекс Дранды «исторически важен во многих отношениях – и как памятник раннесредневекового гончарного производства, и как свидетельство торговых связей Апсолии со странами Средиземноморья, и как пример применения на почве Абхазии древнего строительного приема облегчения сводов»⁴.

Ряд авторов уже высказывался в пользу складывания с этого времени под сильным влиянием византийской моды женского

¹ Маан О. В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004. С. 32. Его же. Междуречье – низовья реки Кодор. – Ростов-на-Дону. 2013. С. 39. Драндский храм строительной техникой резко отличается от грузинской, как и от армянской и албанской архитектуры. Он почти целиком построен из кирпича, что совсем не характерно для зодчества других стран Закавказья (Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда...).

² Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб., 1980. С. 98; Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум. 1999. С. 17.

³ Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми. 1977. С. 37.

⁴ Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда... С. 200; Сакания С. Культовое зодчество средневековой Абхазии... С. 264.

убора Апсолии¹. Распространенные среди апсолиек некоторые фибулы (крестовидные и Т-образные), провололочные подвески в виде волют относятся к устоявшейся закавказской традиции, но большая часть элементов убора принадлежит общим типам, распространившимся из Византии². Это, в частности, привнесенные в женский убор апсолов арбалетные фибулы с завитком на ножке, восходящие к позднеаримскому типу Виминациум³, серьги с подвесками, птицевидные фибулы-броши, граненые биконической формы янтарные бусы, полихромные стеклянные бусы, перстни с круглым щитком и печатками⁴.

Решающее влияние, которое изначально оказывала на народы Западного Закавказья, христианская идеология и соответствующие ей элементы общественных отношений, обусловило провизантийскую ориентацию абхазских правителей. Это обстоятельство в известной степени способствовало и сходству социальной структуры, хозяйственной деятельности, народного быта и т. д. Византии и Абасгии⁵.

Активные византийско-абазгские культурные взаимоотношения отразились в топонимике, народном творчестве, в меньшей степени, по мнению некоторых авторов, на лексике⁶. Достаточно открыть греко-русский словарь, чтобы убедиться в том, что име-

¹ Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. – М., 2009. С. 122 – 123. Ее же. Эволюция женского убора апсолов (II – VII вв.) // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011 г., г. Сухум.) – Сухум. 2011. С. 142 – 143.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Воронов Ю. Н. Абхазия в эпоху феодализма // История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 74; Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 193; Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 88–97; Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 57, 64, 105, 109–110; Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979. С. 81–82, 90. Его же. О датировке абхазских ацангуар // СЭ., № 6. – М., 1973. С. 31–39; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. – Сухум. 2002. С. 35–36.

⁶ Джонсу Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002. С. 146.

ется вполне определенное количество сходных греко-абхазских лексем, которые, очевидно, указывают на греко-абхазские языковые контакты, например, греч. калат, ср. с абх. акалат-корзина; сау-просеивать, ср. с абх. Саунау-божеством мукомолья¹; сакос-мешок (абх., абж. асакъ), салос, ср. с абх. апыр-сал, фагос-есть, поедать, ср. с абх. афара-с тем же значением. Определенный интерес представляет греческое название Анакопии (в перев. с абх. – «изрезанный», «выступ» или «иссеченный крутизнами») – «Трахея» (греч. «суровокремнистая»)², что, скорее всего, является переводом абхазского ойконима³; то же самое имеем в абх. названии Пицунды – Амзара, греч. Питиус и груз. Бичвинта, где топонимы на всех языках исходят из понятия «сосна». К древнегреческой основе *пил* «теснина» специалисты возводят окончания названий теснин Кодорского ущелья – Ца-бал (греч. Тзи-бил), Джам-пал, Кырк-пал⁴. Некоторые историки и фольклористы сопоставляют абх. «Ареиааи» (божество-покровитель войны и войска) с греч. Арес⁵; «Атана» (божество мудрости и красоты) с греч. Афиной⁶ т. д.; аналогии усматривают также между абхазским термином «ацута» и римским «цутеиос» (городское гражданское общественное место), «алабашья» и лабар («лабарум», скипетр)⁷. Следует, однако, заметить, что, судя по полевым этнографическим материалам, у абха-

¹ В то же время ср. абх. саунау с общетюркским божеством воды Сууана (букв. Мать воды) (Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика... С. 86).

² Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 401.

³ Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум. 1999. С. 58. Слово «Трахея» как обозначение труднодоступных, скалистых мест, применимо ко многим холмистым, возвышенным местам Абхазии.

⁴ Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. – Сухум. 2006. С. 52.

⁵ Аджинджал Е. К. О божестве-покровителе войны и военной традиции абхазов в прошлом. Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1978 – 1979 гг. – Уфа. 1980. С. 149. Его же. Абхазская культура и античная традиция / Журн. «Алашара». 1982. №2. С. 92 (на абх. яз.); Зухба С. Л. Абхазская мифология. – Сухум. 2012. С. 651 – 653 (на абх. яз.).

⁶ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 51.

⁷ Аджинджал Е. К. К истории структуры Абхазского государства эпохи средневековья // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. А. Дзидзария. – Сухум. 2004. С. 9–10.

зов наличествует более десяти разновидностей названия алабаша, что служит, очевидно, показателем его исконного происхождения. Поэтому следует, на наш взгляд, согласиться с А. Д. Хеция в том, что сходство лексем алаба(шья) – лабар является случайным созвучием слов, нередко встречающееся в разных неродственных языках¹. Лингвисты считают несомненным происхождение абх. акра «мыс», «маяк» от греч. акра (мыс, выступ, вершина)². Вряд-ли, однако, здесь также следует быть категоричным, так как в абхазском языке наличествует слово «акр'а» – держать. Вызывает интерес совпадение, например, названия абх. села Аспа с древнегреческим *аспа* «село»³; название села Охурей в Очамчырском районе Абхазии, по словам старожилов, происходит от мегр. слова «охоруа», что означает «место, откуда брали лес (доски) для строительства жилья». Однако в основе слова «охоруа», очевидно, лежит греч. «хора» – сельскохозяйственная округа древнегреческого полиса.

В исторических преданиях абхазов содержатся сведения, дающие основание полагать, что в раннесредневековый период господствующую прослойку части населения тогдашней Абхазии составляли византийские греки⁴. Стоит также вспомнить, что абхазский фольклор даже в XIX в. содержал сведения о том, что сам апсха «царь Абхазии» был греком (что, по-видимому, является отражением провизантийской политики абхазских правителей), а фамилия позднефеодальных владетелей Абхазии – Чачба произошла от сына византийца, которого воспитали Ачбовы⁵.

¹ Хеция А. Д. Терминология охотничьего вооружения в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28 – 31 мая 2001 г. Сухум. – Сухум. 2004. С. 534. Его же. Лексема «алаба» в абхазском языке. Рукопись. 2012 г. С. 1 – 28 (на абх. яз.).

² Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 51.

³ Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 106.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении. (Материалы с комментариями) // Абхазоведение. II выпуск. – Сухум. 2006. С. 246.

⁵ Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. – Тб., 1966. С. 128. Его же. Избранные труды. В трех томах. I. Эпическое творчество абхазов. – Сухум. 2008. С. 135; Зухба С. Л. Абхазское народное поэтическое творчество. – Сухуми. 1981. С. 359 (на абх. яз.).

Утверждение православия в Абхазии. Особое место в социальной структуре Абхазии периода становления национального государства начинает занимать христианская церковь, которая вступила на новую языческую территорию под всесторонним покровительством кесаря.

Принятие апсилами и абазгами христианства из Византии, несомненно, было обусловлено, тем что они изначально тяготели к античному миру и через него вошли в византийский (восточно-римский) культурно-политический круг народов. Анализ письменных источников дает основание считать, что ранний период распространения христианства у абазгов, а также у лазов, привлек особое внимание византийских писателей¹. По-видимому, это было обусловлено не только военной и политико-культурной дипломатией Византии в период ее войн с Персией, но и отчасти закономерным развитием абхазских народностей в целом, особенно высших слоев².

Если для империи продвижение христианства должно было стать идеологической опорой своих интересов на Кавказе, то практическое приложение своих усилий христианская церковь видела в нескольких ипостасях: духовная наставница абхазской элиты; миссионер христианской истины, борец с языческим многобожием; просветитель народа, несущий ему свет греческой культуры; строитель новых архитектурных и культурных ценностей; организатор и строитель храмов – божьих обителей; организатор использования новых форм хозяйствования и новых орудий труда.

Наибольшего успеха в деле распространения христианства достиг имп. Юстиниан, в первой половине VI в. (в ответ на экспансию зороастрийской Персии в Причерноморье) утвердивший в Абазгии православие в статусе официальной религии и по-

¹ Георгики. Т. II. – Тб., 1965. С. 128 и сл.; Прокопий из Кесарии. О постройках // ВДИ. 1939, № 4. С. 278.

² Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе... С. 182.

строивший храм св. Богородицы, скорее всего, в Цандрипше¹. Это обстоятельство можно вообще считать первым этапом взаимоотношений абхазских народностей с Византией. Известный факт о возвращении из Константинополя абхазского священнослужителя Евфрата в качестве «византийского кадра» для содействия делу христианизации, нужно думать, не единичный и связан с проблемой греческого языка, который возникал в связи с приобщением абхазов к новой религии². Уже в середине VI в. византийские писатели называют апсиров «с давних времён христианами»³. Правда, это сообщение Прокопия находится, на первый взгляд, в противоречии с его же утверждением о том, что «эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья»⁴. Однако, очевидно, Прокопий пишет о наличии синкретного характера религиозных представлений у абхазов, которые считая себя христианами в публичном быту, в частной жизни продолжали придерживаться традиционной религии.

Сосуществование и совмещение традиционных культов и христианства (что являлось отличительной особенностью религиозного мировоззрения абхазов и в последующее время), привело к тому, что христианство постепенно и весьма своеобразно сплелось с семейно-патронимическими и родовыми обрядами абхазов, которые приспособили его к своим обычаям и традициям через институт «Апсуара» – основу всей традиционной культуры абхазов.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 383; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 23– 27; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 566; Аджинджал Е. К. К вопросу о проникновении христианства в Абхазию // ТАГМ. Вып. 55. – Сухуми. 1980. С. 178; Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII вв.)... С. 52, 54; Кузнецов В. Христианство на Северном Кавказе до XV в. <http://kavkaznasledie.ru/archives/1887>; Ачугба Т. А. История Абхазии в датах... С. 20.

² Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.)... С. 85.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 380; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 149; Нюшков В. А. Апсо-византийские взаимоотношения (IV – VIII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Материалы конференции. – Сухум. 2012. С. 117 – 121; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 214.

⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 380. Его же. История войн римлян с персами. Кн. 2. – Спб., 1880. С. 382, 383.

По мере усиления своего влияния, увеличения численности приходов и монашеского клира, расширения церковных земельных угодий, социально-экономическое влияние церкви в Абхазии неуклонно возрастало. Церковь становилась не только социально-экономическим, но и социально-политическим фактором внутренней жизни Абхазии. Важным результатом этих процессов стало образование нового социального слоя общества – церковнослужителей.

Успешная политика Юстиниана I на Западном Кавказе значительно укрепила позиции Византии в этом регионе: Лазское царство было упразднено, и во главе Лазики стояли византийские патриархи местного происхождения; Абазгия, Апислия и Мисиминия были христианизированы и вовлечены в орбиту влияния империи.¹

С VII в. ставшая фактически автокефальной абхазская церковь в VIII в. получает своего католикоса, Иоанна, рукоположенного Антиохийским патриархом Феофилактом (750 г.). В свою очередь, католикос Абхазии Иоанн в 754 г. посвящает в епископы Готии (Крыма) Иоанна². Он был рукоположен в Кафедральном храме в Абхазии, в Пицунде, которая с самого начала существования христианства в Абхазии и по XVIII в. была ее духовным центром³.

Исследователи не сомневаются в том, что богослужение в ранневизантийское время среди части абхазских последователей христианства велось на их родном языке⁴. Что же касается официального церковного языка более позднего периода — VII—X вв., то, безусловно, это был греческий⁵. В картвельских провинциях Абхазского государства в официальном обиходе наряду с греческим,

¹Виноградов А. Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII– первая половина X в.)//Древности Западного Кавказа. – Краснодар. 2013. С. 156.

² Чачхалия Д. Абхазская православная церковь... С. 15, 16; Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией... С. 250.

³ Там же.

⁴Дворник Фр. Миссии греческой и западной церковей на востоке в средние века // Международный конгресс исторических наук. – М., 1970. С. 207; Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе... С. 184.

⁵Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе... С. 184.

использовался грузинский язык¹. В течение почти всего периода своего существования Абхазское царство в культурно-религиозном отношении было ориентировано на Византийскую империю. Абхазская церковь являлась частью Константинопольского патриаршего престола². Это подтверждается в том числе исторической антропонимией абхазов³. Абсолютное количественное преобладание и интенсивное бытование греко-византийских личных имен в династии абхазских царей, конечно же, может быть объяснено христианским вероисповеданием их носителей и интенсивностью греко-абхазских языковых встреч⁴. Например, в абхазскую антропонию в той или иной форме из Византии, скорее всего, на ранней стадий византийско-абхазских этнокультурных связей, вошли такие мужские имена, как Леон, Марин, Константин, Юстин, Юлий, Виктор, Максим и др.⁵

В то же время, византийская церковь, хотя и запрещала языческие имена, не сумела искоренить исконно абхазские имена, и терпимо относилось к бытованию ряда древних неканонических имен (Апсит, Барнук – Барныкуа, Хада и др.), в том числе и имен иранского происхождения (Анос, Гозар, Баграт, Гурандухт и др.)⁶. Тем не менее исторические материалы дают основание сделать вывод о том, что представители господствующих сословий раннесредневековой Абхазии не только воспринимали отдельные греческо-православные имена, но и придерживались ряда антропонимических традиций греков-византийцев.

¹ Абхазы. – М., 2012. С. 68.

² Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. 1. – Тб., 1951. С. 303; Амичба Г. А. Средневековый период... С. 68; Православная энциклопедия. Т. 1. – М., 2000. С. 67–71; «Христианская Абхазия». Газ. Февраль 2012. №2 (58); Касландзия Н. В. Об абхазском католикосате // Абхазоведение. Вып. VII.... С. 82.

³ Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). С. 77, 81–84.

⁴ Там же. С. 94; Цулая Г. В. Отрок Шарукан – Атрака Шараганис-дзе (К вопросу об антропонимическом источниковедении истории народов Кавказа // КЭС. VIII. – М., 1984. С. 194 – 196.

⁵ Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум. 2010. С. 116–117, 302.

⁶ Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.)... С. 94 – 95.

Немалую роль связи с Византией сыграли и в усилении Абхазского царства, например, при Константине III¹. Для украшения храмов в Цандрипше, Пицунде, Псырцхе, Цебельде, Очамчыре, Гудае и др., из Византии были доставлены мраморные колонны (особенно из проконнесского мрамора) и другие элементы оформления² (хотя, нельзя исключить, что отдельные мраморные предметы и украшения храмов Абхазии изготовлялись и из местного мрамора, который добывался в Цебельде, Герзеуле, Гудаа и других местах). В связи с мраморным декором, широко применявшимся в интерьере храмов стран византийского мира, и в частности, Абхазии, исследователи в качестве примера приводят название храма на левом берегу р. Кодор – Мармал-абаа (мраморное сооружение)³. В действительности же, как было установлено А. К. Кацья⁴, храм был украшен настолько тщательно отшлифованным с лицевой стороны белоснежным известковым камнем, что невольно напрашивается на отождествление камня с мрамором⁵. Исследователи исходили из названия, которым окрестило местное население развалины церкви⁶. Тот же автор утверждает, что нынешние остатки Мармал-абаа являются частью более древнего и значительного храма и укрепления, о чем свидетельствуют фрагменты крупных стенных блоков, характерные для строительного мастерства VIII–X вв., и резные детали с орнаментикой, исполненные в техни-

¹ Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 63–73.

² Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии... С. 17–18, 21–22, 24–25. Ее же. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми. 1985. С. 43. Ее же. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С. 354 – 359, 360 – 362, 382 и сл. В то же время во внутренних районах современной Грузии мраморные произведения византийского происхождения очень редки (Хрушкова Л. Г. Мраморные изделия византийского происхождения из Восточного Причерноморья // ВВ. Т. 40. – М., 1976. С. 134).

³ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии... С. 18.

⁴ Кацья А. К. «Мармал – абаа – архитектурный памятник средневековья». Рукопись. 1958 г. С. 7 – 8.

⁵ Там же.

⁶ Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми. 1958. С. 75; Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. – Сухуми. 1960. С. 151.

ке, свойственной тому времени¹. В планировке и конструкции храма прослеживаются и византийские архитектурно-строительные традиции². Массовый характер строительства церквей в рассматриваемую эпоху в Абхазии способствовал выявлению местных мастеров, сначала работавших под руководством приглашенных специалистов, а затем уже, сложившихся строительных корпораций, самостоятельно возводивших необходимые сооружения³ (аналогичные корпорации существовали в Древней Армении, и ее члены назывались «мастерами камня»; позднее цехи каменщиков были организованы в западноевропейских странах)⁴. Вполне возможно, что храм Мармал-абаа, как и многие другие в указанное время, построили территориально-патронимические общины, исповедовавшие христианство⁵.

Наиболее активно сооружение церквей развернулось в X–XII веках⁶. Появились абхазские храмы X века, похожие на храмы в Сочинском районе и на аланские храмы в Карачаево-Черкесии. Археологи отмечают аналогичную византийскую керамику VII–IX веков в сочинских и абхазских монастырях-крепостях⁷. Монахи прокладывали дороги, наводили переправы через реки. Известно, что горцы, устраивая на караваны набеги, грабили их. А монастыри давали караванщикам приют, ночлег и защиту от разбойников и стихии. В обязанность монахов входило и такое важное дело, как поддержание в рабочем состоянии горных дорог и переправ через реки. Обвалы, оползни, сели, паводки при таянии ледников постоянно разрушали дороги. Их надо было быстро восстанавливать.

¹ Кацья А. К. «Мармал – абаа – архитектурный памятник средневековья»... С. 8.

² Там же.

³ Кацья А. К. «Мармал – абаа – архитектурный памятник средневековья»... С. 8.

⁴ Маан О. В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор... С. 39.

⁵ Кацья А. К. «Мармал – абаа – архитектурный памятник средневековья»... С. 8.

⁶ Кузьмин В. Древние христианские храмы Кавказа // Наука и жизнь. №12. 2008 г.

⁷ Там же.

Рядом с христианскими храмами в Ингушетии – Тхаба-Ерды и Алби-Ерды – обнаружены руины небольших караван-сараев. И руины рядом со Средним храмом в Архызе, похоже, также когда-то были караван-сараями¹. Все это свидетельствует, что в раннем средневековье купец и монах, олицетворявшие собой торговлю, религию и культуру, шли в горы «в одной связке». При этом, строительство монастырей в X веке совпадает с пиком развития Византийской империи и со временем формирования централизованных государств на Кавказе. На этот же период приходится расцвет караванной торговли на Великом шёлковом пути через Кавказ². Поэтому считают, что своим появлением христианская архитектура Кавказа обязана в первую очередь Великому шёлковому пути³.

Конечно, трудно отрицать роль участка Великого шелкового пути, проходившего через Абхазию в становлении и развитии христианства на этой территории. Но необходимо иметь в виду, что большинство храмов в Абхазии, вопреки приведенному выше мнению, были сооружены в период с VI до X веков⁴. Не приходится, на наш взгляд, отрицать и значение монастырей Абхазии как мест для отдыха караванов. Нужно сказать, что на пути от Клухорского перевала до Сухума (или в местах тяготеющих к перевалу), куда двигались караваны (для их дальнейшего направления в Константинополь), насчитывается более пятидесяти раннесредневековых церквей или церковных руин. Церковные ограды или какие-либо пристройки на торговом пути, конечно могли быть своеобразными «предприятиями гостеприимства», служа и пунктами для отдыха путников и загонами для лошадей. Тем более, нужно иметь в виду, что отрезок пути от Клухора до Сухума можно пройти не менее чем за четыре дня. Что касается мнения о том, что храмы и монастыри строили для обслуживания караванных путей, то вряд-ли можно полностью согласиться с подобной точкой зрения, так как храмы, в частности на территории Абхазии,

по нашему мнению, строились все же исключительно для христианизации местного населения. В этой связи не случайно, видимо, и то, что, например, в долине Теберды, служившей первоначальной дорогой из степей и ущелий Северного Кавказа к побережью Абхазии, был выстроен крупнейший византийский храм. Отсюда караванные торговые дороги вели в разных направлениях к Клухорскому перевалу и далее к Черному морю, вниз по р. Кубани, по р. Маре в долину Подкумка, к хазарскому городу Маджары и к крепости Рум-Кале. Именно здесь, в месте, где соединялись дороги, ведущие в ущелье рек Кубани, Теберды и Мары, в густо населенной долине, для Византии, надо полагать, особо важно было утверждать христианство, чтобы поддерживать свои экономические и политические интересы. Иными словами, христианские памятники Кавказа, расположенные вдоль караванных дорог, должны говорить о том, что не только религиозно-культурные идеи, но и живые носители этих идей, ревностно пропагандировавшие их и энергично способствовавшие их распространению и практическому воплощению, проникали сюда тем же путем, каким шла торговля с Византией. И в то же время, разумеется, нельзя отрицать того факта, что монастыри и храмы играли большую роль в деле обслуживания караванного пути, пролежавшего в частности, через территорию Апсолии. В связи с чем стоит еще раз вспомнить слова Прокопия о том, что на отрезке пути от Клухора до Сухума, путникам приходилось менять лошадей¹.

¹ Кузьмин В. Указ. раб. Там же.

² Кузьмин В. Указ. раб. Там же.

³ Кузьмин В. Указ. раб. Там же.

⁴ Сакания С. Культурное зодчество средневековой Абхазии... С. 259–270.

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988. С. 5; Иерусалимская А. А. Кавказ на Шёлковом пути. Каталог временной выставки // СПб: 1992. 72 с.

ГЛАВА II.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ АБХАЗОВ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ В VI– VIII вв.

§1. Этнический облик населения горной Абхазии и соседних регионов в I тысячелетии н. э.

Мисимиане. В период поздней античности и раннего средневековья в тесной связи с территорией Абхазии и соседних регионов источники упоминают апсилов, абазгов, брухов, мисимиан и др. Некоторые исследователи, в доказательство якобы прищлости предков абхазов на эту территорию, полагают, что упоминаемые Флавием Аррианом апсилы, абазги и саниги жили в горах¹, хотя в периплах (описаниях морских плаваний), в данном случае специальной докладной Фл. Арриана «Перипл Эвксинского Понта», речь идет о прибрежных, а не горных племенах Колхиды.

По мнению ряда других авторов (Г. Меликишвили, Н. Ломоури и др.), появление предков абхазов на побережье объясняется миграционными процессами с Северного Кавказа². Между тем предположения о перемещениях древнеабхазского населения с

¹ Инадзе М. П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тб., 1999. С. 61–62.

² Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 307 – 308, 364 – 375; Очерки истории Грузии. Т. I. – Тб., 1989. С. 326 и сл.; Мусхелишвили Д. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999. С. 119–120; Инадзе М. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии... С. 79; Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время. – Спб., 2006.

севера на юг в конце I тыс. до. н. э., – начале н. э., не находят подтверждения в античных источниках. Если столь крупное переселение с Северного Кавказа имело бы место, то об этом упомянул бы тот же Флавий Арриан, в начале н. э. побывавший в этих местах. Ничего не говорит о таком переселении и Прокопий Кесарииский. Против миграции каких-либо «племен» с севера на юг позволяет говорить и то, что в период римского владычества в Восточном Причерноморье, в том числе в Абхазии, стояли их гарнизоны, и какие-либо инвазии на эти территории означали нарушение границ империи, почему всякие перемещения должны были быть не столь легкой задачей. Исходя из сказанного, на этой территории исключались какие-либо крупные перемещения народов. В общем, письменная история застает древнеабхазские племена на территории нынешней Абхазии, что находит подтверждение данными археологии, в частности, раскопками в Центральной Абхазии, показавшими, что проживавшее здесь в I–V вв. население, генетически было связано с местной культурой первого тысячелетия до н. э.¹ Эта органическая культурная преемственность является свидетельством и этнической преемственности². Мнения об отсутствии этнических изменений на территории нынешней Абхазии на рубеже н. э., помимо М. М. Трапш, З. В. Анчабадзе, придерживаются также Г. К. Шамба, А. К. Амброз, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и др.

Одной из крупных этнотерриториальных групп, помещаемых источниками непосредственно в горной полосе Абхазии, являются мисимиане. Основное ядро мисимиан отмечается византийскими авторам в верховьях реки Кодор³. Мисимиане, как сообщает Ага-

¹ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 181–182; Шамба Г. К. Ахачарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970. С. 80; Амброз А. К. Предисловие к кн.: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 4, 6; Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии / Грузия». – Тб., 1999. // Вестник Академии наук Абхазии. – Сухум. 2005. С. 73–75.

² Анчабадзе З. В. Избранные труды. В двух томах. II. – Сухум. 2011. С. 51.

³ Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. – М. – Л., 1953. С. 8.

фий, «живут... севернее народа апсильев и несколько восточнее»¹. Причём Тзибила (совр. Цебельда-Цабал) являлась апсильской крепостью, находившейся недалеко от страны мисимиан. Выше Тзибилы Агафий указывает также укрепленное место Тцахар². Согласно этим данным, мисимиане локализовались в Кодорском ущелье³. По мнению других авторов, исходя из основных характеристик, данных Агафием, Тцахар локализуется на месте укрепления на горе Пскал (левобережье Кодора, на территории с. Джгярда)⁴.

Иной точки зрения придерживается Г. К. Шамба, который локализует мисимиан выше апсильов («севернее Цебельдинской крепости»)⁵, а ряд других исследователей (Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал-Ипа, М. М. Гунба и др.) отождествляют Тцахару с абхазским названием реки, источника и селения Адзгара, также в верховьях р. Кодор⁶.

Из этого однако не следует, что мисимиане расселялись лишь в верховьях реки Кодор. Идентификация Мисимианского пути с ущельем реки Ингур и выходом на Северный Кавказ через перевал Накра свидетельствует, что мисимиане занимали всю предгорную и горную часть Южной Абхазии в междуречье Кодора и Ингура. «У самых границ лазов» располагалась мисимианская крепость Бухлоон⁷, которая помещается исследователями на месте нынешнего села Пахулан⁸. Следуя сообщениям византийских авторов, Мисимианский путь проходил восточнее Даринского пути, шедшего через Апсилью⁹.

¹ Там же.

² Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 150.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970. С. 80.

⁶ Мнения других авторов о локализации мисимиан см.: Воронов Ю. Н. Древняя Апсилья... С. 60.

⁷ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 87.

⁸ Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980. С. 21; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум. 2006. С. 120.

⁹ Византийские историки (Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец). – Спб., 1894. С. 383–384.

По поводу этнической принадлежности мисимиан в литературе, как известно, высказаны различные точки зрения и во избежание повторения мы не будем останавливаться на их детальном рассмотрении¹.

С мнением исследователей, в частности, точкой зрения проф. Ш. Д. Инал-Ипа, о том, что мисимиане являлись древнеабхазским «племенем», близким апсилам² категорически не согласны грузинские историки (С. Каухчишвили, Н. Ломоури, Г. Цулая и др.) и исходя из известной цитаты Агафия о том, что «мисимиане были подданными царя колхов, как и апсилы, но язык у них разный, так же как и нравы», относят мисимиан к сванам³.

Прежде всего нужно сказать, что в сообщении Агафия, по нашему мнению, речь идет об отличии языка мисимиан от лазов, так как далее автор говорит и о разности их нравов. Это подтверждается следующим фрагментом Агафия, где говорится об убийстве мисимианами апсильов: «... немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни». Следовательно, если к мисимианам в качестве послов были направлены не лазы или сваны, а именно апсилы, то это должно означать, что они говорили на одном языке, чего нельзя сказать как в отношении сванов к апсилам, так и мисимиан с апсилами к лазам. И в комментарии к тексту Агафия, его переводчик М. В. Левченко указывает, что речь в соответствующем отрывке идет о противопоставлении мисимиан лазам⁴. Английский исследователь Дж. Хьюит, в свою очередь, анализируя

¹ См.: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 229 ; Каухчишвили С. Г. Племя мисимиан // Труды ТГУ. – Тб., 1936. 1. С. 279–280; Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии... С. 65, 100, 384 и др.; Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. – Тб., 1997; Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. – М., 1995. С. 20–21; Мибчуани Т. К вопросу о этническом происхождении мисимиан // Журн. «Мнатоби», №5. – Тб., 1987(на груз. яз.); Мухелишвили Д. Исторический статус Абхазии... С. 125; Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа... С. 134–135;

² Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 232.

³ Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи...; Цулая Г. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии... С. 20–21.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 209.

интересующую нас цитату Агафия, полагает: «интерпретация ясна: мисимяне хотя и являются подданными колхов, отличаются от них по языку и нравам»¹. Г. А. Дзидзария обращал внимание на то, что «...неправильно категорическое причисление мисимиан к грузинскому этническому миру», и что они «принадлежали к абхазскому этносу, будучи особенно близкими к древнеабхазскому племени апсилов», а также на то, что мисимиане жили «не вблизи моря, а в горной местности» Юго-Восточной Абхазии². Утверждение ряда грузинских историков, о том, что мисимиане «культурно-исторически, бесспорно грузины», является, как писал Ю. Н. Воронов, форменным издевательством над памятью Агафия Миринейского, еще в 50-х гг. VI в. подчеркнувшего культурную и языковую близость мисимиан к апсилам³. Словом, мисимиан и апсиров, исходя из сведений Агафия, объединял наиболее важный индикатор этнической принадлежности – язык. При изучении этнической принадлежности и вообще этнического состава важным источником является антропонимия. С этой точки зрения исследователями справедливо обращено внимание на зафиксированное Агафием имя «наиболее знатного» мисимианина – Хада⁴, которое переводится с абхазского как «глава, главный, предводитель» (этот факт никак не комментируется грузинскими историками). Возможно, что Хада не антропоним, а соционим-титул, или обращение к «наиболее знатному», который был и политическим лидером. А Агафий воспринял это как личное имя. Трудно сказать, что-либо относительно отмечаемого исследователями факта, что имя Хада «в форме Хадиа и производное от него фамилия Хадиашвили засвидетельствовано в современной грузинской антропонимии»⁵. Было высказано и мнение, что мисимианское имя Хада «в свое время было заимствовано у абхазов

¹ См. Журн. «Грузиноведение и кавказоведение». – Париж. 1990–1991, NN6–7. С. 259–269.

² Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум. 2006. С. 501.

³ Газ. «Абхазия». 16 июля 1991г.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002. С. 52.

⁵ Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов... С. 297.

через живое общение мегрелами и грузинами»¹, и нам остается присоединиться к этому объяснению².

Должно быть также отмечено, что ни у одного из историков раннего средневековья нет и намека на принадлежность мисимиан к сванскому племени. Наоборот, Агафий, сообщая подробные сведения о мисимианах и упоминая сванов, четко отличает их друг от друга, говоря про «племя сванов, живущее по ту сторону Кавказского хребта»³, т. е. в источнике параллельно названы мисимиане и сваны как жители различных территорий, что исключает их тождество. Зато Агафий находит у мисиман общие черты с апсилами. В частности, мисимиане строили деревянные жилища, тогда как для сванов, как известно, издавна было характерно строительство массивных каменных сооружений с высокими оборонительными башнями. Это отмечали и многие авторы конца XIX в., тогда как об абхазах Далского ущелья писали, что «каменных построек у абхазцев не существовало, а строили они свои дома из плетня, обмазанного глиной»⁴. Кроме того, исследователями обращалось внимание на полную аналогию предметов материальной культуры мисиман и апсиров, а также на абхазскую топонимику верховьев Кодора⁵. Культурно-экономическому сближению мисимиан с апсилами и абазгами способствовали и связывавшие их пути сообщения. Основным пограничным пунктом, через который осуществлялись торгово-экономические, культурные и иные взаимоотношения между апсилами и мисимианами являлась, очевидно,

¹ Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов... С. 297.

² Имя Хада встречается и в топонимике Грузии. Так, царевич Вахушти в своей работе «География Грузии» упоминает селение Хада, расположенное на севере от Гудос-хеви, за Арагвой, на высокой скале (Царевич Вахушти. География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. – Тифлис. 1904. С. 74).

³ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 122; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... . 14.

⁴ В Сванетии. Из путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского // Вестник Европы, №8. Т. IV. Август. 1886г. С. 578; Газ. «Кавказ», 1892г. // Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум. 2008. С. 291.

⁵ Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э... С. 143–144; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 20; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 226; Воронов Ю. Н. Древняя Апселия... С. 61.

Цебельда, лежавшая на древнем пути, шедшем через Клухорский перевал на Северный Кавказ.

Приведенные материалы о почти полной тождественности быта и культуры мисимиан и апсилов позволяют присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что мисимиане являлись частью апсилов, в частности, с учетом характеристик и описании культуры и быта, даваемых источниками мисимианам, можно сказать, что они являлись их этнографической группой, политически отделившейся от апсильского ядра в середине VI века¹. Будучи этнографической группой, мисимиане, скорее всего, обладали двойственной идентичностью.

Что же касается самоназвания (этнонима) мисимиан (фонетически лингвисты допускают и мизим-яне)², то им, скорее всего, является название, существовавшее в прошлом древнеабхазского племени мзаа//мамзаа//мсаа (мысраа, мсымаа)³. В этой связи ученые также отмечали о наличии на территории Абхазии, в том числе и за ее пределами, множества топонимов с корнем *мыс*, *мсы*, *мсаа*, которые определенно следует увязать с этнической группой мисимиан (данный этноним звучит в источниках и в виде миссяне)⁴. Причем, существование на Северном Кавказе топонимов, связанных с мисимианами находит свое объяснение очевидно, в том, что предки абхазов с древности мигрировали на современные места их обитания либо с территории Миссиминии (ущелье реки Кодор), либо Апсильи⁵. Необходимо в этой связи обратить внимание и на то обстоятельство, что упоминание о мисимианах в письменных источниках прекращается примерно тогда, когда предки тапантовцев начинают переселяться на Северный Кавказ. Трудно,

¹ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Сухум. 2006. С. 289.

² Там же. С. 289, 234

³ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект... С. 290; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 212, 274; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы... С. 234; Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов... С. 232; Гицба Т. Ш. Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум. 2002. С. 440 (на абх. яз.); Ионина С. Х. Абазинская топонимия. – Черкесск. 1993. С. 178.

⁴ Бгажба Х. С. Указ. раб. С. 290.

⁵ Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение, № 3. – Сухум. 2009. С. 78.

однако сказать, являются ли *мсаа-мсымаа* эндоэтнонимом, или же это – экзоэтноним со временем превратившийся в самоназвание. Скорее всего имело место первое, т. е. возникновение названия *мсаа-мсымаа* внутри этой общности, поскольку этнонимы-самоназвания являются довольно устойчивыми по сравнению с топонимами. Кроме того, вряд ли мисимиане считая себя абхазами (апсилами) стали бы называть себя, например, адыгским словом. Здесь скорее адыги могли дать им внешнее название – мисимиане.

Хотя в данном случае, на наш взгляд, имеет место скорее грецизированное наименование местного «племени». В таком случае название, данное греками предкам горных абхазов–мисимиане, вполне соответствовало их самоназванию – *мсаа-мсымаа* (ср. с бзыбской фамилией Сымсымаа). Причем, в этнониме мисимиане, звук *ы*, ввиду его отсутствия в греческом, был выражен через гласную - *и*¹. Словом, этногруппе *мсаа-мсымаа* (*мсыраа*) греко-римлянами был дан экзоэтноним мисимиане, тем более что мисимиане несомненно, существовали и ранее их появления в письменных источниках. В данном обстоятельстве нет ничего удивительного, так как иноэтническое население, как хорошо известно, переименовывало местные абхазские названия на свой лад, подобно тому как, например, проживавшее в раннеантичное время в Кодорском ущелье абхазское племя куарашаа было видоизменено в греческое кораксы².

С самоназванием *мсаа-мсымаа*, *мсыраа* связан, скорее всего, и топоним Мысра на Пицундском мысу. Другими словами, здесь зафиксирована миграция представителей или части этой общности за пределы территории своего основного расселения. Хотя, некоторые исследователи отрицают возможность перемещения мисимиан на северо-запад Абхазии, т. к. ни письменные, ни археологические источники не дают никакой информации о миграции населения и их смене в предгорной части Абхазии на рубеже эпох³. Однако, не обязательно речь должна идти о смене населения: это

¹ Джонсуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 31.

² Маан О. В. К вопросу о племени кораксов // XLV Итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001. С. 31.

³ Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа... С. 133.

было скорее всего продвижение части мисимиан на северо-запад Абхазии, возможно, и далее. Кроме того, как мы полагаем, этнические передвижения за пределы своих «племенных» территории, были настолько характерными, что исторические источники далеко не всегда отражают перемещения и пределы распространения тех или иных древнеабхазских народностей. Другими словами, неупоминание в источниках переселения части мисимиан на северо-запад, отнюдь не означает, что его вовсе не было, тем более, что территория расселения санигов-садзов, сравнительно редко освещалась древними и средневековыми авторами.

Миграции населения были делом обычным, подтверждением чему может служить, например, и факт наличия в нынешнем Гагрском и Очамчирском районах республики двух идентичных названий сел – Арасадзыхь, означающее «фундуковый источник». Название возникло в результате передвижения населения (возможно, небольшой группы) из Юго-Восточной Абхазии в Северо-Западную («фундуковый источник» существует в Абжуйском селе и отсутствует в Бзыбском), в результате чего имел место перенос названия¹. О перемещении в раннем средневековье абхазоязычного населения (апсилов и санигов) не только в пределах исторической Абхазии, но и дальше на северо-запад – на равнины Закубанья – имеются археологические сведения². Можно привести и другой пример. В 1641г. Эвлия Челеби зафиксировал в Северо-Западной Абхазии, на территории расселения санигов-садзов независимую общину Кечи, т. е. Гечь, откуда и Гечрыпш. Не только в Юго-Восточной Абхазии, в с. Джгярда, но и в районе г. Зугдиди в Мегрелии расположены храм и святилище храм Киач-ныха, появление которых, очевидно, связано с перемещением из Садзена представителей общины Кечь-Гечь.

Локализуемая в Юго-Восточной Абхазии, этническая территория мисимиан являлась одним из своеобразных географических

¹ Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АБИГИ АН Абхазии 2006 года. Тетрадь 1, л. 13. (Домашний архив).

² Ловпаче Н. Г. Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 56–59.

«перекрестков» на Западном Кавказе, местом встречи разных этнических культур, зоной их активного взаимодействия (вспомним, что здесь проходила трасса Мисимианского ответвления «Великого шелкового пути»).

Проживая в зоне активных контактов, мисимиане находились в культурно-исторических связях, например, со сванами. По античным, византийским и другим источникам последние локализовались в основном там же, где обитают и ныне – в верховьях рр. Цхенис-цкали (крупнейшего притока Риони) и Ингура (между VI и XI вв. они из верховьев Риони перемещаются в верховья Ингура)¹. По словам Страбона, выше Диоскуриады жили фтирофаги, и затем уже, – на самых вершинах Кавказа – сваны². Грузинские историки, чтобы доказать проживание сванов в верховьях Кодора ссылаются, например, на карту проф. Франсуа Лассера и пишут, что тот «помещает сванов в верховьях р. Кодори»³. Однако, по карте Лассера нельзя определить конкретное местоположение сванов, и из нее никак не следует, что сваны локализовались именно в ущелье Кодора. Наоборот, сваны на названной карте, как можно судить, указаны между Диоскурией и Фасисом, т. е. довольно далеко к востоку от Диоскуриады, в горах.

В любом случае, сваны, как сказано, проживали в непосредственном ближайшем соседстве с предками юго-восточных абхазов – фтирофагами-мисимианами, в условиях тесных, этнических и культурных с ними связей и взаимодействий⁴ (в этих условиях, разумеется, нельзя исключать инфильтрацию сванских этнических элементов на территорию мисимиан). Регулярные этнокультурные связи между абхазами (из Чхалты, Ажара, Генцвыша и Сакьяна) и сванами издавна осуществлялись через наиболее удобный перевал Хыда (2633 м), от которой пролегало несколько троп к сванским селениям (от первого абхазского села Сакьяна до первого сванского села Чубери путники налегке проходят за день). Дру-

¹ Воронов Ю. Н. Древняя Аписилия... С. 313.

² Страбон. География. Книга XI. С. 498.

³ <http://giorgi.chachba:livejournal.com/17527.html>

⁴ Инал-Ипа III. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 234–238.

гие перевалы около вершин хребта Магуашырха (3846 м) и Харихра (3710 м) – делали общение возможным лишь посезонно.

В контактных этнических зонах, как известно, происходят сложные взаимодействия, что оказывает большое влияние на бытовую культуру, язык и этническое самосознание взаимодействующих народов. В Сванетии, пишет проф. Ш. Д. Инал-Ипа, отмечается, наряду с картвельским, значительный абхазский элемент в этнике, языке и культуре¹. И то, что нам уже известно на сегодняшний день об абхазо-сванских этнографических параллелях, дает все основания констатировать поразительные совпадения, доходящие нередко до полного тождества².

Результатом давних культурно-исторических связей, длительного процесса взаимной этнической инфильтрации между этими разными по языковой принадлежности народами является, например, наибольшее отражение в сванском фольклоре нартских сюжетов и мотивов³, некоторые элементы обряда оплакивания, траурно-торжественный гимн под общим названием «зар» («азар»), жертвоприношение коня покойнику, поиски души умершего, бросание пули невесте как способ ее обручения, сходство обычая похищения невест и кровной мести до мельчайших подробностей и т. д. В сванском варианте грузинского эпоса об Амирани встречается имя древнего божества Енча-Ненча, которое легко может быть сопоставлено с именем главного бога у абхазов Анцва⁴. Идентичными являются также название языческого праздника сванов Лашарела, идола Лашари, с упоминаемым в грузинском агиографическом сочинении XIII в. «История и восхваление венценосцев» именем сына царицы Тамар – Лаша, которое, как сказано в источнике, – апсарское (абхазское) и в переводе означает «просветитель вселенной»⁵. Аналогичными являются, например, и назва-

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы... С. 236–237.

² Там же.

³ Дзидзигури Ш. Грузинские варианты нартского эпоса (Исследование, тексты). – Тб., 1971. С. 84–85.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы... С. 238.

⁵ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 91.

ние местности в верховьях р. Кодор – Дал (ср. с существовавшим в Абхазии до махаджирства родом Далаа) и сванской лесной богини Дали, имя мужского охотничьего божества сванов Апсат и абхазского слова «апсаатв», обозначающего мир птиц и т. д.¹

Не лишено интереса и то, что абхазское название Главного Кавказского хребта в бассейне р. Кодор – «Ерцаху» (т. е. гора Ауарца «тростника») мы встречаем и в названии местности в Сванетии «Ерцо»². Там же, в верховьях р. Ингур существуют гора Шьхара, река Пашьгуашь и др., в абхазском происхождении которых, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, вряд ли, можно сомневаться (по словам Н. Я. Марра, название речки Пашьгуашь представляет собой «одно из драгоценных свидетельств того, что именно абхазы... первоначально были оседлы в Свании»)³. Словом, содержащийся в сванском языке значительный пласт заимствований из абхазского является результатом длительных непосредственных этнокультурных контактов абхазов со сванами, следов пребывания которых на территории древней Абхазии еще не найдено. В верховьях рек Кодора и Ингура, отсутствует какой-либо заметный доабхазский иноязычный топонимический субстратный слой⁴, который дол-

¹ Акаба Л. Х. Божества охоты у абхазов // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухум. 1965. С. 36–37.

² Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973. С. 10.

³ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. –Л., 1938. С. 48.

⁴ Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия... С. 15. Для обоснования сванского присутствия и их аборигенности в Абхазии приводят пример с названием столицы Абхазии – Сухума, который грузинские исследователи увязывают со сванским названием граба – «цхум» (См.: Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Тб., 1965. С. 65–66. Но дело в том, что грузинские и византийские источники с большей долей вероятности могут утверждать, что название города Цхум-Цхом появилось не ранее конца X–XI вв. Вместе с тем, в произведении грузинского автора XIII в. «История и восхваления венценосцев» читаем, что «царица Тамара иногда же летом бывала в Абхазии–Гегути и Цхуми». Г. Шакирбай считает, что название Цхум восходит к топониму Цкыбын-Цкэбын-Ткэбын, что находится на восточной окраине нынешнего Сухума. Как видно, в основе этого названия лежит корень –кэ, характерная морфема для абхазо-адыгского языкового мира, означающий «тухлый» «со специфическим запахом». Такой точки зрения придерживаются

жен был иметь место, если бы в прошлом здесь длительное время компактно проживало значительное сванское население. Если грузинские историки говорят о «сванско-апсильском» населении Мисиминии, при «преобладающей роли сванов» (непонятно, на основании каких «статистических данных» это утверждается), то неясно, каким образом сванам, жившим в Мисиминии в большинстве не удалось сохранить себя и почему в процессе консолидации абхазской феодальной народности они вошли в ее состав, если и за пределами Мисиминии, – в Сванетии наличествовало значительное и сильное сванское население? Почему мисимиане, находясь в меньшинстве на одной территории и в одном этнокультурном пространстве со сванами, не стали носителями сванской культуры, а имели черты, зафиксированные источниками у апсильов? Кроме того, трудно объяснить отсутствие сванской топонимии и другого сванского языкового наследия в Юго-Восточной Абхазии.

В целом, если бы сваны обитали в окрестностях Диоскурии, то в горной части Абхазии мы должны были иметь резкое преобладание не абхазских, а именно сванских названий местностей. Однако во всей горной полосе Юго-Восточной Абхазии, пишет Ш. Д. Инал-Ипа, мы видим полное господство древнего, отнюдь не до

многие языковеды, а также археологи М. М. Трапш и Г. К. Шамба (См.: Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 94). Если же исходить из сванского происхождения Цхоми, то оно при всем желании, никак не может служить аргументом в пользу аборигенности сванов на территории Абхазии. Ведь хорошо известно, что Сухум часто менял свои названия. Так, первое аборигенное городское поселение на месте нынешней столицы, абхазы всегда называли Акуа (о чем свидетельствуют монеты с надписью Аки), в раннеантичную эпоху она стала известна как Диоскурия, в римскую эпоху – Себастиополис, в зрелое средневековье (с XI в.) – Цхуми, в XIV – XV в. – Севастополис (Сант-Себастьян, Севаст), в XVI – XIX вв. – Эскисумуни, Схисуммуни, Сухум-кале, Сагум, после вхождения в состав России – Сухум, в 1931 г. в результате грузинизации название города было трансформировано в Сухуми. В 1993 г. городу было возвращено прежнее название – Сухум. Таким образом, каждый из народов, проживавших на территории Абхазии давал городу свое название. Однако ни греки, ни римляне, которые жили здесь раньше сванов и картвелов, ни итальянцы и турки, не претендуют на то, чтобы считаться коренным населением Абхазии.

конца еще выявленного мощного слоя, бесспорно, абхазской топонимии, значительное количество которой приведено, например, в работах того же проф. Ш. Д. Инал-Ипа¹.

Таким образом, в ответ и на существующие в литературе заявления о том, что «мисимиане – предки кодорских сванов (мисимиане-мусуан-мушван)»², еще раз возникает правомерный вопрос: могла ли вообще сванская этническая группа в раннее средневековье компактно обитать в верховьях Кодора? Историко-этнографические материалы однозначно дают на этот вопрос отрицательный ответ. Важный ориентир для локализации сванов находим у Плиния (23–79 гг. н. э), отмечавшего, что через область сванов протекает река Хоб³, под названием которой скрывается, как обычно полагают р. Ингур, в верховьях которой сваны живут и в настоящее время.

Соответствующий ареал еще более расширится за счет включения в него, по крайней мере, части нынешней горной Мегрелии, если принять, что река Хоб это современная Хоби – другой приток Риона⁴.

Если мисимиане являлись предками кодорских сванов, то вряд ли сванское население стало бы называть старинный пункт у Южного приюта «абхазской таможней»⁵. Кроме того, название, например, перевала через Главный Кавказский хребет – Клухор, легко переводится с абхазо-абазинского языка как «проход» или «узкий проход»⁶. Уже говорилось и о знаменитой мисимианской крепости Цахара (Тцахара), которая отождествляется с абхазским названием реки, источника и села Адзгара в верховьях р. Кодор. Эти данные неопровержимо свидетельствуют о том, что предки сванов в раннем средневековье, вопреки утверждениям Т. Миб-

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы...С. 231–238. Его же. Ступени к исторической действительности...С. 86–100.

² <http://www.adamalla.com/archive/index.php/t-190.html>

³ Латышев В. В. Известия...1949. С. 290.

⁴ Там же.

⁵ Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись работы 1985 г. С. 13.

⁶ Ионова С. Х. Абазинская топонимия...С. 154; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия...С. 184.

чуани, Н. Ломоури, Г. Цулая и др., не находились в верхней части Кодорского ущелья. Поэтому в основе отождествления названия мисимиан с самоназванием сванов – мушвен¹, имело место скорее путаница в названиях из-за созвучия этих этнонимов, что действительно легко может ввести в заблуждение. А увлечения схожестью названий народов может завести далеко². Поэтому-то сванское влияние (масштабы которого в средневековье пока остаются не очень ясными), было не в состоянии коренным образом изменить направление этнического развития предков абхазов, и в частности, мисимиан. А это означает, что существующее в грузинской историографии представление об абсолютном преобладании сванов среди коренного населения Миссиминии следует поставить под сомнение.

Что касается вопроса времени появления на территории Абхазии компактного сванского населения, то из литературы хорошо известно, что сванское население в верховьях реки Кодор (историческая область Дал) появилось лишь на рубеже XIX и XX столетий³, после выселения из этих мест абхазов в результате колонизаторской политики царской России (кстати, еще до выселения дальцев и цебельдинцев из этих мест в XIX в., они поддерживали со сванами Ингурского ущелья не только соседские, но и родственные взаимоотношения). О том, что сваны появились в Дальском ущелье еще совсем недавно, свидетельствовали и сами переселенцы, помнившие об этом. И это является еще одним доказательством того, что утверждения Н. Ломоури и других грузинских историков о том, что якобы сванское население проживало в Кодорском ущелье «с очень ранних времен; во всяком случае с эпо-

хи раннего средневековья»¹, не имеют никаких оснований, и являются абсолютно беспочвенными. Отсюда вытекает и следующий важный вывод о том, что отдельные группы сванского населения, если они проживали в Мисиминии, не «были политически инкорпорированы в эриставство Абазгии»². Вероятно, имело место их растворение в среде апсилов и мисимиан. Исходя из приведенных источников, всякие рассуждения о «неоспоримых свидетельствах непрерывного проживания в Кодорском ущелье сванов»³, научно несостоятельны и находятся в противоречии с хорошо известными специалистам историческими источниками.

В то же время, как представляется, пытаться искать этническую чистоту в лице мисимиан, так же было бы ненаучно.

Словом, имеются все основания полагать, что территория междуречья верховьев рек Кодор и Ингур была заселена главным образом предками абхазов – мисимианами и апсилами. Топонимический ландшафт этого региона соотносится с абхазским языком и за редким исключением не обнаруживает иноязычных вкраплений. Существенные факты большого влияния абхазского языка на грузинский, о котором говорилось, было бы невозможно без наличия значительного абхазоязычного населения и его широкого распространения не только на Восточном побережье Черного моря, а также в горной и предгорной частях Юго-Восточной Абхазии, но, очевидно, и на сопредельных территориях Западной Грузии, где и могли происходить интенсивные контакты со сванами и лазами. Реликтовые абхазские элементы в Западной Грузии (Сванетии, Мегрелии и др.) четко просвечиваются сквозь сплошной пласт мегрельских наименований. Поэтому представляется вероятным, хотя это и не может считаться доказанным, что первичная территория расселения предков абхазов (мисимиан и апсилов), была шире, простираясь и на территории нынешнего проживания сванского этнического элемента в верховьях рек Ингура и Цхенис-цкали. В связи с этим, обращает на себя внимание абхаз-

¹ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии... С. 65, 92, 100, 384.

² Например, алгонкиноязычное племя индейцев Северной Америки носит название шауни (шауануа, шони). При желании можно найти «совпадения» и в языке, в частности в такой исконной лексике, как названия частей тела: шауни n-kaač'i «нога»: сванск. č'išx, мегрельск. k'učx- «нога»; шауни тауа «кожа»: сванск. t'ur, груз. t'qav- «кожа». В алгонкинской мифологии название персонажа по имени Мичабо (спаситель племен после потопа) совпадает с названием сванского жилища – мачуб (Древние упоминания о сванах. Цит. по: www.svaneti.ru).

³ Калдани 1970: 82–83; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы... С. 241.

¹ Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. – Тб., 1997.

² Ломоури Н. Указ. раб. Там же.

³ Там же.

ское название сванов – ашэануа, что досл. означает «местонахождение страны ашуов». Есть мнение, что ашуа это «далекие предки абхазов, абазин и убыхов»¹. Термином ашуа (ашэуа) и сегодня абхазы называют абазин. Отсюда можно сделать вывод о том, что в местах, занятых в настоящее время сванами, в далеком прошлом проживал народ ашэуа, название которых перешло на пришлых племен картвельского языкового корня².

Брухи. Византийские авторы, в частности, Прокопий Кесарийский, сообщают важные, хотя и фрагментарные, сведения и о некоторых других горных племенах западнокавказского региона. Так, по словам Прокопия «...за пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, проживавшие между абасгами и аланами»³. А. Н. Генко, анализируя древнюю этнономенклатуру Восточного Причерноморья высказал гипотезу, что под именем брухи упоминаются убыхи, так как «пиох» («биох») является эндоэтнонимом убыхов⁴. Данный вывод А. Н. Генко находит подтверждение в исследованиях Ж. Дюмезиля, согласно которому термин «брух» сле-

¹ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971. С. 95.

² Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик. 1982. С. 49. Трудно однако сказать, могли ли предки абхазов занимать всю территорию проживания сванов, так как имеющиеся письменные источники дают основание полагать, что на этнической территории сванов первоначально проживали и нахские племена. По этому поводу И. А. Джавахишвили, в частности, отмечал: «... по археологическим данным, до появления в Закавказье грузин, страна была заселена различными абхазо-адыгскими и нахско-дагестанскими племенами...» (Джавahiшвили И. А. БСЭ. Т. XIX. 1930. С. 558. Его же. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // ВДИ. 1939, № 4. С. 46). По мнению А. И. Шавхелашвили, И. А. Джавахишвили, Г. А. Меликишвили, А. С. Чикобава, сваны, как и все другие горские племена Грузии – тушины, двалы, хевсуры, кахи, цоваты и другие являются огрузинившимися племенами нахов (чеченцев). Этому мнению придерживаются также В. В. Бунак, Н. Я. Марр, И. М. Дьяконов, К. З. Чокаев, С. Х. Нунуев и др.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 382, 383; Генко А. Н. О языке убыхов. Известия АН СССР. VII серия. отд. гуманитарных наук. – Л., 1928. № 3. С. 229.

⁴ Генко А. Н. О языке убыхов... Там же; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов // Труды. В 11 томах. Том III. – Сухум. 2011. С. 434.

дует транскрибировать в форме «туах»(туахъы)¹, т. е. в другое, наряду с «пех», самоназвание убыхов.

Первым упоминением этнонима убыхов можно считать содержащиеся в древнеассирийских памятниках письменности упоминания о племенах пахува, т. е. очевидно, пехов, которые были соседями кашков (адыгов) и абешла (абхазо-абазин) в северо-восточной части Анатолии. Пахува сопоставляется исследователями не только с самоназванием убыхов – пех-пекх, но и с похами, пхойцами – наименованиями «грузинизированных племен нахского народа» (И. Джавахишвили) – пшавов и хевсур².

Некоторые исследователи предполагают, что с этнонимом *pakhi / arjox*³ может быть связано упоминаемое еще в I в. н. э. древнеримским поэтом Публием Овидием Назоном вместе с гениохами и ахейцами плем. «пиакх» «*Piassen*»⁴. Следует, правда заметить, что это единственное упоминание данного племени в подобной форме. Кроме того, явствует, что под названием «пиакх» подразумевалось, скорее скифское или гетское племя Северо-Западного Причерноморья⁵.

¹ Dumezil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. ВАН. Paris. 1960-I; 1962-II; 1965- III; 1967- V; Кишмахов М. Х. – Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум -Карачаевск. 2012. С. 162–163.

² Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – Петроград. 1922. С. 4; Гумба Г. Д. К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масахов – месхов) // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011. С. 218. Вахушти прямо писал, что эти племена раньше назывались пхойцами (Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели...С. 4; Макалатия С. И. Хевсурети. –Тб., 1940. С. 23.). В переводе с вайнахского пхо, пхий – «хевсур», «стрелок», «лучник». Трудно сказать насколько пех и пхойцы связаны друг с другом, но, не исключено, что здесь, как и в случае со сванами, мы имеем дело со случаем, когда наименование одного народа было перенесено «на другой народ и одним и тем же именем в разные эпохи могут обозначаться разные народы» (Шанидзе А. Язык и письмо кавказских албанцев // «Мацне». 1960, 1. С. 168).

³ Джонс Б. Г. INDOARICA в Абхазии //Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 119.

⁴ Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985. С. 134, 231; Джонс Б. Г. INDOARICA в Абхазии. Там же.

⁵ Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы...С. 231.

Более достоверные данные из области этногидронимии, связанные с убыхами-брухами, приводятся автором V в. Псевдо-Аррианом, который упоминает р. Брухонта. Название этой реки, как видно, находится в прямой связи с именем брухов (традиция наименования реки именем тех, кто жил на ней, прослеживается и в названии рядом находящейся реки Абаск, несомненно связанном с абасгами – одним из основных древнеабхазских этногрупп). Согласно Анонима, Брухонта в его время называлась «Мизигом»¹. Под ним, как полагал Ф. Брун, угадывается название Мзымты (Мизимты)² (крупнейшей реки Сочи-Адлерского региона); по мнению же А. Н. Дьячкова-Тарасова, «за Брухонт следует считать р. Хоста(Хамыщ карт первой половины XIX в.)»³, хотя это предположение не кажется столь убедительным.

Во времена Псевдо-Арриана на морском берегу в районе р. Брухонта проживали саниги⁴, которые этнически не тождественны брухам-убыхам⁵; в таком случае брухи жили в горах (о чем сообщал и Прокопий)⁶, владея лишь верховьями р. Мзымты⁷. Наиболее правомерной следует считать точку зрения о локализации брухов где-то на северной границе современной Абхазии, в верховьях рр. Большой Лабы и Мзымты в соответствующей полосе Главного Кавказского хребта⁸. Более четкая локализация брухов, к сожалению, затруднена фрагментарностью письменных сообщений, а также невозможностью соотнесения брухов с конкретными археологическими памятниками Западного Кавказа.

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. №4. 1948. С. 230, 231.

² Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... С. 353.

³ Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 1. – Тифлис. 1903. С. 43; Чирикба В. А. К этимологии гидронимов Бзып и Мзымта // Абхазоведение. Вып 3. – Сухум. 2009. С. 31.

⁴ Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. – Санкт-Петербург. 2009. С. 91. Саниги, те же позднейшие садзы (предки абхазов).

⁵ Там же.

⁶ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 383.

⁷ Там же.

⁸ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 34; Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М., 1979. С. 45–46.

Отождествление р. Мизиг-Брухонта с р. Мзымта, по мнению некоторых авторов, позволяет предположить, что территория расселения брухов-убыхов в античный период была значительно шире и включала в себя более южные районы, чем к XIX в.¹; или же основной массив убыхского этноса локализовался южнее, а впоследствии передвинулся северо-западнее, заняв области по рекам Шахе и Сочи².

Анализ имеющихся в нашем распоряжении исторических источников позволяет присоединиться ко второй точке зрения. Мы полагаем, что убыхи (или, скорее, часть убыхов), в более ранние времена обитали еще более южнее, т. е. на территории нынешней Абхазии. На это могут указывать следующие обстоятельства.

Х. С. Бгажба было установлено обитание в прошлом в горах Абхазии племени мзаа/мдзаа/мзымаа/мамдзаа³. Эти сведения подкрепляются названием большой горы Мамзышха в Гагрском районе, а также оседанием «племени» мамдзаа главным образом в ущельях рек Бзыбь и Мзымта⁴ (в состав названия последней, как видно, входит самоназвание «племени» мамдзаа)⁵. Это обстоятельство чрезвычайно важно в том отношении, что с племенем мзаа/мдзаа/мамдзаа Х. С. Бгажба, как сказано, увязывает племя мисимиан⁶. Последние, как уже отмечалось, жили к северу от Цебельды, – между апсилами и аланами, т. е. в по соседству с тем местом, где Прокопий Кесариинский располагал брухов-убыхов. При этом, часть обитавших в верховьях Кодора мисимиан (в состав которых, возможно, входила и ветвь рода Аублаа), в раннее средневековье, как было сказано, переселяется в северо-западном направлении. А после приведенных выше материалов, мы полагаем, что эти мисимиане перемещаются еще дальше, и таким

¹ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978. С. 43; Анчабадзе Ю. Д. Абза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. VIII. – М., 1984. С. 146.

² Там же.

³ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. (Исследование и тексты). – Тб., 1964. С. 268.

⁴ Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974. С. 177.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

образом, мы не исключаем, что в лице брухов можем видеть мисимиан.

«Племя» мзаа/мдзаа/мзымаа/мамдзаа, по данным Х. С. Бгажба, состояло из фамилий Аублаа (Облага), Абырзыкь (Берзек)¹, Адагуа, Абатаа, Аиааира, Аджираа, Нанба². Чрезвычайно важно, что горная вершина в районе Цебельды носит название «Адагуа» (в перев. с абх. «глухой, такое же имя Адагуа носила известная убыхская родовая группа). Следует также упомянуть урочище, озеро и речку Чхалтского правобережья, которая называется «Пех» (Пехо, Пеху), там же к западу от горы Большой Гуарап один из перевалов называется «Пхъау»; все эти топогидронимы, как отмечено, не без основания возводятся к самоназванию убыхов – пех, пиох³. Не менее важно, что название крепости Бухлоон в с. Пахулан, специалисты также связывают с пиох, брух, убых, которые располагались, как сказано, выше мисимиан, рядом с аланами. В этом случае Бухлоон, Пахулан производится из Пиох-ран или абх. Убых-ран > «Пиохский предел», т. е. «Убыхский предел, граница»⁴. Наличие этих и других географических и этнонимических названий убыхского происхождения за пределами основного ареала их расселения⁵ (в междуречье Шахе – Хоста), а именно в горной части Юго-Восточной Абхазии, возможно свидетельствует о некогда более широком распространении носителей убыхского языка⁶.

¹ Среди репатриантов, вернувшихся ныне на историческую Родину и проживающих в Гулрыпшском районе страны есть и представители фамилии Берзек (Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. – Сухум. 2013. С. 111).

² Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка... С. 268.

³ См.: Бондарев Н. Д. В горах Абхазии. – М., 1981. С. 174; Кишмахов М. Х. – Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов... С. 150.

⁴ Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия... С. 225.

⁵ Укажем еще на название реки в Абжуйской Абхазии – Бзана, которую лингвисты производят от убыхск. «бзы» «вода» и «н/на» показателя множественного числа, переносно «многоводная река» (Коков Дж. Адыхская (черкесская) топонимия. – Нальчик. 1974. С. 116; Чирикба В. А. К этимологии гидронимов Бзып и Мдзымта... С. 26).

⁶ Бганба В. М. К вопросу о происхождении этнонима «Абхаз» («Апхаз») // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 139 – 152). (на абх. яз. с русским резюме); Кишмахов М. Х. – Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов... С. 158.

Обращает на себя внимание и то, что в Кодорском ущелье, в районе Цебельды, присутствует название в прошлом села, а ныне местности Азанта, которое звучит и в наименовании одной реки в Адлерском районе г. Сочи¹. Словом аз (ра) убыхи и адыги называли абхазов. Азра, возможно, связано с азег, а она, в свою очередь, с зихами античных авторов. По Прокопию, зихи жили ниже брухов и абазгов, – «по берегу... Понта Евксинского...»².

Если в VI в. убыхи обитали в горах, то позднее они, судя по источникам, постепенно стали продвигаться к побережью, расширяя ареал своего расселения: турецкий путешественник Эвл. Челеби, посетивший эти места в 1641 г., пишет, что часть убыхов жила на берегах рек Псезуапсе, Сочи и Хоста, углубляясь своими землями в горы. Впоследствии, спустившись с гор по ущелью реки Соча-пта, убыхи завоевали земли садзов, с последующей частичной ассимиляцией последних³. По утверждению Г. Филипсона, «по всей земле убыхов», чернь знает «асадипису» (т. е. садзско-абхазский язык)⁴.

С этого времени и вплоть до массового выселения убыхов в Турцию, они являются жителями и побережья Черного моря в районе нынешнего Сочи⁵. Кстати, упоминаемое Эвлией Челеби племя «вай-пига» (Wairigha по Хаммеру), последующие исследователи считают убыхами. «Вай» – это, как полагают, ставшее позднее известным как племя гоаие – подразделение причерноморских шапсугов, название же «пига», видимо, производное от пех – одного из самоназваний убыхов. Т. е. термин «вай-пига» возможно означает

¹ Бганба В. М. К вопросу о происхождении этнонима «Абхаз» («Апхаз»)... С. 147. Х. С. Бгажба пишет, что в районе Сухума также известен пункт Азра, на Северо-Западном Кавказе река Азипс; Кл. Птоломей (II в. н. э.) за устьем р. Танаиса локализует город Азара и местность Азараба. (Бгажба Х. С. Этюды и исследования... С. 156; Бганба В. М. К вопросу о происхождении этнонима «Абхаз»... С. 147).

² Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 383.

³ Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адахе // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Фонд Д. А. Милютин. Д. 169. №81. Л. 54; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 175. Его же. Очерк этнической истории абхазского народа. – Сухуми. 1976. С. 48; Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М., 1976. С. 106, 110; Инал-Ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. С. 300. Его же. Садзы. – М., 1995. С. 71, 75 – 76.

⁴ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 175.

⁵ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... С. 368–369.

смешанное шапсугско-убыхское население междуречья Псеуапсе – Шахе. Правда, Эвл. Челеби не называет точное место их жительства, но подчеркнул, что они принадлежали к племенам абазы¹.

Из отрывочных сведений письменных источников, весьма трудно ответить на вопрос о том, в каких отношениях находились между собой Абазгия, Брухия, Санигия и Зихия. Однако можно высказать предположение, что последние три образования находились в сфере политического влияния абазгских правителей². Косвенно это подтверждается тем, что правитель абазгов и руководитель антивизантийского выступления Описит, потерпев поражение от имперских войск, удалился не к своим непосредственным соседям – брухам, зихам или санигам, а к северокавказским гуннам³, с которыми, очевидно, поддерживал давние связи⁴. Иными словами, военачальник абазгов, преследуемый противником, не мог считать себя в безопасности в тех областях, которые были ранее подвластны ему, а после подавления восстания перешли в руки византийцев⁵.

В источниках нет каких-либо сведений об этнокультурных абхазо-убыхских связях в интересующей нас период. Однако ретроспективный подход позволяет считать, что сообщаемые источниками более позднего времени факты о том, что убыхи и садзы «часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого»⁶, по нашему мнению, имели место и в период раннего и зрелого средневековья.

В результате указанных перемещений среди убыхов, несомненно, проживало немало абхазских родовых групп (многие из

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествий. Ч. 2 – 3. – М., 1972, 1983. С. 54.

² Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тб., 1985. С. 20.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 402.

⁴ Этот факт, по мнению З. В. Анчабадзе, говорит, во-первых, о том, что Описит среди тех гуннов, к которым он бежал, имел верных союзников, а это, несомненно, указывает на давнишние и тесные связи с ними (Анчабадзе З. В. Очерки истории народов Северного Кавказа в средние века // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011. С. 294.

⁵ Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей... С. 20.

⁶ Анчабадзе Ю. Д. Абаза. (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... С. 150.

них вплоть до середины XIX века), например, Аджинджал, Адзинба, Атумаа, Бганба, Гвинджиа, Патей-ипа, Чанба, и в том числе, кстати, представители Дал-цебельдинской княжеской фамилии Маршан, и наоборот¹ (убыхами же по происхождению считаются носители таких ныне абхазских фамилий, как Арлан, Гурзан(ия) Еник, Кяхба, Циба, Хамит, Эбжноу и др.). Л. Люлье и Ф. Торнау правильно видят причину абхазской миграции на северо-запад, кроме недостатка земли, и в других социально-экономических факторах, как, например, внутренние раздоры и кровомщение. Неудивителен в этой связи факт наличия в топонимике страны убыхов значительного абхазского (в широком смысле) слоя, что можно объяснить или завоеванием и ассимиляцией убыхами абхазских аборигенов, или продолжительной и интенсивной инфильтрацией какой-то части абхазского этноса на убыхскую территорию². При этом обратные, убыхские переселения, надо полагать, происходили не только вплоть до Дал-Цебельды и Абжуа, но и на сопредельные территории Западной Грузии. Таким миграционным движением следует, очевидно, объяснить утверждения, например, представителей ныне грузинской фамилии Убилава о том, что они происходят из рода убыхско-садзских князей Аублаа³. От этнической группы убыхов Варданэ образовалась и абхазо-мегрельская фамилия Вардания, от нее же груз. Варданисдзе. Происхождение абхазо-мегрельской фамилии Берзения (представители этого рода – абхазы проживают и в современной Македонии), по мнению самих носителей фамилии, связано с родом военно-политических лидеров убыхов – Берзер⁴. Здесь же нелишне указать на связь абхазо-убыхской фамилии Жэардан с ныне грузинской фамилией Жордания.

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Садзы... С. 148–155, 158–160; Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района... С. 389–390; Дасания Д. М. Апсуара и социальный статус абхазских фамилий // Абхазоведение. Вып. V – VI. – Сухум. 2011. С. 315.

² Инал-Ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами... С. 322.

³ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 270; Куправа А. Э. Джикетские фамилии в Грузии // Джикетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. С. 162.

⁴ Кишмахов М. Х. - Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов... С. 713. Следует, правда, учесть и то, что по абх. «берзен» означает «грек».

Брухи в горах Западного Кавказа соседнили с аланами (по Л. Люлье в средние века аланы жили на горных территориях к северо-западу от Абхазии и в верховьях р. Кубань)¹. Тот же автор, анализируя историю происхождения убыхов, подчеркивал: «Замечательно, что поныне существует у Убыхов одно племя (dan), носящее имя Алан»². Таким образом, и в средневековье, вплоть до XIX в. одно из убыхских племен носило название «алан»³.

Приведенные свидетельства, что часть убыхов называла себя аланами не лишены оснований, поскольку в раннесредневековое время часть алан под напором болгар и хазар, могла из верховьев Кубани перейти на южную сторону Западного Кавказа, осесть там и ассимилироваться среди местного аборигенного населения, в том числе и в Убыхии.

§2. Взаимосвязи абхазов с лазами

Об этнической границе между апсилами и лазами. Территория современной Абхазии, исходя из своего географического положения, в частности, по отношению к нынешней Западной Грузии, с давних времен являлась зоной мирных и немирных связей, тесных экономических и политических контактов, родственных взаимоотношений соседних народов, ярче всего проявляющихся во взаимных браках. При этом, наиболее интенсивно этнокультурное общение происходило, как известно, в полосе этнической границы.

Об апсило-лазской этноязыковой (да и, может быть, и политической) границе в течение позднеантичного и раннесредневекового периодов сообщают Прокопий Кесарийский, Армянская география VII века, грузинский автор XI века Джуаншер⁴ и др. Все

¹ Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. 1990. С. 14.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 380; Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба... С. 45.

они информируют, что юго-восточная граница расселения апсиров доходила до района р. Фазис (Риони). Об этом Прокопий писал: «...Фазис... впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива – полумесяца; на одной его стороне, принадлежащей Азии, находился город Петра, а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсиров»¹. Но тот же автор еще ранее сообщал: «Упираясь в эти места, Понт образует береговую линию в виде полумесяца. Длина пути при переезде по этому заливу – полумесяцу составляет приблизительно пятьсот пятьдесят стадий, а все, что лежит за этой береговой линией, является уже страной лазов и носит название Лазика»². Дополняя эти сведения, Прокопий пишет: «В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов...»³. Таким образом, как можно заметить, у Прокопия имеется противоречие, так как, с одной стороны он помещает апсиров северо-западнее Фазиса, а с другой, – на той же территории локализует и лазов. В таком случае остается неясным, где именно находился ареал проживания апсиров, если учесть, что прибрежная полоса в тот период была заболоченная, а за ней, как считает византийский историк, находились уже лазы⁴ (также неопределенно Прокопий указывает и на северные пределы проживания апсиров)⁵.

Для уточнения границ проживания апсиров и лазов в V–VI вв., несомненный интерес вызывает информация, представленная в «Ашхарацуйце». Исходя из нее историк Г. Д. Гумба считает, что граница между апсилами и лазами проходила по р. Техури, до ее впадения в Риони, далее по нижнему течению последней до моря⁶.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Нюшков В. А. К локализации юго-восточной границы Апсолии // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. – Сухум. 2012. С. 140.

⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 380

⁶ Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2003. С. 120–126. Его же. К вопросу идентификации р. Эгрис-цхали Джуаншера Джуаншерияни // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 86–89. «Ашхарацуйц» границу между Эгриси

Если некоторые историки южную границу «двух небольших политических объединений абхазских племен» в первой половине VI в. проводят по р. Галидзга, (в которой видят р. Эгрисцкали древнегрузинских источников)¹, то их северную границу доводят до современного Сухума². С утверждением о том, что апсилы и абазги были небольшими объединениями не согласуется указание Г. А. Меликишвили и других авторов о том, что, в позднеантичное время апсилы проживали вплоть до р. Фазис³. Кроме того, Эгрисцкали древнегрузинских источников, по мнению С. Т. Еремян, следует сопоставить не с Галидзгой, а с нижним течением реки Чорох⁴. По этой проблеме историки считают, что если первоначально (в IV–III вв. до н. э.) названием Эгриси–Эгерия (Кегритика античных источников) в ее узком значении обозначалась область Егер в низовьях реки Чорох (для обозначения которого в грузинских источниках первоначально также употреблялось название Эгрис-цхали)⁵, то затем, по мере передвижения мегрело-чанских племен на северо-запад, она охватывала территорию до реки Риони, и позднее до Ингура. Соответственно, перемещался и гидроним Эгрис-цкали,

и Абхазией проводит по р. Дракон (Докон византийских источников), относительно идентификации которого, из существующих в литературе точек зрения наиболее приемлемыми являются ее отождествление с Техури (Г. Д. Гумба) или Ингуром (С. Т. Еремян, Г. З. Анчабадзе и др.).

¹ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 7; Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи: свидетельства античности. <http://gironia.ru/Catalog/810>.

² Ломоури Н. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999. С. 94.

³ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 178 – 179; Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Кн. 1... С. 54. Об этом еще ранее говорил писатель Александрийской эпохи (III – II вв. до н. э.) Ликофрон: река Фазис служила этнической границей между лазами и абасгами (Каухчишвили Т. С. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 104).

⁴ Цит. по: Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтий Мровели... С. 123.

⁵ Еремян С. Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуца» // Историко-филологический журнал. № 2. – Ереван. 1973. С. 264; Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала. – Тб., 1986. С. 114; Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции... С. 124.

обозначавший в начале Чорох, затем Риони, а позднее – Ингур¹. Именно по этому рубежу в VI – VIII вв., по всей вероятности, и проходила апсильско-лазская этническая граница², хотя точная ее линия нигде в источниках не указана. Однако, как можно заключить из сообщения Агафия, вдоль границы мисимиан с лазами, как отмечалась выше, располагалась стратегически важная крепость Бухлоон, идентифицируемая с совр. с. Пахулан³. Здесь же по линии р. Ингур, видимо, проходил и перевальный путь.

Исходя из приведенных сведений о прохождении юго-восточной этнической границы апсилов вдоль р. Ингур или недалеко от левого берега этой реки в раннесредневековый период, утверждения некоторых историков о том, что «абхазские племена никогда, даже на самом раннем этапе своей истории, не проживали на территории нынешнего Гальского района», и, что «эта территория и политически и этнически всегда входила в состав Эгриси или Лазики»⁴, является ничем иным как преднамеренным искажением этнополитической истории абхазов. Несостоятельность подобного вывода наглядно подкрепляется археологом Н. В. Хоштария, который пришел к выводу о том, что непосредственные предки абхазов–апсилы еще во II в. н. э. населяли и сопредельные регионы Западной Грузии⁵. Ранее акад. С. Н. Джанашиа, прекрасно владевший абхазским языком, отмечая наличие множества абхазских топонимов, указывал, что «в Галском районе с древнейших времен проживали абхазы»⁶. Тезис о проживании апсилов в Юго-Восточной Абхазии подкрепляется хорошо известными древними абхазскими названиями (например, Апсха идзыхь, то есть «Источник царя

¹ Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции. Там же.

² Воронов Ю. Н. Древняя Аpsилия... С. 70; Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум. 2003. С. 64 – 65; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 120.

³ Там же.

⁴ Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи: свидетельства античности... Критику этих взглядов см.: Ш. Д. Инал-Ипа. Без гнева и пристрастия // Абхазоведение. Вып V–VI. – Сухум. 2011. С. 73–88.

⁵ Хоштария Н. В. Цихисдзир. – Тб., 1962. С. 22, 60; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 135.

⁶ Газ. «Республика Абхазия». 15 ноября 1991 г.

Абхазии» (местные мегрелы называли его «апсадзирхе») и Ачгуара (мегр. Ачигвара) – «Конная ограда») и другими топонимами этой части страны¹. Апсилов как население Юго-Восточной Абхазии неоднократно упоминает В. В. Латышев². Согласно Г. К. Шамба, апсилы по крайней мере к I в. н. э. являлись коренными жителями нынешнего Галского района³. Примечательно, что только в этом регионе встречается восходящая к апсилам (апшилам) фамилия Апшилава (Апшлаа). Носители этой фамилии (мегрелы) ныне населяют большую часть этнографической Мегрелии⁴, и, что крайне важно, в Чхороцку (с. Мухури) по сей день сохранилось место их родового моления⁵. Важным показателем аборигенности абхазов в этой части страны является наличие в составе населения Галского района Абхазии фамилии как крестьянского, так и княжеско-дворянского происхождения, «при полном отсутствии среди последних представителей мегрельского, сванского и вообще грузинского привилегированного сословия»⁶. «Такой социальной картины, – пишет проф. Ш. Д. Инал-ипа, – мы здесь не имели бы, если вся эта территория искони была бы населена мегрелами и другими группами грузинской этнической принадлежности. Феодального общества без своей национальной господствующей верхушки не бывает»⁷. Помимо фамильного имени, этнический термин апсил/апшил сохраняется в таких мегрельских словах как «апшилури уча» («апсильский черный» сорт винограда), «апшилури» («апсильский», сорт винограда с белыми ягодами) и др⁸.

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 218.

² Воронов Ю. Н. Древняя Аpsилия... С. 89.

³ Шамба Г. К. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский р-н) // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 8.

⁴ Джомидова Н. С. 3000 мегрельских фамильных имен. – Тб., 2000. С. 19; Цулая Г. В. Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002. № 5. С. 82. Термин апшил/апсил лежит, очевидно, и в основе таких ныне грузинских и абхазских фамилий как, Апсава, Абсава, Апсандзе, Лапсандзе, Лепсая, абаз. Апсараа.

⁵ Джомидова Н. С. Указ. раб. С. 32.

⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности... С. 103.

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 112.

Вполне утвердительно мы можем говорить и о том, что в основе грузинского названия Мегрелии – Эгриси и ее жителей, лежит древняя абхазская форма «Егры» и агыруаа. По небезосновательному мнению Д. И. Гулиа, данное слово происходит от абхазского названия жителей приморья – «агруа», где «ага» – «прибрежье»(морское), «р» – суф. мн. числа, «уа(а)» – «человек» («люди»), т. е. «поморяне», «прибрежные люди»¹.

Одни историки считают, что лазы оттеснили апсиров примерно к р. Ингур к VI в. ². Другие полагают, что «центральные области Эгриси-Лазики в I – VI веках (Плиний, Птоломей, Прокопий, Агафий) располагавшиеся в окрестностях Кутаиси (Мохерисис), после VIII века переместились на запад к берегам Ингура (древний Хобос), перенеся сюда и наименование Эгрис-цхали»³. Если говорить об оттеснении апсиров, то, речь, несомненно, должна идти о перемещении к р. Ингур части апсиров, тогда как другая часть абхазского населения, – не вошедшая в политическое образование Аpsилии, – вплоть до позднего средневековья продолжала оставаться на прежних местах жительства⁴. Возможным указанием на проживание апсиров в раннесредневековое время в районе Фазиса-Риони, служит название располагающегося вблизи этой реки совр. города Абаша.

Собственно топоним и гидроним Абаша (приток р. Техури), по Д. И. Гулиа, происходит от имени абсилы⁵. Некоторые лингвисты это название производят и от абх. Абаш «Белая крепость»⁶.

Грузинские исследователи (С. Н. Джанашиа, М. П. Инадзе, Н. Ю. Ломури, Д. Л. Мусхелишвили и др.), основываясь на данных Прокопия о том, что апсилы являются «давнишними подданными ла-

¹ Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухуми. 1986. С. 79.

² Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 85.

³ Воронов Ю. Н. Древняя Аpsилия... С. 77–78.

⁴ Джорджио Интериано. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик. 1974. С. 47; Эвлия Челеби. Книга путешествий... С. 47–48, 49.

⁵ Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой... С. 105.

⁶ Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005. С. 260.

зов», считают, что Апсилия была включена в политические рамки Лазики еще в IV веке¹. (следует отметить, что в другом месте своей работы, Прокопий, противореча себе писал о том, что абазги издревле являлись дружественными римлянам², т. е. если абазги подчинялись бы лазам, тогда не могло бы быть и речи о дружбе их с римлянами)³. В этом отношении существенны и сообщения Джуаншера, согласно которому Абхазия даже в V в. входила в состав Византии. По словам источника, «...расширил кесарь границы Греции и включил в них прибрежную страну, которая есть Абхазия...»⁴.

Некоторые авторы исходят из того, что Апсилия даже в VI в. не была полностью подчинена лазам, так как «Лазика и Апсилия не составляли, строго говоря, единого государственного целого»⁵. Другие историки считают, что включение Апсилии в рамки Лазского царства не могло произойти раньше 20-х годов VI века, когда окончательное оформление приняла зависимость Лазики от Византии⁶. Однако, источников свидетельствующих об этом в науке нет, вообще ранее второй четверти – середины VI в. отсутствуют свидетельства о взаимоотношениях этих образований. Если апсилы и абазги были в вассальной зависимости от лазов, то, разумеется, должны были бы иметь место и какие-то независимые мероприятия лазских царей по отношению к первым. Однако в источниках ни разу не упоминается о подобных действиях лазов⁷: во всех случаях карательные экспедиции совершали византийцы⁸. Исходя из сказанного, апсилы в указанное время вряд ли могли зависеть от лазов, так как первые являлись «подданными» византийцев. Об этом Прокопий Кесарииский совершенно определенно

¹ Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия... С. 54.

² Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э.... С. 174.

³ Там же.

⁴ Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала // Картлис цховреба. I. С. 177.

⁵ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 207.

⁶ Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия... С. 55.

⁷ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986. С. 70; Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера?... С. 65.

⁸ Там же.

писал: «...римские воины, посылаемые императором и уже давно расселившиеся среди них во многих пунктах, сочли возможным присоединить эту страну к владениям римской империи; вместе с тем они ввели у них некоторые новые порядки»¹. Другими словами, апсилы не могли одновременно находиться под властью и византийцев и лазов. М. М. Гунба следующим образом освещает данный вопрос: «Из сообщений греко-латинских источников выявляется зависимость самой Лазики от Персии, осуществляемую через Картли». Следовательно, «лазы находящиеся под влиянием персов, не могли господствовать над абхазами»², которые подчинялись Византийской империи. Об этом говорят и известные факты истории абхазо-византийского военного противостояния в VI в., когда апсилы и мисимиане поднимали восстания не против лазов, а византийцев, т. е. против тех, кому они подчинялись. Что касается включения Апсилии в рамки Лазского царства в 20-х гг. VI в., то уже на исходе этого времени, по мнению некоторых историков, вполне разделяемого и автором этих строк, Абхазия политически (через крещение) приобщается к Византийской империи³.

О абхазо-лазских этнокультурных контактах. Смежное, пограничное проживание апсиль и лазов предполагает вопрос об их тесном этнокультурном взаимодействии. Но некоторые исследователи (М. Инадзе) подходят к этому вопросу лишь с точки зрения « сильного влияния лазов » на оформление этника, языка и культуры апсиль⁴. В действительности, источники не дают оснований считать, что в позднеантичное и ранневизантийское время, лазы находились на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, чем апсилы, с учетом наличия у последних раннефеодальных отношений и классовой дифференциации⁵. Некоторые исследователи (С. Н. Джанашиа, З. В. Анча-

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 400.

² Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э.... С. 175.

³ Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. – Сухуми. 1996. С. 10.

⁴ Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов ... С. 92. 55

⁵ Гунба М. М. Социальные отношения в Абхазии в позднеантичную эпоху // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965.

бадзе, М. М. Гунба и др.) социальный уровень населения Абхазии в позднеантичную и раннесредневековую эпохи характеризуют как аналогичный уровню Лазики. Не следует к тому же забывать, что в указанное время в Абхазии находились торгово-ремесленные центры – Себастополис и Питиунт¹ (называемый Страбоном и Плинием «Великий» или «богатейший Питиунт»): в IV–V вв. эти города окончательно превратились в развитые центры торговли и ремесла, ведущую роль в которых играли местные «апсило-абазгские» элементы². Вместе с тем хорошо известно, что этнокультурное влияние – процесс двусторонний. Безусловно, сила и характер влияния зависят от уровня развития социума, однако культурные связи подразумевают не активное или пассивное «партнерство», а тесный культурный обмен. И это можно обосновать некоторыми примерами.

Так, по мнению исследователей, вплоть до начала VI в. традиционным в женском костюме апсиров, наряду с римскими элементами, было и иберийско-лазское влияние³: стержневые браслеты с гравированным декором из апсильских погребений, широко были распространены в III – IV вв. как в Северном Причерноморье, так и в Иберии и Лазике⁴. В Иберии производились, как считают, и крупные полиэдрические и округлые бусы из гагата⁵. Что касается обратного влияния, то это прежде всего археологические материалы из Чхороцку (II–IV вв. н. э.), принадлежащие апсилам, что еще никем не опровергнуто. В 1998 г. в Пичвнари (Кобулет-

ский район Юго-Западной Грузии)¹ были обследованы пять погребений, которые обнаружили параллели с цебельдинскими памятниками прежде всего по ориентировке, размерам и расположению инвентаря². Кувшины, краснолаковые блюда, графинообразный бальзамарий, железные копья, топоры, железные ножи, украшения (мозаичные бусы, браслет, геммы-инталио, железные фибулы) из могильников, также нашли свои аналогии в материалах цебельдинской культуры³. При этом, погребальные комплексы из Пичвнари, по утверждению А. Кахидзе и Ш. Мамуладзе, относятся к периоду наибольшего могущества Лазики, т. е. к концу IV в.⁴ Тем самым авторы, очевидно, стремятся доказать «единство грузинской культуры» в рамках Лазского царства, охватывавшего, по их мнению, и районы проживания апсиров и абазгов⁵. Однако, несмотря на такое желание, выявленные в Пичвнари материалы являются не просто доводом в пользу апсило-лазских культурных связей, но, прежде всего, отражением материальной культуры апсиров на лазском материале. В этом нас убеждает то, что в римских и византийских источниках нет каких-либо сообщений об усилении лазов к IV в., тогда как носители цебельдинской культуры в IV – VI вв., по данным археологии, действительно находились на крайне высокой ступени производственного развития (металлообработка)⁶, увеличивается население, по византийским образцам налаживается собственное производство⁷; бурный подъем апсиров и абазгов,

С. 31–32. Его же. Абхазия в первом тысячелетии н. э... С. 34, 103–104, 138; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 204. Его же. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.)... С. 17–23; Габелия А. Н. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 44–49; Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках (источниковедческое исследование). – Сухум. 2011. С. 57.

¹ Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968. С. 247–254

² Трапш М. М. Труды. Т. II. – Сухуми. 1969. С. 362.

³ Мاستыкова А. В. Эволюция женского убора апсиров (II – VII вв.)... С. 140 – 141.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

¹ Кахидзе А., Мамуладзе Ш. Погребения раннесредневекового периода из Пичвнари // РА. – М., 2001, № 1. С. 76 – 87. См. также: Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С. 48.

² Кахидзе А., Мамуладзе Ш. Погребения раннесредневекового периода из Пичвнари... С. 78.

³ Там же. С. 81 – 85.

⁴ Там же. С. 86.

⁵ Там же.

⁶ Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тб., 1983. С. 82, 97 – 98. Г. К. Шамба, например, также особо подчеркивает, что периодом наивысшего подъема цебельдинской культуры является IV в. (Шамба Г. К. Археологические памятники Абхазии. – Сухуми. 1988. С. 95 (на абх. яз.).

⁷ Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Там же; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 142–143.

засвидетельствован и документально усилением контактов с римско-византийским миром через Севастополис¹. Следовательно, можно констатировать, что именно к этому времени могло иметь место поступление абхазской продукции в Лазикку.

Этнические контакты обычно приводят к различным видам этнических процессов, контакты, возникшие на стыке территории расселения двух этносов, принято называть прямыми². Обычным явлением в апсило-лазской приграничной полосе, было, несомненно, знание языка своих соседей, которое развивается «лишь в сочетаниях с разнообразными контактами»³. Другими словами, ни в коем случае не следует отрицать взаимопроникновение культур лазов и апсилов, в том числе той группы апсилов, которые жили на правой стороне Фазиса. В то же время источники дают основания утверждать, что в развитии материальной культуры среди народностей Кавказского Причерноморья выдающихся успехов добились апсило-абазгские племена⁴. Археологи приходят к выводу, что в Восточном Причерноморье не было культуры равной процветающей культуре апсилов того времени⁵. Так, что трудно согласиться с утверждением М. Инадзе по поводу сильного влияния культуры лазов на апсилов⁶.

¹ Бражба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Там же; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 142–143.

² Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989. С. 159.

³ Сергеева Г. А. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX – XX вв... С. 101.

⁴ Гунба М. М. Социальные отношения в Абхазии в позднеантичную эпоху... С. 31–32. Его же. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 27–28; Трапш М. М. Труды. Т. II...; Т. III. – Сухуми. 1971; Воронов Ю. Н., Бражба О. Х. Главная крепость Апсолии... С. 66 – 76; Габелия А. Н. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху ... С. 44–49; Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен ... С. 92.

⁵ Бердзенишвили К. Позднеантичная керамика из Цебелды // МАГК. Т. 2. 1952. См. также: Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Севастополиса. — СА. №3. 1960. С. 177; Левинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. — СА, № 7. 1966. С. 208—210; Шамба Г. К. Археологические памятники Абхазии... С. 95; Воронов Ю. Н. Древняя Апсолия... С. 216; Гунба М. М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000. С. 87; Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен... С. 92.

⁶ Шамба Г. К. Указ. раб. Там же.

Межэтническое абхазо-лазское взаимодействие выявляется фактами абхазской ономастики. Так, если термин «лаз» неупотребителен в среде картвелов (у которых Лазика носит название Эгриси), в Абхазии этот термин до недавнего времени имел широкое распространение¹. Вплоть до 1867г. в имении Цанбейкуара (ныне в составе с. Пшап) проживала крестьянская семья по фамилии Лазбей-ипа². Этот термин среди абхазов известен и в качестве мужского личного имени Лаз, бзыбской фамилии (Лазба), а также Лазария. Среди северо-западных абхазов, как и в среде абхазской диаспоры в Турции, до сих пор встречается и фамильное имя Губаз³. С учетом того, что данное имя в настоящее время отсутствует среди мегрелов, Губаз (как и другие фамильные названия с подобным же оформлением – Чуаз, Чалмаз, Тхуаз и др.), является местным абхазским фамильным именем⁴, заимствованным лазами. Этим именем, по словам Прокопия Кесарииского, звали одного лазского царя⁵. А еще в Vв. один из колхидских царей носил имя Губазиянос: согласно документу «в те дни прибыл Губаз-ианос, царь абхазов, видеть блаженного Льва, царя греков...»⁶. Кроме того, в Гурии приток реки Супса называется Губазоули⁷. Представители этого рода (Губаз Чаква) встречаются и среди персонажей абхазских исторических преданий⁸. Н. Я. Марр считал, что в на-

¹ См.: Марр Н. Я. О языке и истории абхазов... С. 57. Одну местность в с. Кындыг старожилы называют «Лазстан», появление которой, правда, относится к позднему средневековью, в связи с тем, что здесь лазы торговали кукурузой и затем основали свое поселение (Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии... С. 266).

² Пахомов А. В. Записка об именах кн. Г. Шервашидзе // Исторический вестник. Т. VII. – Тб., 1953. С. 250. См. также: Бражба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Тб., 1964. С. 246.

³ Чачхалия Д. К. К истории Красной Поляны и ее окрестностей // Джигетский сборник. – М., 2012. С. 102.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 181.

⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 227, 395–397, 400, 403. Лазский царь VI в. Губаз приходился дядей правителю Восточной Абазгии – Опситу.

⁶ Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов... С. 234.

⁷ Марр Н. Я. Из лингвистической поездки в Абхазию... С. 57; Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. – Тб., 1987. С. 100, 101, 122, 123, 182 и сл.

⁸ Сакания М. Сказы (собрал, обработал, издал – Шакрыл К. С.). – Сухум. 1976; Зухба С. Л. Абхазские народные историко-героические сказания. – Сухум. 1978. С. 111 – 112 (на абх. яз.).

звании рода Губаз основа гу означает на абх. «сердце», ба патронимический формант «сын» и гу-ба может означать «сын сердца», к которому потом выросли груз. де «сын» (Губадзе) и мегрельское ва (Губазава)¹. Историческое абхазо-адыгское личное имя Барнук² также было распространено в Лазике. По свидетельству византийского хронографа Феофана Исповедника (760 – 818 гг.) в VII в. именем Барнук звали одного лазского царя³.

Для обоснования точки зрения об этническом взаимопроникновении абхазов с чанами, некоторыми исследователями в качестве примера приводятся фамилии Цанба и Чанба. Однако, фамилия Цанба, вряд ли, имеет какое-либо отношение к чанам, так как ее наименование (родовое имя Сан/Цан) восходит к названию абхазского «племени» санигов – населения области Санигия в Северо-западной Абхазии. Что касается фамилии Чанба, то его сравнивают с груз. Чанишвили. Однако, едва-ли, здесь также с достаточной степенью уверенности можно производить Чанба от этнонима лазов чаны. Носители фамилии Чанба, проживающие главным образом в Бзыбской Абхазии, начальную букву фамилии произносят не как *ц* (чанба), а как *ч* (Чанба). Известно, что фамилия Чанба (среди батумских абхазов пишутся Чамба) была переделана мегрельскими священниками в Есава. Х. С. Бгажба, происхождение фамильного имени Чанба увязывает с называемым Эвл. Челеби в Северо-Западной Абхазии «племенем Чанды»⁴. По утверждению старожилок Зинаиды Тычовны Ашуба, она встречала в Западной Грузии (в г. Цаленджиха, примерно в 1940-х годах) носителей фамилий Чания, которые знают, что их фамилия происходит от абхазской Чанба. В то же время, однако, нельзя исключать и того, что в основе абхазской фамилии Чанба лежит личное этноформное имя Чан (так же, например, как имя Алан), бытование которого у абхазов не вызывает сомнения.

Приведенные выше абхазо-лазские параллели появлялись в результате тесных культурных, экономических и межгрупповых

¹ Марр Н. Я. Указ. раб. С. 57–58.

² Амичба Г. А. Антропонимический репертуар «Дивана абхазских царей» // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум. 2003. С. 56, 58.

³ Георгика. Т. IV. Вып. 1. – Тб., 1952. С. 105.

⁴ Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974. С. 178.

этнических контактов двух народов, причем и этническая граница, конечно, не была непроницаемой, апсило-лазская этническая диффузия происходила, нужно думать, постоянно и непрерывно. В частности, имеются основания полагать, что лазы стали просачиваться в сторону апсильов, начиная со II в. н. э. Оказавшись в языковом и культурном мире апсильов, лазы сливаются с последними: многие из лазов постепенно освоив язык и культуру, стали называть себя апсилами (апсуа)¹. Документальное подтверждение появления лазов во внутренних областях Аписилии (в Цебельде) мы находим у Прокопия, который в середине VI века фиксирует здесь представителей лазской знати, среди которых находилась вдовствующая лазская царица Феодора с вероятной свитой, магистр лазов Тердет, приведший туда персов, что находит объяснение в политических событиях того времени². Все это подтверждает мысль об интенсивных и долговременных абхазо-лазских взаимовлияниях, что проявляется в области антропонимии, и, несомненно, в духовных и языковых связях.

§3. Этнокультурные связи абхазов с сарматами и западными аланами

С периода поздней античности, на территории Абхазии наряду с греко-римским влиянием, прослеживается культурно-политическое воздействие персов, а также влияние степных мигрантов – сарматов и алан.

Прежде чем перейти к рассмотрению этнокультурных связей абхазов с сарматами и аланами, обратимся к вопросу о том, где проходила южная географическая граница Азиатской Сарматии, которая имеет прямое отношение к рассматриваемым нами вопросам.

Во времена Клавдия Птолемея вся Восточная Европа вместе с Кавказом, как известно, называлась Сарматией: Европейская

¹ Гицба Т. III. Страна древних абазгов. – Сухум. 2012. С. 80.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 400–403.

Сарматия к западу от Дона (античный Танаис) и Азиатская Сарматия к востоку от этой реки¹. Южная пограничная линия Азиатской Сарматии, проходившая по северным пределам Колхиды и Иберии, исследователями, как правило, проводилась по Главному Кавказскому хребту². Однако, детальный сопоставительный анализ сведений Птолемея и «Ашхарацуица» (Армянская география VII века), позволил Г. Д. Гумба прийти к совершенно иным выводам и довольно точно определить южную пограничную линию Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли³. По его данным, южная граница Азиатской Сарматии с Колхидой пролегла с запада на восток по Черноморскому побережью до устья реки Корак (эта река современными исследователями совершенно справедливо отождествляется, как известно, с рекой Кодор), отсюда она сворачивала на северо-восток по реке Кодор до местности Наа, затем по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, далее на восток по горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов до северного отрога Лихского хребта⁴.

Таким образом, как следует из вышесказанного, в Западном Закавказье в состав территории, называвшейся Азиатской Сарматией входила и территория современной Абхазии, так как южная граница Азиатской Сарматии проходила вдоль ее побережья, доходила до реки Кодор и поднимаясь в ее верховья, по вершинам Кодорского хребта шла на восток. Вывод Г. Д. Гумба о том, что юж-

¹ Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. – № 2. Европейскую Сарматия Птолемей описывает в части (III, 5), а Азиатскую в части (III, 8) «Географии»; Ричард Фрай. Наследие Ирана. – М., 1972. С. 218.

² См.: Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли // Кавказ: История, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28 – 31 мая 2001 г. Сухум. – Сухум. 2004. С. 154 – 155.

³ Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли... С. 155 – 170.

⁴ Там же. От северного отрога Лихского хребта на восток, южная линия Азиатской Сарматии проходила вдоль северной границы Картли, пересекая Сарматские ворота (недалеко от местности Жинвали), затем шла от местности Квелдаба к г. Гутон на Главном Кавказе, далее вдоль северного предела Албании (государства, занимавшего часть территории совр. Азербайджана, Грузии и Дагестана) до Каспийского моря на востоке (Гумба Г. Д. Указ. раб. Там же).

ная граница Азиатской Сарматии доходила до р. Кодор (Корак)¹, переключается со сведениями римского автора IV в. Аммиана Марцеллина, который отмечает, что «племя сарматов» прилегает к берегу, по которому протекает река Корак, изливающаяся в самый отдаленный угол моря»².

По Страбону в состав сарматских племен входили языги, роксоланы, аорсы, сираки, а также аланы; роксаланы и языги относились к западным саматам и занимали степи Северного Причерноморья. К восточным сарматским племенам относились аорсы, сираки и аланы³; первые два племени населяли пространства между Азовским и Каспийским морями, на юге их земли простирались до Кавказских гор. Что касается алан, появившихся на Северном Кавказе в I в. н. э.⁴, то они, как признано в официальной европейской и русской советской исторической науке, приняли наиболее активное участие в формировании осетинского народа.

Современной наукой вместе с тем признается, что элементы аланской материальной культуры, языка и проч., хотя и в значительно меньшей степени, прослеживаются и у некоторых других неираноязычных народов Северного Кавказа⁵.

¹ Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли... С. 154 – 155.

² Марцеллин А. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского. – Санкт-Петербург. 2000; Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ. 1992. Вып. 2. С. 12–26; Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. С. 68.

³ В то же время, в литературе высказана точка зрения о том, что аланы не являлись одним из сарматских племен (Галкина Е. С. «Белые пятна» этногенеза средневековых алан и этнические процессы в Центральном Предкавказье первых веков нашей эры // КС. Т. 2 (34). – М. 2005).

⁴ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948, №1 – 4.

⁵ Здесь, в первую очередь следует назвать тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, в состав которых известная часть алан волилась в качестве одного из компонентов (Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани (О новой концепции истории алан Северного Кавказа) // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик. 1974. С. 76). Это подтверждается тем, что только балкарцы и карачаевцы на Кавказе именуют себя этнонимом алан: этим именем называют карачаевцев и их ближайшие соседи – мегрелы, сами же осетины называют балкарцев асами, ассиями (Абаев М. К. Балкария. Журн. «Мусульманин». – Париж.

Относительно содержания термина «Аланы» можно констатировать, что, он, так же как и слово «сарматы», помимо своего узкоэтнического, имел и собирательное значение, то есть обозначал он всю Аланию и его полиэтничное население, куда входили как пришлые ираноязычные, так и местные кавказские группы¹. Из существовавших же в раннем средневековье под наименованием Алания двух политических объединений племен Северного Кавказа – Западного и Восточно-аланского², общую границу с Абхазией имели западные аланы³, которые оказываются в непосредственном контакте с абхазами уже с IV века⁴. В состав западных алан, помимо ираноязычных племен, предков современных осетин, входили адыги и тюркские элементы⁵.

Обращаясь непосредственно к вопросу этнокультурных связей абхазов с сарматами и аланами, следует вспомнить, что, еще

1911, №№ 14 – 17. С. 586 – 627. Переизд. Нальчик. 1992. С. 12; Кипшидзе И. Грамматика мингрельского языка, – СПб., 1914; Народы Кавказа. – М., 1960. Т. I. С. 243, 270; Абаев В. И. О происхождении карачаевцев и балкарцев. – Нальчик. 1960. С. 131; Бартольд В. В. Аланы // Бартольд В. В. Сочинения. – М., 1963. Т. 2 (1). С. 866 – 867; Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словообразование. – Черкесск. 1977. С. 75; Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984; Шаховский И. В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик, 2001. С. 160; Пратюрский язык-основа. Картина мира пратюрского этноса по данным языка. – М., 2006. С. 570; Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигорцы по «Ашхарауцу» // Вестник Академии наук Абхазии, №2. – Сухум. 2007. С. 228, 237, 240; Карачай. Страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая. Составление, вступительная статья и комментарии С. Х. Хотко. – Майкоп. 2011. С. 38.

¹ Подробнее см.: Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962. С. 11, 62, 74, 132. См. также: Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигорцы по «Ашхарауцу»... С. 235, 236, 237, 239 – 240; Анчабадзе З. В. Народы Дагестана в VI – VIII веках // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011. С. 325. Его же. Аланы в VI – VIII вв. // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011. С. 327 – 332.

² Кузнецов В. А. Аланские племена... С. 6, 132 – 133; Гумба Г. Д. Указ. раб. Там же.

³ Анчабадзе З. В. Аланы в VI – VIII вв... С. 328. На Северном Кавказе западные аланы населяли территорию от р. Баксан до верховьев Кубани. По словам Масуди, «народ, соседний со страной алан, называется абхаз» (Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X – XI веков. – М., 1963. С. 209).

⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М. –Л., 1949. С. 309 – 310; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. – М., 1971. С. 103.

⁵ Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигорцы по «Ашхарауцу»... С. 240. Основу же восточного аланского союза составляли предки осетин, ингушей и чеченцев.

Страбон упоминал о том, что большинство сходящихся в Диоскурию (совр. Сухум) с торговыми целями были сарматами, и что все они были кавказцами¹. В литературе высказано мнение о том, что хотя, вероятно, по языку и антропологически большинство жителей Кавказа не были сарматами, в сведениях Страбона нашел отражение тот факт, что почти все народы Кавказа долгое время испытывали на себе мощное культурное воздействие скифов и сарматов². Признавая справедливость высказанного мнения, мы в то же время со своей стороны должны отметить следующее. Если южная граница Азиатской Сарматии, как было выше сказано, проходила и по территории совр. Абхазии, а Диоскурия (расположенная северо-западнее Кодора) в таком случае входила в пределы Азиатской Сарматии, то свидетельство Страбона о том, что большинство сходящихся в этот город были сарматами (в состав которых, надо полагать, включалось и местное древнеабхазское население), должно, очевидно, соответствовать действительности.

Хотя из слов Страбона трудно судить о каком времени идет речь, следует отметить, что в период поздней античности сарматское влияние на территории Абхазии, судя по всему, было весьма значительным. Об этом в первую очередь свидетельствуют раскопки в Цебельдинском культурно-историческом регионе³. Характерной чертой отчетливо прослеживаемых в Цебельде черт сарматского погребального обряда, являлась северная ориентировка костяков (пять погребений). М. М. Трапш, исследовавший культуру цебельдинских некрополей, костяки и инвентарь погребений, пришел к выводу, что такие характерные черты погребального обряда, как переkreщивание ног, наличие оружия в женских

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, №4. 1947. С. 246; Страбон. География. Книга XI // Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994. С. 498; Туаллагов А. А. Сарматы Северного Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований». 13 – 14 октября 2005 г. – Владикавказ. 2006. С. 269, 276.

² Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. – Сухум. 1991. См. также: Цулая Г. В. К истории имени Абрскил // СЭ. 1966, № 6. С. 86; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII вв... С. 78 – 82.

³ Трапш М. М. Труды. Т. III ... С. 120–128.

погребениях показывают не только проникновение в Цебельду «сарматских обычаев, но и наличие в определенной степени в составе местного населения Цебельды сармато-аланской прослойки IV–V вв. »¹. Г. К. Шамба со своей стороны констатирует, что между апсилами и населением Северного Кавказа, в первую очередь, с сарматами и другими восточными народами, наличествовали тесные контакты². По их образцам, цебельдинцы изготавливали трехлопастные наконечники стрел, кинжалы, украшения³.

В дополнение к археологическим материалам, сарматы, как было выше сказано, письменными источниками помещаются вдоль реки Корак–Кодор (А. Марцеллин). В этой связи обращает на себя внимание название, расположенного в низовье р. Кодор пункта Дранда и его вариантов Дандара, Даранда, которую приводит С. Броневский⁴. В слове Даранда совершенно явственно звучит персидское «дар», означающее «ворота», «проход»⁵. По мнению Б. Г. Джонуа, топоним Дандар сопоставим с одним из племенных названий индоарийцев дандария⁶. По заключению В. А. Кузнецова, иранская топонимика Черноморского побережья и нижнего Прикубанья была оставлена сарматами⁷. С сарматами в науке, как известно, принято связывать, например, родовое имя Шармат (Ш. Д. Инал-Ипа, В. А. Кузнецов, Л. А. Чибиров и др.). Следует, однако, подчеркнуть, что едва ли данное предположение может соответствовать действительности, так как мнение о связи фамилии *Шармат* с этнонимом *сармат* предполагает непрерыв-

ное существование данной фамилии на протяжении более чем 2000–2500 лет. И поскольку, кроме созвучия этих терминов, иных доказательств, насколько нам известно, нет, то и предположение об идентичности терминов сармат и Шармат, следует, по нашему мнению, отклонить. Сказанное выше о фамилии Шармат относится, скорее всего, и к именам Езыгэ и Уазамат (первое считалось производным от названия сарматского племени языгов, а второе от сарматского или меотского племени иазаматов)¹.

В то же время, обращает на себя внимание то, что если апсийский царь носил римское имя Юлиан, то имена царей абасгов и санигов – Ресмаг и Спадаг, являются заимствованными из иранских языков северо-восточной группы². В таком случае, указанные имена высших лиц, как уже справедливо отмечалось, должны говорить о соперничестве в Абхазии «римского политического господства со скифо-сарматским культурным влиянием»³.

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов... С. 33.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М. – Л., 1947. С. 176–177; Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии // Этнография имен. – М., 1971. С. 71–72.

³ Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии. Там же. Археологом М. М. Трапш и другими исследователями (А. Л. Лукин, Б. А. Куфтин, Г. К. Шамба, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба) было установлено, что древнеабхазское население в VII–VI вв. до н. э. имело реальную связь со скифами Кубани и Приднестровья. Это устанавливается по материалам материальной и духовной культуры древних абхазов и скифов (Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланыхва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962. С. 26, 42 – 43, 50 – 57, 80 – 81. Его же. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970. С. 62; Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов. – М. . 1980. С. 200 – 218; Погребова М. Н. Памятники скифской культуры Закавказья // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981. С. 42–58; Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985. С. 35–37, 45, 48–49, 80; Бгажба О. Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2000 г.; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум. 2006. С. 51–57). Например, обряд приношения коня в жертву умершему хозяину, обычай хоронить коней со сброей, налобниками, масками и другими атрибутами, что скорее всего было привнесено в Абхазию скифами. Скифские конские захоронения, ставшие для абхазов традиционными, помимо с. Куланыхва, обнаружены в сс. Адзюбжа. Эшера, Цебельда. Традиционные связи древних абхазов и скифов обнаруживаются также в похоронных обычаях (царапание лица, обстригание волос и др.). Особенно заметную роль скифы сыграли в этногенезе восточных грузин и азербайджанцев (История Азербайджана (в трех томах). Том I. – Баку. 1958. С. 38). Скифский язык оказал определенное влияние на армянский, и особенно на

¹ Там же; Догузов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье... С. 12–26.

² Шамба Г. К. Археологические памятники Абхазии... С. 95.

³ Там же.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823. С. 295 // Материалы по истории Абхазии. 1.

⁵ Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись работы 1985г. Интересно, что и топоним Goto (Гото), указываемый на Венецианской карте XIII века в качестве обозначения пункта Кодор, с португальского переводится как «горло», «ущелье», что также соответствует географическому положению этой местности. Через Дранду и Кодор горцы, в частности цебельдинцы, проходили в Юго-Восточную Абхазию и Мегрелию, т. е. к побережью, как об этом писал Дюбуа де Монпере.

⁶ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 42.

⁷ Кузнецов В. А. Аланские племена... С. 69.

О месте локализации алан у византийского историка Прокопия Кесарийского читаем: «... за пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, проживавшие между абасгами и аланами¹. Большинство исследователей, на основании данной редакции, помещает алан, о которых говорит Прокопий, к северу от Кавказского хребта. Однако эта цитата историка может быть истолкована и иначе. Если под Кавказским хребтом подразумевать не главный, а один из хребтов, предшествующих ему, то алан Прокопия (или часть алан), по мнению некоторых исследователей, можно поместить к югу от хребта².

Согласно письменным источникам, в VI–VII вв. они по договору с византийцами, владели мисимианской крепостью Бухлоон и захватили прилегающую к нему область Миссиминии³. В результате эти территории (южный склон Главного Кавказа у истоков Кодора и Ингура до крепости Бухлоон), были включены в политические границы Алании⁴. В этой связи обращает на себя внимание

грузинский язык (Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. – Тб., 1966). Грузинские ученые склонны принижать значимость скифов в формировании первого государственного образования на территории Восточной Грузии. Однако о скифском происхождении династии Фарнавазианов и всей правящей элиты свидетельствуют многочисленные данные и весь ономастикон правящей династии, полностью являющийся иранским по происхождению (Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 47–62; Сатцаев Э. Иранский компонент в этногенезе и глоттогенезе народов Южного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11, № 01. С. 11–14).

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 382, 383; Генко А. Н. О языке убухов... С. 229.

² Догужов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье... С. 12–26.

³ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 87; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ. 1992. С. 94. Бухлоон занимал чрезвычайно выгодное стратегическое положение на стыке Алании, Лазики, и Сванетии и мог иметь влияние на византийские коммуникации на севере Кавказа. В. А. Кузнецов считает, что передача крепости аланам может быть истолкована как выражение политического недоверия к мисимианам и напротив – доверия к аланам как более надежным союзникам (Кузнецов В. А. Указ. раб. С. 106).

⁴ Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия... С. 69; Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новейшие археологические

тот факт, что само название крепости Бухлоон считается состоящим из абх. *абахэу* (баху) «утес», «скальная гора» или *Баахэу* «крепостная гора» и *лоон*, *лан*, из ран, а-ран «линия», «межа», «граница», являющегося древним заимствованием из аланского¹. Интересно, что в историческом селе Галского района Абхазии – Царча², по настоящее время существует местность Сааланио, что в переводе с мегрельского означает «место поселения рода Алан(иа)³.

Фиксируемый византийскими источниками в Кодорском ущелье (в пределах которого находились аланские поселения) древний населенный пункт Фуста (Пуста)⁴, по утверждению некоторых исследователей, имеет аланское (осетинское) происхождение⁵. Однако, еще ранее З. В. Анчабадзе выводил топонимический термин Пуста из абхазского названия Апсилии – Апствыла (Ацствыла)⁶. Кроме того, следует заметить, что название Фуста-Пуста, весьма близко абхазскому топониму, расположенному в междуречье рек Амткиал и Джампал – Апушта; не исключено, что Пуста или абх. Пышэта связано и с именем Пышэт-ипа – патронимией фамилии Маршан, проживавшей в этом же районе⁷. Вместе с тем, в верхо-

и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала. 2007. С. 113; Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигорцы по «Ашхарацуйцу»... С. 228.

¹ Бганба В. М. О некоторых меабхазо-осетинских (аланских) лексических взаимозаимствованиях // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения докт. филол. наук К. С. Шакрыл (28 – 30 мая 1999 г.) – Сухум. 2000. С. 49 – 62; Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 59; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 225.

² Ныне это село территориально отнесено к Ткуарчалскому району республики.

³ Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002. С. 547 (на абх. яз.).

⁴ Бгажба Х. С. Этюды и исследования... С. 169.

⁵ Догужов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем Средневековье // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ. 1992. Вып. 2. Суффикс «та» в слове Фуста, по мнению цитируемого автора, символизирует множественность в осетинском языке, а слово «fys», «fus», переводимое как «овца», «баран», является общеиндоевропейским и восходит к иранскому «pasu». Отсюда и производное «fysum», «fusum», т. е. «хозяин в отношении гостя», «лицо, оказывающее гостеприимство, принимающее гостя» (Догужов К. Г. Указ. раб. Там же).

⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 64.

⁷ Бейтуганов С. Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. – Нальчик. 1989. С. 93 – 94.

вьях р. Кодор, вблизи впадения в нее притока Сакена, согласно картам Кавказа, например, Кондратьева, Риттиха и других, существовал населенный пункт Аланда¹.

Полевые исследования автора этих строк показали, что в нынешнем Гулрыпшском районе Абхазии, в районе с. Мархьаул, существуют названия «Алан-хуцы» и «Алан-ду», т. е. «Малый алан» и «Большой алан»², в районе с. Акапа – название Алан³, в с. Лыхны – «пещера Алан»⁴. Археологические данные в свою очередь четко фиксируют в нынешнем Кодорском ущелье наличие локальных аланских поселений. Факт пребывания западных алан в этом районе (Цебельде) находит свое отражение находках до десятка аланских лощеных кружек VI в. ⁵. Эти и другие более ранние находки (простые цебельдинские мечи, мечи и ножи с кольцевидными навершиями, пряжки-сюльгамы и др.)⁶ с одной стороны, могут свидетельствовать о наличии «сармато-аланов в составе апсильских и римско-византийских подразделений в Колхиде, с другой – о наличии торговых и брачных связей»⁷.

В контексте истории взаимоотношений апсильских и западных алан в V – VI вв. н. э. немаловажными являются и выявленные у крепости Цибилиум в 1979–1986 гг. пять погребений, в которых зафиксирован обряд деформации черепа⁸. Сама немногочисленность группы погребений, где наблюдается данный обряд толь-

¹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии... С. 169; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории. Т. III... С. 274. Ср. также Аланда в верховьях Кодора с хет. Аланда.

² Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии... С. 104.

³ Местечко «Алан» является одним из поселков с. Акапа, после переселения в эти места в 1881 г. греков оно было переименовано в «Петровское», в настоящее время название «Алан» восстановлено (Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002. С. 136 (на абх. яз.).

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследований Цибилиума в 1978–1982 гг.). – Тб., 1985. С. 76.

⁶ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 84 – 85.

⁷ Там же; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 146.

⁸ Пигарь С. С. К вопросу об этнических контактах населения Западной Колхиды (Апсильи) и Северного Кавказа в середине I тыс. н. э. // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009. С. 307 – 308.

ко подчеркивает их неместное происхождение. Описываемый обычай является одной из специфических черт культуры сарматов и алан¹. Подобные деформированные черепа являются частыми находками в аланских погребениях Прикубанья и Центрального Кавказа². Это обстоятельство служит также прямым доказательством вхождения небольшой группы выходцев из Северного Кавказа в состав населения Апсильи³.

Нельзя пройти и мимо того факта, что горные абхазские общества медовеевцев (Ахчипсу, Аибга и Чужгуча) имели, как и убыхи, второе название «аланиты»⁴, что, также, очевидно, косвенно указывает на факт инфильтрации алан в абхазскую этническую среду. Причем, цитированный выше А. Марцеллин называет алан и в числе племен Черноморского побережья Кавказа⁵.

¹ Пигарь С. С. К вопросу об этнических контактах населения Западной Колхиды (Апсильи) и Северного Кавказа в середине I тыс. н. э... С. 307 – 308.

² Там же.

³ Не всегда отношения абхазов и алан складывались мирно. Так, еще в период создания Абхазского царства и его освобождения от политической зависимости Византии, последняя в борьбе против абхазов прибегла к помощи западных алан. Видимо, именно против вторжения алан могли быть построены абхазами в VIII в., крепости в ущельях Бзыби и Кодора, развалины которых сохранились до нашего времени. А в IX–X вв. Абхазское царство само перешло в наступление на Северный Кавказ и впоследствии превратило алан в своих союзников. «Летопись Картли» сообщает, что в числе союзников Абхазского царства, боровшегося с Армянским царством за обладание Картли, был и Бакаатар – владетель осетин и эристав абхазов (Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 36). Вместе с Насром, возглавлявшим абхазскую коалицию, он был убит в битве при Аспиндзе в конце IX в. (Там же). Возможно, именно названный Бакаатар имеется в виду С. Таронским (XI в.), когда он говорит о «князе абхазов, вышедшем из страны сарматов» и вторгшемся в Армению (Асохик. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию. – М., 1864 // Абгарян Г. В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. – Ереван. 1969. С. 8).

⁴ Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. С. 108; Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. – Черкесск. 1998. С. 55.

⁵ Марцеллин А. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского. – Санкт-Петербург. 2000; Агусты Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках... С. 68.

В этой связи некоторые авторы¹ увязывают термин алан с упоминаемым Эвл. Челеби «племенем арлан»², полагая, что последние являются одним из западно-горных аланских отложений³. Однако, отождествление «алан» и «арлан», как историко-географически, так и лингвистически, представляется совершенно неправомерным. Поэтому, вряд ли следует, исходя из ни чем не аргументированного мнения Л. И. Лаврова, делать далеко идущие выводы на основе лишь весьма сомнительного сходства терминов «алан» и «арлан»⁴.

Прямые культурно-языковые контакты абхазов с аланами с IV в. находят свое отражение в заимствовании абхазским языком

¹ Лавров Л. И. Убыхи... С. 93.

² Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. 3. – М., 1983. С. 48.

³ Лавров Л. И. Убыхи... С. 93.

⁴ Связь названия алан и арлан обосновывается и тем, что «в Абхазии племя Арлан не оставило никаких следов, кроме упоминания Д. И. Гулиа абхазской скороговорки (арланаа ран алтарра – «ольховая роща матери (семейства) Арланаа» (См.: Словарь топонимов Российского Черноморья. – Новочеркасск. 2008.). Необходимо однако подчеркнуть, что кроме этой скороговорки, «племя» Арлан фигурирует в абхазском фольклоре, в том числе в средневековом историческом предании об Апсха – царе Абхазии (Инал-Ипа Ш. Д. Апсха. (Исторические предания о «царе абхазов» // Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1988. С. 301 – 303. Его же. Антропонимия абхазов... С. 147 – 148), более того подчеркивается, что сам «апсха был родом из Арлан» (Там же. С. 301 – 303). В топонимике Абхазии насчитывается ряд местностей, связанных с этим родом – «пустырь рода Арлан», «усадыба Арлана», пещера Арлана», речка Арлана» и т. д. (Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии... С. 243, 254, 359, 381, 474; Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АБИГИ АН Абхазии 2006 года. Тетрадь 2, л. 10. (Домашний архив). В настоящее время представители рода Арлан проживают в сс. Атара, Кутол, Акуска, Лыхны, Бзыпта, в городах Сухум, Гудаута, Пицунда, Гагра. Кроме того, живущие ныне в с. Дарчели Зугдидского района Западной Грузии носители мегрельской фамилии Арлания происходят от Арлан (Куправа А. Э. Из истории абхазской антропонимии. – Сочи. 2003. С. 50 – 51, 163 – 164) (другая ветвь этой фамилии пишется Арлания). Часть «племени» Арлан к концу XVIII в., очевидно, переселилась и на Северный Кавказ. Об этом свидетельствует указание географического словаря того периода о существовании на северной стороне главного хребта абазинской деревни «Арзланкыт при ручье Хсаут» (Новый полный географический словарь Российского государства». Ч. 1. – М., 1788. С. 5). Как видно, фамилия Арлан, не просто имеет глубокие исторические корни на территории Абхазии, но и оставило свои следы в сопредельной Мегрелии, Сочи-Адлерском регионе и на Северном Кавказе.

заметного пласта аланизмов (древних осетинизмов)¹. К ним относятся такие слова, как, например, *аргама*, *ауардын*, *ауараиш*, *аран*, *агмыг*, *ақды*, *арахъ*, *апицэма*, *къараз* и др.². Большой интерес в этом отношении, представляет, в частности, и абхазское слово *амарцъа*, которое используется как клич предостережения, и побуждения³. В. М. Бганба считает, что к абхазской *амарцъа* имеет непосредственное отношение осетинского *margæ* с тем же значением, и сарматский боевой клич *marha*⁴.

Этноязыковое проникновение ираноязычных народов в местную среду нашло свое отражение в фамильных именах абхазов. Знакомство с антропонимией древних и средневековых племен Северо-Западного Кавказа свидетельствует о наличии в ней имен иранского корня. Этот факт дает возможность судить о том, что во взаимоотношениях с ираноязычными народами имели место не только столкновения, но и мирные, дружественные контакты. Так, установлено, что, например, такие абхазские фамилии, как Алания, Осия являлись потомками переселившихся в далеком прошлом в Абхазию групп ираноязычного населения⁵. Об этом говорят сами фамильные имена (Осия – от груз «оси» или абхазского «ауапс» – осетин, представители Осия и ныне живут в сс.

¹ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 7, 56 – 62.

² Шагиров А. К. Об осетинских (аланских) лексических заимствованиях в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000. С. 351–355; Бганба В. М. О некоторых межабхазо-осетинских (аланских) лексических заимствованиях... С. 49–62; Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 56–62. Эти слова должны были проникнуть в среду абхазов и адыгов до XIII в. (Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. – М., 1986. С. 54), т. е. до разгрома алан татаро-монголами.

³ Аналогичные основы с разной семантикой широко распространены в кавказских языках (адыгейск. маржэ, каб. мардж призыв, клич, убых. маджь, йэ-маджь «о,боже мой!; увь!» осет. амарджæ, йамарджæ «поощрительный возглас», груз. марцъ «побеждать» (Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 36).

⁴ Бганба В. М. О некоторых межабхазо-осетинских (аланских) лексических заимствованиях... С. 49 – 62; Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 36.

⁵ Инал-Ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе. 1967. С. 223–224; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984. С. 63.

Куланыхруа, Кутол, в г. Сухум), в абхазской среде Осия оформлена в виде Озба¹; фамилия Алания также этнического происхождения (от «алан»). От этнического имени Алан происходит фамилия Маланья (носители живут в сс. Адзюбжа, Мыку, Галском районе).

Феодальное предание известной в Дигории фамилии Царгасата, свидетельствует о том, что родоначальник этого рода происходил с берегов Черного моря, где он якобы жил со своим братом Шервашем (Шервашидзе)². Производная от одного из древних названий реки Кубань – Вардан, абхазо-убыхская фамилия Вардан (ия) берет начало в аланском Вару-дану «широкая река»³. Приведенные и другие антропонимические и в целом этнографические абхазо-аланские общие элементы, несомненно указывают на взаимные передвижения населения. Хотя, больших перемещений, очевидно, не было, «но ограниченные этнические взаимопроникновения, частичные этнические инфильтрации в ту и другую сторону с последующей их полной ассимиляцией, происходили постоянно»⁴.

При рассмотрении контактов ираноязычных племен с местным кавказским населением необходимо говорить не только о их влиянии и проникновении пришлого населения в Предкавказье, но и обратном влиянии кавказских традиций на культуру кочевых племен. Это можно проследить по материалам устного народного творчества. Изыскания фольклористов показали, что «пришлые ираноязычные племена заимствовали у местного кавказского населения первоначальное ядро нартского эпоса (основные сказания о Сасыркуа), а затем «сармато-аланы» сами проявили необычайную творческую активность в дальнейшем развитии эпоса»⁵. В то

же время, как было установлено новейшими изысканиями в области ареальных контактов на Северо-Западном Кавказе, среди некоторых слов абхазского языка, ведущих свое происхождение из индоиранских источников, отмечено и «нарт»: через посредство сармато-алан оно заимствовано из древнеиндийского *nrta* «мужчины, мужество»¹. Изучение иранизмов в словаре абхазо-адыгских языков располагает богатой традицией. Их выявление начатое еще А. Шифнером, в дальнейшем было связано с трудами Н. С. Трубецкого, Ж. Дюмезиля, В. И. Абаева, Г. А. Климова и др. Не лишен в этой связи интереса тот факт, что значительная часть ираноязычной лексики в абхазском языке не находит своих параллелей в адыгских языках, сохраняющих территориальную границу с осетинским². Это наблюдение подтверждает непосредственные контакты алан с предками абхазов в домонгольский период³.

В литературе уже обращалось внимание на факт наличия совершенно одинакового звукового состава в самоназвании абхазов апсуа и в абхазском наименовании осетин ауапс⁴, – (где имеется только перестановка букв), что, по всей вероятности, также является одним из важных показателей древних этнокультурных взаимоотношений между названными сторонами. В абхазском этнониме ауапс «осетин» специалисты выделяют корень «пщ» – «рыжий, светлый»⁵. То есть абхазское ауапс восходит к форме ауапщ, буквально означающей «рыжие (светлые) люди». Такое название

рыкуа/Сослане//Созырыко. (Опыт сравнительного указателя) // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований». 13 – 14 октября 2005 г. – Владикавказ. 2006. С. 246 – 261; Анчабадзе З. В. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011. С. 263, 266.

¹ Зыцарь Ю. В. Кавказско-древневосточные связи баскского OLA «хижина», ALABA «дочь» // Кавказско-ближневосточный сборник. VI. – Тб., 1980. С. 171; Джонуа Б. Г., Климов Г. А. К индоаризмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1985. Т. 44, № 2. С. 155.

² Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе. 1990. С. 159.

³ Там же.

⁴ Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик. 1982. С. 47 – 48.

⁵ Там же.

¹ Цулая Г. В. Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002, № 5. С. 81–90; Маан О. В. К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии // ЭО. 2009, № 5. С. 42–51.

² Калаев Б. А. Осетины... С. 40.

³ Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия... С. 246. Следует вместе с тем иметь в виду, что физическими предками ираноязычных осетин являлись также и автохтонные кавказские племена, поэтому, выявляемые абхазо-осетинские параллели могут восходить к кавказскому пласту в осетинском.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям... С. 223.

⁵ Салакая Ш. Х. Избранные труды. В трех томах. I. Эпическое творчество абхазов... С. 402; Джапуа З. Д. Абхазские и осетинские нартские сказания о Сас-

говорит о внешних признаках алан, которые представлялись предкам абхазов «блондинами»¹.

В этом отношении определенный интерес представляют варианты сказания об абхазском герое-богоборце Абрскиле. В них говорится, что Абрскил «не любил рыжих людей с серыми глазами и при встрече убивал их». По мнению Г. Ф. Чурсина в этих текстах несомненно сохранились отголоски некоторых явлений исторического прошлого. «В преследовании Абрскилом рыжих и голубоглазых людей, – пишет исследователь, – можно видеть отдаленное воспоминание об упорной борьбе абхазского народа с каким-то чуждым народом – голубоглазыми блондинами»².

Рассматривая эпос в историко-сравнительном плане некоторыми исследователями высказано мнение о том, что имя Абрскила состоит из двух компонентов «абр» и «скил», и связываются они со скифо-сарматским миром³: в сказании, по мысли этих авторов, нашло отражение столкновение абхазов с этими племенами⁴.

Это мнение поддерживается осетинскими авторами⁵. Другие же авторы предполагают, что слово Абрскил имеет местные абхазо-адыгские истоки⁶.

А мы считаем: имеет слово Абрскил скифские истоки или нет, а это вряд ли возможно однозначно установить, совершенно очевидно, что в самом сказании, как отмечено, отразилась борьба абхазов с какими-то чуждыми народами (в них, помимо скифов видели также финно-угорские племена)⁷. Исходя же из вышеизложенных данных, мы не исключаем, что таковыми вполне могли быть и скифо-сарматы и аланские племена, ибо по Гиппократу, «все скифское племя рыжее вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточной силой, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий»⁸.

¹ Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа... С. 9.

² Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1956. С. 241 – 244.

³ Цулая Г. В. К истории имени Абрскил // СЭ. 1966, №6. С. 87.

⁴ Там же.

⁵ Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа... С. 7.

⁶ Салакая Ш. Х. Избранные труды. В трех томах. I... С. 89, 90–93, 127

⁷ Гулия Д. И. Собрание сочинений. Т. 6. – Сухуми. 1986. С. 94 – 95.

⁸ Цулая Г. В. Мифологические тайны пещеры Абрскила // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963. С. 327.

Персидский источник иранского влияния на Западное Закавказье. Персо-колхидско-древнеабхазские связи восходят, очевидно, к периоду существования Мидийского царства. Более интенсивными эти отношения становятся в эпоху персидской державы Ахеменидов (VI–IV вв. до н. э.). Такой вывод можно сделать из сообщения Геродота, по которому в сферу персидского политического влияния, наряду с другими, входили и «колхи... а также и соседи их до Кавказского хребта...»¹, которые вынуждены были время от времени посылать ахеменидским царям дань рабами и поставляли вспомогательные отряды². Известная часть этой дани падала, конечно, и на Абхазию (в частности колхи, и в их числе древнеабхазские воины, находились в составе персидских войск, в 480 г. вторгшихся в Грецию)³. Известно и о значительном культурном и экономическом влиянии державы Ахеменидов на западно-кавказские регионы⁴.

С точки зрения древних и тесных этно-культурно-языковых контактов между персами и абхазами значительный интерес представляют иранские заимствования в абхазской ономастике. Прежде всего, из исторических и ныне бытующих у абхазов личных имен обращает на себя внимание название Мард (Мард-ипа)⁵, происходящее, очевидно, от названия древнеиранского племени мардов⁶, а также иранские имена Адарнас, Анос, Ардаван, Ардон,

¹ Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии... С. 236.

² Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. С. 105, 108–109.

³ Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии... С. 162.

⁴ Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии... С. 105, 108–109; Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н. э. – XIII в. н. э.) Научный доклад на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1998. С. 31. Народы Закавказья вообще играли значительную роль в державе Ахеменидов. Их вхождение в ее состав имело большое значение для экономической, политической и культурной жизни как Закавказья, так и Ирана. Они внесли много ценного в культурную сокровищницу народов Ирана и всего Востока и, в свою очередь, заимствовали многие достижения экономики и культуры персов, индийцев и других народов Ахеменидского государства.

⁵ Салакая Ш. Х. Избранные труды... С. 79; Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов... С. 33.

⁶ Ричард Фрай. Наследие Ирана... С. 74, 117, 247.

Бакура, Гулиза, Гурандухт, Джансукх, Зураб, Кудж, Манча, Назия (Нази), Темраз и др.¹.

Производные на материале иранских языков и такие личные имена как, Ардашил, Баграт, Барат, Гозар, Гурандухт, Кудж (Гудж), Скепарна, Туана² и др., зафиксированные в письменных источниках к рубежу античности и раннего средневековья (некоторые из них, например, Баграт, Гурандухт, очевидно, вошли в абхазский имениник задолго до их письменной фиксации), свидетельствуют о том, что в это время в Восточном Причерноморье и Абхазии все интенсивнее происходили культурно-языковые встречи местного абхазского и адыгского населения с ираноязычными народами. Следует иметь в виду, что иранские личные имена проникали в Абхазию и через посредство картвельских языков, а также из Армении. Но не исключено, что ряд иранских имен, в том числе и некоторые из вышеперечисленных, могли попасть в Абхазию вместе с мусульманством после установления в Абхазии турецкого господства. В то же время мы вполне допускаем и то, что в средневековье некоторые имена иранского происхождения проникали в Грузию через абхазское посредство. Об этом свидетельствует В. И. Абаев, который писал, что «Абхазия была, пожалуй, основным каналом, служившим для связи Грузинского государства с алано-осетинами»³.

Вышеперечисленные и другие иранские имена, представленные среди высших слоев абхазского общества того времени в немалом количестве, можно вместе с тем, объяснить и их брачными отношениями с аристократами ираноязычных народов. Можно

¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1... С. 96, 168–169; Гафуров А. Г. Лев и кипарис (о восточных именах). – М., 1971. С. 136; Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии... С. 71–72; Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов... С. 124, 136, 138, 144.

² Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. – Тб., 1966. С. 138–139, 203, 529; Гафуров А. Г. Лев и кипарис (о восточных именах)... С. 47, 58 – 59; Налбандян Г. М. Армянские личные имена иранского происхождения. (Культурно-историческое исследование). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. – Тб., 1971. С. 12, 31, 40; Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии... С. 71, 72.

³ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I... С. 318; Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов... С. 129 – 130, 131.

полагать, что эти браки заключались, в том числе с целью урегулирования каких-либо конфликтов или политического союза, дети же от таких браков получали иранские имена. Возможно, абхазская знать раннего средневековья находилась в тесных, вплоть до семейных, отношениях, с привилегированными кругами ираноязычных народов. Обращает на себя внимание то, что в середине VI века, по сообщению историка Ат-Табари, жившего при правителе Ирана Хосрове, в области современного Южного (Иранского) Азербайджана существовала абхазская община, которая образовалась там в результате переселения¹. Перемещение абхазов, возможно, было осуществлено, из стратегических соображений, так как подобная политика в отношении подчиненных народов практиковалось и ранее создателями кочевых империй.

Персидское присутствие в Абхазии в 550 г. ознаменовалось уводом группы знатной абазгской молодежи в качестве заложников («шестьдесят мальчиков из числа самых знатных»)², в соответствии с предварительной договоренностью между правителем Западной Абазгии Скепарной и персидским шахом Хосровом³. Более об этих заложниках в источниках ничего не сообщается, возможно они осели в Персии, и скорее всего, ассимилировались с местным населением, приспособившись к персидскому социокультурному пространству⁴.

Иранское влияние прослеживается не только в антропонимии абхазов, но также в изобразительном искусстве⁵. Так, рассматривая предметы скульптуры с сасанидскими формами, выявленные в ряде мест Абхазии, Л. Г. Хрушкова отмечает: «Наличие некоторых сасанидских форм в рельефах из Цебельды – явление общее для скульптуры (как, впрочем, и для других сфер художественной культуры, общественной жизни и быта) стран Кавказа в V – VI вв., в меньшей степени в более позднее время»⁶.

¹ Цит. по: Гожба Р. Кавказская диаспора // Эхо Кавказа, 1993, № 3. С. 10.

² Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 400.

³ Чачахалиа Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000.

⁴ Интересно отметить, что, по некоторым сведениям, в настоящее время в Иране существует несколько абхазских селений.

⁵ Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии... С. 82.

⁶ Там же.

Наблюдения показывают, что некоторые социальные термины феодальной Абхазии – персидского происхождения, например, азаты (вольнотпущенники из различных крестьянских категорий); в персидском азаты – «свободные», «благородные», «знать»¹. Определенный интерес, возможно, представляют и некоторые гидронимы Абхазии, в основе которых лежит слово «цъам», что означает «перс» (иранец)². Название важнейшего пути через Клухорский перевал в эпоху раннего средневековья – Даринский³, специалисты также возводят к персидскому *darai* – «шелковая ткань»⁴.

В топонимике Абхазии встречается также ряд названий местностей с основой «перс»⁵, хотя трудно утверждать, что все они связаны с персидским влиянием. Так же как представляется затруднительным доказать приписывание некоторыми авторами персам постройку во второй половине VI в. Великой Абхазской стены⁶. Конечно, известно о том, что персы осуществляли значительные фортификационные работы, например, в Прикаспий (для защиты северных границ империи от вторжения кочевников). Моисей Кавказский, описывая стены Дербента (длина ее стены составляет 3600 метров), отмечает, что «цари персидские изнурили страну (Албанию), собирая архитекторов и изыскивая разные материалы

¹ Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI – VII веков. – Москва – Ленинград. 1946. С. 213; Буниятов З. Азербайджан в VII–IX вв. – Баку. 1965. С. 65; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Издание второе. – Душанбе. 1989. С. 373.

² Маан О. В. Очерки истории и культуры... С. 91.

³ Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003. С. 21–25.

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. – М. – Л., 1958. С. 345; Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Ассирии и алан // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 34.

⁵ Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии... С. 233, 240, 299, 329, 336, 357, 364, 486, 487, 489, 504, 505, 518; Джонсу Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 26, 56 – 62.

⁶ Aleksidze Z. La construction de la KLEISOYRA d'après le nouveau manuscrit sinaitique № 50 / Пер. J. – P. Mahe // Travaux et Memoires. 2000. Т. 13. С. 673 – 681; Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII вв.)... С. 41; Виноградов А. Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье... С. 163.

для построения великого здания»¹. Разумеется, то же самое могло быть и на территории Абхазии. Однако, сравнение Келасурской стены с той, что персы примерно в то же время возвели в Дагестане, показывает, что строительные технологии там применялись совсем другие (Дербентская стена сложена из хорошо обработанных (обтесанных) каменных блоков, тогда как Келасурская стена построена из булыжного камня). Кроме того, если аналогичные дербентской, строительные работы персами производились бы в Абхазии, то об этом должны были сообщить Прокопий или Агафий, которые достаточно подробно излагают персо-византийскую войну, ничего не пишут о строительстве персами Келасурской стены² (такое строительство естественно, должно было осуществляться, так же как и при сооружении укрепления Дербента, за счет людских и материальных ресурсов местного, в данном случае, абхазского населения). При этом, для строительства столь крупного сооружения, каким является Великая Абхазская стена, требовался громадный контингент рабочей силы, подчиненной единой воле и единому плану. Персы же были в Абхазии дважды: в середине VI в. два месяца в Цебельде и в 555 г. примерно с весны до зимы. Поэтому сомнительно, чтобы за столь сравнительно короткий период времени они могли построить гигантскую стену длиной в 160 км³. В то же время, ко времени пребывания персидских войск в Абхазии, очевидно, относятся выявленные здесь, и в частности, в Цебельде, сасанидские серебряные монеты шахов Кавада и Хосрова II⁴.

¹ Борьба народов Кавказской Албании с кочевниками и Сасанидского Ирана galski.livejournal.com/8999.html www.svastour.ru/uaz/istoriya.htm

² Наоборот, Прокопий отмечал, что именно византийцами, точнее Юстинианом, были укреплены все ущелья в этой стране клисурами («замками»), чтобы перед врагами были заперты все пути в Лазику (Прокопий из Кесарии. О постройках. / Перев. С. В. Кондратьева // ВДИ. 1939. №4 (5).

³ Разумеется, вопрос о том, кем была построена Великая Абхазская стена, должен определиться после проведения соответствующих специальных раскопок, которые, за исключением небольших работ в районе Багбаранского и Члоуского участков (где, кстати, не выявлен персидский материал), к сожалению, пока еще не проводилось.

⁴ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 15, 25, 30. Они же. Главная крепость Ассирии... С. 36; Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии. – Тб., 1987. С. 61, 95 – 96.

Определенное сасанидское влияние чувствуется в женском уборе апсилов этого периода¹, включавшем такие элементы как каменные геммы, сердоликовые бусы с белым «инкрустированным» декором и др. ². Специалистами установлено влияние сасанидской аристократической моды и на вооружение предков абхазов (апсильов): об этом свидетельствуют находки в могильнике Цибилиум – 1 (конец IV – первая половина V в.) кинжалов с четырьмя выступами на ножнах³. Исследования археологов позволяют предположить, что мода на иранские кинжалы попадает к апсилам из сасанидского Ирана, через посредство престижной культуры закавказских царств, таких как Армения или Иберия⁴, находившихся в культурной и политической сфере империи Сасанидов. М. М. Казанский считает, что распространение кинжалов с четырьмя выступами на ножнах в Закавказье под влиянием степных кочевников и Северного Причерноморья менее вероятно, поскольку, связи с ними в этот период были слабее, чем с закавказскими царствами, и, во-вторых, после середины III в. такие кинжалы к северу от Кавказского хребта неизвестны⁵.

Сравнение древнеиранской и традиционной абхазской религии указывают на их близость или аналогии, в связи с чем обратим внимание на некоторые достаточно показательные примеры.

Прежде всего, несомненный интерес представляет аналогия личного имени пастуха абхазских нартвов Зартыжва и имени пророка реформатора древнеиранской религии – Заратустры⁶. Зороастрийские корни в верованиях абхазов можно предполагать и в том, что семь апаимбаров (архангелов) напоминают семь Амэша-Спента, а некоторые формулы молитв очень близки к формулам

¹ Мастыкова А. В. Эволюция женского убора апсильов (II – VII вв.)... С. 143.

² Там же.

³ Казанский М. М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиум // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011 г., г. Сухум.) – Сухум. 2011. С. 146 – 152.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Гафуров А. Г. Лев и кипарис (о восточных именах)... С. 78 – 79.

яштов¹. Само абхазское слово «апаимбар» заимствовано из персидского «пейгамбар», в переводе «несущий послание» (от Бога)². Особое место в религиозных верованиях абхазов (как и почти у всех народов мира) принадлежит культу огня, сохранившемуся в виде его различных пережитков (отчетливо этот культ проявляется в обычае перепрыгивать через костер накануне праздника Успенья Богородицы – Нанхэа)³. Хотя культ огня явление широко распространенное, универсальное, однако в нем, так же, как и у осетин, прослеживается определенное наслоение персидской религиозной традиции⁴.

В то же время, присущий народным верованиям и обрядам абхазов культ огня, домашнего очага, уходящий своими корнями в первобытную эпоху, вряд ли следует приписывать исключительно зороастризму. Пережитки почитания огня и домашнего очага в разной степени сохранности бытуют в народной среде вплоть до современной этнографической действительности абхазов, о чем говорит, например, наиболее сильная формула проклятия «Да потухнет твоя доля огня» («Умцаху ыцэааит»)⁵.

И в зороастрийских, и в абхазских религиозных ритуалах не используются изображения богов: нет идолов, статуй или икон. Вне ритуала в зороастризме, например, на барельефах шахских дворцов, Ахуру Мазду (верховное божество в зороастризме) изображали в виде ассирийского бога Ашура⁶ (имя Ашшур (Ашур, Асур)

¹ Зубов А. Б. Отзыв на рукопись Александра Борисовича Крылова «Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994-2000 гг.)» http://www.religare.ru/2_26861.html.

² По всей вероятности, и название дохристианских религиозных верований абхазов – амыртатра (русс. язычество), также очевидно, идет из персидского языка. В персидской мифологии Амертат является покровителем растительности (Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. – М., 1987. С. 67)

³ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957. С. 64 – 67;

⁴ Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии... С. 47.

⁵ Акаба Л. Х. К изучению генезиса культа домашнего очага у абхазов // Все-союзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986 – 1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988. С. 155 – 156.

⁶ См. напр.: Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). – М., 1982. 133 с.

и Ахура лингвистически совпадают), в абхазском синкретизме для внекультового изображения Бога изредка используются православные иконы. В зороастризме и абхазской религии жрецами могут становиться лишь морально достойные представители определенных родов. Как и в зороастризме, в абхазской религии важна ритуальная чистота для совершения богослужения, включая чистоту одежды. В прошлом абхазские жрецы, как и зороастрийские священнослужители¹, совершали богослужения в белых одеждах. Как и зороастрийцы, абхазы перед молением снимали пояса². Характерны были для зороастризма и жертвоприношения быков³, у абхазов бык считался наилучшим жертвенным «приношением душе» умершего мужчины, поэтому те пережиточные явления, связанные с культовым значением быка, сохранившиеся у абхазов, имеют, вероятно, определенную связь с религией древнеиранских племен, для которой было характерно почитание мифического первозданного быка, давшего начало злкам и рогатому скоту. Страбон подчёркивает, что у персов было принято всё жертвенное мясо делить между верующими⁴. У абхазов мясо жертвенного животного также раздается соседям. И в зороастризме и в абхазской религии переход из земной жизни в загробный мир понимается как переход через мост⁵. У зороастрийцев тело умершего выставлялось на растерзание хищникам и птицам (так как, практиковавшееся ранее, его сожжение, или зарывание, оскверняло святые для зороастрийцев землю, огонь и воду)⁶, после чего кости складывали в оссурии. Согласно обряду «воздушного» погребения абхазов, сохранявшегося вплоть до позднего средневековья, покойников вешали на деревьях, а когда тело съедалось птицами и истлевало,

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. М. Л. Гаспарова. – М., 1979. С. 65.

² Бигвава В. Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум. 2012. С. 200.

³ Геродот. История. / Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1999. VII, 43.

⁴ Страбон. География. – М., 1994. XV, 3 13.

⁵ Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. – М., 2009. С. 31, 32.

⁶ Геродот. История. I, 140; Агафий. О царствовании Юстиниана II. 22–23.

кости хоронили в дольменах, ассуариях¹ (хотя более древние, до-зороастрийские захоронения предков абхазов также содержали трупоположения и трупосожжения)². Данный погребальный обряд абхазов, видимо, сложился под влиянием религии зороастризма, проникшего из сасанидского Ирана. Особым уважением в зороастризме пользуется собака и ее убийство – один из смертных грехов³. Традиционное почитание собаки наблюдаемое в культуре и религии абхазов⁴, имеет свои глубокие корни, но, связывать ее с влиянием зороастризма вряд ли следует, так как эти верования у абхазов и персов, возникали, очевидно, самостоятельно.

Некоторые исследователи полагают, что влияние иранской религии могло проникнуть к абхамам и «через соседних алан-осетин»⁵. Однако, вряд ли, иранская религия зороастризм могла проникнуть в Абхазию через алан-осетин, так как сами аланы не исповедовали зороастризм. Дошедшие до нас сведения о религии алан не включают даже намека на что-либо зороастрийское; в религиозных же понятиях осетин сохранилось кое-что древнеиранское и даже древнеиндоевропейское и ничего зороастрийского⁶.

Вместе с тем, имеются основания полагать, что на территорию Абхазии проникала не только иранская религия, но и их носители. Например, можно допустить проживание в Цибилууме и его окрестностях (где персы были в 550 г.) каких-то бывших зороа-

¹ Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. – М., 2012. С. 61.

² Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 106–112; Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. 4. – Ставрополь. 1964. С. 169; Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум. 2004. С. 276 – 277, 280 – 281.

³ Мейтарчиян М. Погребальные обряды зороастрийцев. – М., – СПб., 2001. С. 115, 169 – 171.

⁴ Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе. Газ «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа», № 1. Январь 1991 г.

⁵ Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии... С. 47.

⁶ Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – М., 1960.

стрийцев, бежавших из Ирана¹. В этом нет ничего удивительного, так как «в Абхазии в VI веке стала заметной община иранского огнепоклонства»². Причем, вполне возможно, что эти зороастрийцы на территории Абхазии условно могли переменить веру, чтобы сохранить свои обычаи (известны и факты принятия христианства даже высшими слоями сасанидского общества)³.

В литературе имеются определенные сведения, которые, возможно, могут служить материальными свидетельствами деятельности иранских зороастрийцев на территории Абхазии.

Так, интереснейшими культурно-историческими памятниками на территории Абхазии являются, как известно, древние каменные сооружения под названием «ацангуара», находимые в зоне альпийских лугов между бассейнами рек Мзымта и Ингура⁴. По мнению исследователей, основная часть ацангуар относится к раннему средневековью и рассматривается как постройки скотоводческого хозяйства (жилищами для пастухов и оградами для загона скота). В то же время, исследуя ацангуары в зоне Гагрского района, проф. Ш. Д. Инал-Ипа приводит описание сравнительно крупного и более мощного сооружения, которое он не уверенно, но также относит к строениям типа ацангуар.

По сведениям Ш. Д. Инал-Ипа, «на расстоянии 5 км от Старой Гагры (Абаата), вверх по Гагрипшскому ущелью, на правой стороне р. Гагрипш, в 0,5 км от ее русла находятся развалины крепостного сооружения, может быть, целого городища, со следами каких-то площадок, и, возможно, древних дорожек»⁵. «В 10 – 15 метрах северо-восточнее от него находится другое старинное каменное сооружение четырехугольной формы, сделанное сухой кладкой, площадью 4 м x 4 м... Оно составляет часть другой, более обширной

¹ Saltykov A. A. La vision de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda // Cahiers Archeologiques, Picard, 1985. Цит. по: Воронов Ю. Н. Древняя Апсидия... С. 236.

² Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм... С. 64. На основании того, что главным объектом поклонения зороастрийцев был огонь, их часто, как известно, называют огнепоклонниками. Однако это не совсем верно, так как вообще нет народа, у которого бы, как сказано выше, не было культа огня.

³ Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963. С. 673.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов... С. 65 – 66.

⁵ Там же. С. 66.

и также четырехугольной в плане постройки, занимающей около 100 кв. м (10 x 10 м)... Внутри и вне помещения разбросаны обломки кирпичей и керамических изделий¹.

Следует отметить, что это сооружение было построено не на альпийских лугах, а в непосредственной близости от морского побережья. Обращают на себя внимание не столько довольно крупные размеры строения, сколько некоторые его архитектурные особенности, в частности, планировки (площадки, дорожки), что, возможно, указывает на то, что сооружение не является обычной ацангуарой. Если это так, то можно предположить, что строение о котором идет речь, могло быть каким-то памятником культового назначения, имеющим сходство с зороастрийскими храмами. Мнения о возможном наличии в указанном районе строения аналогичного зороастрийскому храму, придерживается также историк и археолог М. К. Хотелашвили-Инал-Ипа².

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов... С. 66 – 67.

² Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. Псху – «Страна в стране». Рукопись работы 2007г. С. 13 – 14.

ГЛАВА III.

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В VI – VIII вв.

§1. Роль и значение западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути для Абхазии

В первой половине VI века на Кавказе столкнулись интересы Византии и Сасанидского Ирана. Территория Западного Кавказа, в том числе Абхазии, также оказалась ареной ожесточенной борьбы этих государств.

Именно в рассматриваемое время византийская торговая корпорация в Константинополе получила на откуп право монопольной торговли с Колхидой, причем купцы так сильно занизили цены на покупаемое сырье и рабов и так подняли цены на предметы своего экспорта, что население призвало в 542 г. персов, используя в помощь последним союзных алан и савиров, чтобы избавить страну от владычества Византии¹. Иранские правящие круги, в свою очередь, хорошо осознавали какое большое значение имеет для них обладание территорией Абхазии. Сразу же после того, как был прерван «вечный мир», военные действия между Византией и Ираном возобновились. Узнав, что персидский шах Хосрой задумал овладеть Абхазией, византийцы разрушили главный экономический центр Восточного Причерноморья – Себастополис², а также Питиунт. Торговые связи Абхазии с Византией

¹ История Византии. Т. 1... С. 332–334; Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Ассирии и алан... С. 33.

² Гунба Б. М. Сухум раннесредневековой эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007. С. 50.

были прерваны, что, очевидно, должно было вызвать серьезное недовольство представителей местной знати (абазгов, апсиров), связанное с расходами на войну, а также попытками их вытеснения из морской торговли и ограничением экономических связей¹.

Спустя тринадцать лет побережье Западного Кавказа вновь оказалось под полным контролем Византии, а крепости в Себастополсе и Питиунте были восстановлены и туда возвращены византийские гарнизоны.

В средние века одну из ведущих позиций в экономических связях между странами Дальнего Востока и Центральной Азии с Византийской империей занимала торговля шелковыми тканями и шелком-сырцом. Они были наиболее удобны для транспортировки на дальние расстояния, поскольку шелк легок и очень ценен – в Европе его продавали дороже золота². Торговля шла по знаменитому «шелковому», или Великому торговому пути (термин Л. Н. Гумилева).

В IV–VI вв. этот товар поступал в Византию через Иран, имевший большой доход с транзита шелка. Во второй половине VI в. изменение политической ситуации и закрытие Сасанидской империей прохода торговых караванов с шелком через свою территорию, вызвало поиски обходных путей. В этой связи Византия, стремясь обойти Иран в торговле шелком, выбрала не контролируемый персами путь, который начинаясь в Китае, пролегал через Среднюю Азию и низовья Волги к Северному Кавказу, и далее через абхазский перевальный путь выходил в Ассилию к Черному морю³.

¹ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 200.

² Особая полезность одежды из шелка в древности и средневековье, как известно, состояла в ее дезинсекционных свойствах. У нити тутового шелкопряда уникальная гигиеническая способность отпугивать вшей, блох и др. членистоногих, не давая им гнездиться в складках одежды. А это при повсеместной, порой чудовищной антисанитарии прошлых веков было буквально спасением для обладателя шелкового платья.

³ Великий шелковый путь: Грузоперевозки. <http://gruzovoz.com/> Акритас П. Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик. 1959; Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантий-

А. А. Иерусалимская впервые обосновано реконструировала постоянно действующий обходной рукав Великого Шелкового пути, назвав его «Северокавказским»¹.

Миссию военачальника и чиновника Соттериха 554 г., можно считать одним из начальных этапов попыток освоения транскавказского пути привычным для юстиниановской политики способом: передав охрану перевальных путей местным дружественным племенам².

В 568 г. запланирована была вторая попытка – проверка действием, причем с севера на юг.

Известно, что владетель алан Саросий дружелюбно принял византийского посла Зимарха, но посоветовал римлянам воспользоваться при возвращении Даринским путем³, а не Мисимианским. По-видимому, более привычной была дорога через Мисиминию, но на ней близ Свани (Сванетии) находилась персидская засада. Чтобы отвлечь внимание последней, Зимарх направил по мисимианской дороге десять носильщиков с шелком, которые как бы ему предшествовали.

Зимарх же, поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию⁴ (это сообщение, кстати, говорит и о том, что шелк оставаясь главным товаром, представлял первый и наиболее существенный интерес в экономических, а тем самым и дипломатических сношениях Византии).

Возможно, одним из этих путей два несторианских монаха, как рассказал Феофан Византиец, в своих полых посохах вывез-

ской дипломатии на Кавказе... С. 176; Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1... С. 275 – 277; История Кубани. С древнейших времен до конца XIX века. – Краснодар. 2004. С. 49 – 50.

¹ Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА. № 2. 1967. С. 227; Ковалевская В. Б. Даринский путь... С. 33.

² Там же.

³ Menandri. Fragmenta // Historici graeci minores. – Lipsiae. Vol. II. Fr. 21; Аргисти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках... С. 252

⁴ Византийские историки... С. 383–384; История народов Северного Кавказа с древнейших времен... С. 102. Из Аспилии Зимарх на кораблях отправился в Фасис и, наконец, прибыл в Трапезунт. Отсюда на общественных лошадях приехал в Константинополь, где доложил императору о своем путешествии (Византийские историки... Там же; Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь... С. 21).

ли из Китая грены шелковичного червя, чем и положили начало производству шелка в Византии¹. Большинство исследователей в настоящее время увязывают Даринский путь с важнейшим и наиболее легко проходимым перевалом Западного Кавказа – Клухорским, а дорогу – с Военно-Сухумской².

Лишним доказательством тому, что трансазиатский путь, проходил через Аспилию, может служить и то, что на одном из возможных участков шёлкового пути от пос. Нижний Архыз до пос. Псху в Абхазии располагались пастушеские комплексы – ацангуары (VI – X вв.), которые, возможно, «могли использоваться как остановочные пункты для торговых караванов в зоне высокогорья»³.

В качестве транспортного средства для перевозки шелка использовались не только верблюды (кости и останки которых встречаются в районах прохождения древних караванных путей с Востока в Европу)⁴, но и лошади, мулы, ослы, а на некоторых участках груз людям приходилось нести на спине⁵. Товар, доставленный к кавказским перевалам, затем перекладывали на абхазских вьючных лошадей⁶ (один такой вьюк, перевозимый на спине животных, весил 200–250 кг.)⁷.

¹ Dindorf L. Historici Graeci Minores. Lipsiae. 1870. I. С. 446 – 449.

² См. подборку цитат в кн.: Воронов Ю. Н. Древняя Аспилия... С. 85, 205, 206, 209, 218, 224 и сл.; Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь... С. 21–25. См. также: Каминская И. В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ. № 49. 1988. С. 201–204; Мاستыкова А. В., Казанский М. М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V – VI веках // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск. 2000. С. 101.

³ Демаков А. А., Чумак И. Л. Транскавказский шёлковый путь // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. – Москва-Ставрополь. 2008. С. 440.

⁴ Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. IX. 2000. С. 152.

⁵ Бухарин М. Д. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации (E. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.). 2002 //ВДИ. № 2. 2004). С. 226.

⁶ Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 122.

⁷ Следует подчеркнуть, что западнокавказские ответвления шелкового пути являлись основными для европейских купцов (т. е. христиан), которые добирались от берегов Черного моря до Итилы по дорогам предгорий. При этом торговцев из Италии, Франции и Германии было немного, первые же роли играли греки, армяне и сирийцы.

О важности западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути, шедших из Индии и Китая в Европу, и вообще показателем знакомства стран Востока с Абхазией, говорит, очевидно и факт того, что в индусских, например, преданиях часто встречаются легенды о Кавказе, в частности об Абхазии¹. Существование ответвлений Великого шелкового пути подтверждают и археологические материалы, в первую очередь фрагменты византийских, среднеазиатских (согдийских) и китайских шелков, «золотоподобная латунь» из урочища Мощевая Балка на Северном Кавказе² и бусина с китайскими иероглифами («император») времен династии Суй (VI в), найденная в одном из женских апсидальных захоронений Цибелиумского могильника, т. е. на трассе Даринского пути³. Согласно А. А. Иерусалимской, на Северном Кавказе абсолютно преобладают согдийские шелковые ткани и почти полностью отсутствует шелк иранского производства. У с. Хасаут и в урочище Мощевая Балка обнаружено свыше двухсот фрагментов шелка⁴. Наибольший интерес вызвала находка в одном из могильников фрагментов приходно-расходной «книжки» с записью – «120 монет 10-й месяц 4-й день продал»⁵, – которые принадлежали китайскому купцу, по-видимому, там же похороненному. Это было связано с тем, что в VI в. н. э. в Согде было освоено шелководство и шелкоткачество и уже с конца VI в. н. э., а по некоторым данным и раньше, тюркские правители Согды начали поиск рынков сбыта продукции шелкоткачества⁶. Что касается территории собственно Абхазии, то в письменных источниках применительно к эпохе

¹ См. газ. «Советская Абхазия». 27 октября 1934 г.

² Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978. С. 161–162; История народов Северного Кавказа... С. 102.

³ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 76. Его же. Тайна Цебельдинской долины... С. 82; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 121.

⁴ Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути»... С. 71; История Кубани. С древнейших времен до конца XIX века... С. 53.

⁵ История народов Северного Кавказа... С. 130 – 131.

⁶ Там же. С. 72.

раннего средневековья, отсутствуют какие бы то ни были сведения о торговле абхазским шелком и, кроме того, в древнеабхазских могильниках не выявлены шелковые фрагменты.

Усиление торгового обмена и сложение более или менее устойчивых путей, по которым он осуществлялся, вело к концентрации знати в узловых пунктах важнейших линий коммуникаций. Так, изучение поселений исторической Цебельды, состоявших в указанный период из двух десятков более или менее крупных населенных пунктов¹, позволило исследователям проследить важную закономерность о наличии среди цебельдинцев существенной разницы в экономическом положении, в частности, в приобретении предметов роскоши². В наиболее выгодном положении, считают исследователи, нежели другие цабальские поселения, находились жители Шьяпкы, во главе которого стоял одноименный род Шьяпкы³ (хотя, едва ли имеются достаточные основания для утверждения о существовании рода Шьяпкы, так как по материалам этнографии, подобный род в Абхазии не фиксируется). По наблюдениям Ю. Н. Воронова, именно в Шапкинском могильнике было сосредоточено наибольшее количество предметов импорта и роскоши, стеклянной, краснолаковой посуды, монет⁴. Данное обстоятельство автор вполне резонно объясняет тем, что поселение Шьяпкы располагалось у начала горного отрезка Клухорского перевального пути⁵, в связи с чем ее население заняло ведущее место (т. е. являлось посредником) в торговле между Абхазским побережьем и Север-

¹ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 99.

² Как пишет Ю. Н. Воронов, если между цебельдинскими родами прослеживается разница в приобретении предметов роскоши и в хозяйственной специализации, то внутри отдельных родов, полагает он, имущественная дифференциация отсутствует. С этим мнением не согласен, например, М. М. Гунба. Последний считает, что имущественная дифференциация хорошо прослеживается и внутри отдельных родов (Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии... С. 34).

³ Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 102–103; Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 88.

⁴ Там же.

⁵ Название Шьяпкы дословно из абх. языка переводится как «державший подножье», из ашъапы «подножье» и акра – «державать», или же, исходя из местоположения Шьяпкы, как «место, где начинается путь к перевалу».

ным Кавказом¹. Возможно, экономическое положение последних определялось также охраной купеческих караванов, уходивших за перевалы. В качестве компенсации значительная часть товаров могла оседать здесь и через посредство уже местных торговцев распространяться среди остального населения древней Цебельды².

В целом же, международная транзитная торговля средиземноморскими и восточными товарами приносила абхазским народам, и в частности апсилам, немалый доход. Проходившие здесь торговые караваны облагались таможенной пошлиной. Купцы платили (обычно товаром) за проезд по апсильским владениям, за проход через перевалы, за услуги проводников и необходимых в горах носильщиков. При этом, местные вожди, как и главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры»³.

¹ Отмечая огромное значение территории исторической Апсолии в деле налаживания культурных и экономических связей между Византией и Северным Кавказом, при котором византийские изделия (напр. стеклянная посуда) попадали на Северный Кавказ «через приморские центры Восточного Причерноморья», т. е. через Цебельду (Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА, № 4. 1971. С. 100; Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 77–78), в то же время, не следует, очевидно, забывать и о том, что Византийская империя постоянно стремилась вовлечь в орбиту своего влияния кочевые племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа. А это значит, что часть византийского импорта от кочевых племен (учитывая высокую мобильность кочевых и полукочевых народов и племен Восточной Европы и их регулярные перемещения практически на всем протяжении раннесредневековой эпохи, куда были вовлечены и различные этнические группы населения Северного Кавказа) могла попадать в руки их оседлых северокавказских партнеров. По мнению некоторых авторов, именно таким походом скорее всего можно объяснить рост, например, числа византийских золотых монет в древностях V – VII вв. на Северном Кавказе (Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. Т. 44. 1983. С. 190–195).

² Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 103; История Кубани. С древнейших времен до конца XIX века... С. 49 – 50.

³ Гутнов Ф. Х. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. 12–15 апреля 2001 г.

В связи со сказанным, обращает на себя внимание и то, что во всех апсильских погребениях вдоль дороги на Клухорский перевал, как в богатых, так и рядовых, отсутствует хозяйственный инвентарь, из чего, вероятно, следует, что в этих могильниках были погребены профессиональные воины, в обязанности которых, несомненно, входила охрана пролегавшего здесь торгового и военного пути.

Археологические и письменные свидетельства о поступлении указанных выше товаров восточного импорта (дальнейшие поиски, возможно, выявят новые предметы восточного импорта и на территории Апсолии), указывают на факт их попадания на Северный Кавказ и в Цебельду в основном, надо полагать, в результате торговых контактов местного населения на Северном ответвлении шелкового пути. Хотя, не менее важную роль в этом процессе играли иные механизмы приобретения товаров и в первую очередь товарообмен и обмен подарками, или их попаданием на территорию по обе стороны кавказского хребта в качестве платы за пропуск караванов через свою территорию и за конвоирование в пути¹.

По Даринской дороге поступали не только шелка, но самые разнообразные товары, перечислить которые вообще невозможно (товары по Великому шелковому пути шли, как известно, в основном с востока на запад). Здесь торговали фарфором, мехами, рабами (особенно женщинами), металлическими изделиями, пряностями, благовониями, лекарствами, лучшей бумагой, слоновой костью, породистыми лошадьми, драгоценными камнями². В данной связи интересно найденное в районе Кунгура (на территории Согды) византийское блюдо. Изображения на нем, несомненно, сделаны византийскими торецками, византийское происхождение удостоверяется штампами византийских мастеров. Блюдо это было, бесспорно, изготовлено в Византии во второй четверти VI в. Вместе с тем на блюде имеется три врезанных слова согдийским бухарским письмом: «государь Бухары такой-то». Надпись, по па-

¹ Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. С. 85.

² Петров А. М. Великий шелковый путь. – М., 1995. С. 47.

леографическим данным, относится к концу VI – началу VII в. ¹. Следовательно, уже через непродолжительное время это блюдо попало по западнокавказскому ответвлению шелкового пути через Апсилию в бухарский Согд. К вещественным следам торговли по Даринскому пути относятся также найденные в средневековых городах Средней Азии – в Самарканде, Мерве, Таразе, Андижане, Ташкенте – византийские золотые монеты VI–VII вв. н. э. и подражания им².

В то же время функционирование вообще самого Великого шелкового пути и в период его наивысшего расцвета, как установлено, происходило путем безденежного товарообмена³.

В связи с исключительным значением Северного транскавказского отрезка Великого шелкового пути для местных народностей, еще раз заслуживают самого пристального внимания данные лингвистов по этимологии названия пути – Даринский. В. И. Абаев увязал это название со словом «*darī*», обозначающим «шелковую ткань»⁴, сохранившимся в дигорских сказаниях и современных осетинском, кабардинском и вайнахском языках и восходящим к персидскому «*darai*» – «шелковая ткань»⁵.

Северокавказский «шелковый путь», как сказано, связывал в раннем средневековье «западный мир» (Византию и страны Средиземноморья) со Средней Азией и Дальним Востоком. В качестве сопутствующего явления на отдельных участках этой трассы возникали, естественно, и более локальные торговые контакты между населением гор и равнин по обе стороны Кавказского хребта. В числе статей этой «ближней» торговли через Клухор были, в частности, импортируемые на Северный Кавказ с юга: самшит из Абхазии и слитки высокоцинковистой латуни (по мнению А.

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1... С. 313, 327, 328.

² Буряков Ю., Вульферт Эм. Ф. Торговля и предпринимательство Средней Азии в раннем и развитом средневековье...

³ Бухарин М. Д. Великий Шелковый путь в новейшей интерпретации (E. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.) 2002... С. 226.

⁴ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1... С. 345.

⁵ Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии... С. 34.

А. Иерусалимской, главным образом из районов Юго-Восточного Причерноморья, где античные авторы локализуют моссиников – изобретателей этого сплава)¹.

По замечанию А. А. Иерусалимской «ближняя» торговля здесь все же более доминирующей была для районов Северного Кавказа, располагающихся к востоку от Клухорского перевала, что видно по материалам аланских раннесредневековых могильников Северной Осетии, которые свидетельствуют прежде всего, о тесных контактах с Грузией. При всем том, представленный на Северном Кавказе иранский импорт (сасанидские серебряные сосуды, геммы, монеты и др.) носит по преимуществу престижный характер, и механизм его появления здесь, возможно, был иным и, во всяком случае, менее прямо связанным с торговыми контактами².

Отмечая исключительно важное значение «Даринского пути» для подъема благосостояния апсильских поселений, и, вообще, наличия позитивных культурно-экономических связей между Северным и Южным Кавказом, нельзя в то же время не сказать о том, что дорогой через Клухор совершались набеги на прибрежную Абхазию северокавказскими горцами и кочевниками Предкавказья, приносившими неисчислимые беды материальной и духовной жизни апсильов. По этому поводу Ю. Н. Воронов писал: «Если апсильские кувшины, найденные по ту сторону Клухорского перевала, вблизи Теберды, можно объяснить экономическими связями, то такой же кувшин из богатого погребения представителя кочевнической знати под Нальчиком, скорее всего, служит иллюстрацией успешного набега, произведенного через Цебельду еще в IV веке»³. В первой половине VI в. эти набеги с целью захвата добычи и пленников (что являлось для кочевников своего рода видом «присваивающей экономики»), «стали проводиться ежедневно. И, прежде чем добраться до византийских центров,

¹ Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь» как фактор связей гор и равнин в эпоху раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). – Тб., 1984. С. 43–45.

² Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь»... С. 44–45.

³ Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия... С. 241–242.

кочевники грабили и уничтожали население по пути. Каждый набег через перевалы оборачивался для апсилов пожарищами и другими бедствиями»¹.

Дорога через Клухор всегда играла большую роль в международных связях Северного Кавказа. Значение этого пути особо возросло во время византийско-персидских, а затем арабо-хазарских войн, когда он неоднократно использовался как для дипломатических, так и военных предприятий. Так, по сообщению Моисея Каганкатваци, в конце 20-х гг. VIII в. арабский полководец Джахар через Абхазию два раза вторгнулся в Хазарию (очевидно, через Клухорский перевал)². О том же походе, правда без упоминания Абхазии, под 724–725 гг. сообщает и арабский автор IX в. Якуби³.

Для охраны Клухорского перевального пути в VI–VIII вв. была создана мощная оборонительная система, которая в Западном Закавказье уступала только комплексу крепостей того же времени на территории Лазики⁴. Одной из основных звеньев Клухорской оборонительной системы была Цебельдинская крепость⁵, построенная, как и большинство местных укреплений в преддверии персо-византийской войны за Западный Кавказ (середина VI в.)⁶. В этот период вдоль Клухорской тропы появляются крепости несколько меньших размеров, расположенные в непосредственной близости от древней дороги, контролируя ее важнейшие участки.

¹ Там же. Вряд ли, однако, можно при этом полностью согласиться с мнением, что всякая опасность грозила апсилам только со стороны Северного Кавказа. М. М. Гунба, например, считает, что иноземные захватчики в действительности, приходили в Апсолию чаще с юго-востока (Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии... С. 33). В самом деле, территория Апсолии на протяжении многих столетий являлась основным путем, по которому различные народы двигались с юго-востока на северо-запад.

² Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 92.

³ Якуби. История. Перев. П. К. Жузе. – Баку. 1927. С. 7.

⁴ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. С. 200.

⁵ Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования крепости в Цебельде // Археологические открытия 1977 г. – М., 1978. С. 478; Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAUCASUS» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 50–51.

⁶ Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V – XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 338.

Среди этих крепостей в первую очередь исследователи выделяют Герзеульскую, Чхалтинскую и Клычскую¹. Первая из них занимает исключительно важное место у стыка двух древних путей – дороги к Клухору и подгорной, соединявшей Анакопию с Кутаисом («Абхазский путь»), шедшей вдоль Келасурской или Великой Абхазской стены: последняя, кроме того, что защищала Южную Абхазию от набегов северокавказских кочевников, обеспечивала, как полагают, безопасность той мировой торговой дороги, которая с Востока и Средней Азии шла в Европу².

При этом сторожевые башни Абхазской стены, вдоль которой, по мнению некоторых авторов, «пролегла благоустроенная дорожная трасса», могли использоваться в качестве складов товаров при перевозках³. «Абхазский путь» (или «дорога в Абазу»), как он называется в некоторых документах, функционировал и в последующие века, например, в зрелое средневековье. В связи с чем вызывает интерес старинное название пункта у Южного приюта, который сваны называют «абхазская таможня»⁴. Определенным указанием в пользу этого служит мнение А. А. Иерусалимской, по которому, западно-кавказские племена «видимо, получали определенную мзду «за перевал», а также за коней⁵. Согласно В. Б. Ковалевской, «...кавказские перевалы контролировались с севера в VIII в. аланами, а в XIX в. родственными абхазам абазинами...»⁶.

¹ Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V – XIV вв.)... С. 338.

² Трапш М. М. Труды. Т. IV. – Сухуми. 1975. С. 150. Согласно этнографическим материалам, абхазские старожилы до недавних пор сохраняли воспоминания о том времени, когда дороги в Абхазии пролегали в основном только вдоль морского берега и по подножью гор (мѡас икѡз ахѡцѡ агѡсѡсѡ рѡкѡн). Нужно в то же время отметить, что ряд исследователей (Т. Н. Берадзе, Ю. Н. Воронов, О. Х. Бгажба и др.) строительство Келасурской стены относит к позднему средневековью (XVII в.).

³ См. также: Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962. С. 8.

⁴ Маан О. В. Пути сообщения Абхазии с Северным Кавказом // XLVIII Итоговая научная сессия (11–13 мая). Тезисы докладов... С. 35–36. Его же. Междуречье – низовья реки Кодор... С. 79.

⁵ Иерусалимская А. А. Кавказ на Шёлковом пути. Каталог временной выставки // СПб: 1992. 72 с.; Воронов Ю. Н. Древняя Апсолия... С. 209.

⁶ Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы... С. 135; Тхайцухов М. С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухум. 1992. С. 49; Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Апсолии... С. 32–34.

Интересно в этой связи, что исследователь абазинской топонимии С. Х. Ионина, название ущелья на Северном Кавказе, за Клухорским перевалом – Гоначхара (Гуаначхир), объясняет из Гуаначха, где Гвана (Гуана) – антропоним «Гонон» (абх. Гэанаа) и «хча», восходящего к «хчара» со значением «караулить», «охранять»¹. По данным персидского историка Балами, арабы заключили специальное соглашение с теми народами Кавказа, которые владели перевалами. Эти народы освобождались от дани, но брали на себя обязательство охранять дороги и препятствовать вторжениям врагов халифата².

На огромное значение в исторической жизни Северо-Западного Кавказа Клухорского пути, указывает между прочим и тот факт, что ряд ученых, одной из причин переселения кабардинцев из Прикубанья на Северный Кавказ в XIV в., называют их стремление перехватить «торговый путь из Абхазии через Клухорский перевал на Северный Кавказ»³.

Важнейшим путем из Абхазии на Северный Кавказ в раннем средневековье являлась и дорога из Питиунта по р. Бзыбь через Псху и Санчарский перевал. Адыгейский историк А. Н. Абрегов сопоставляет Санчара с санскритским *sansara* – «проход»⁴. В. Е. Кварчия полагает, что Санчара может быть и из Сан-цара или Цан-цара «проход Цановых (или Сановых)», где цара «идти», «ход»⁵.

Важную роль издавна играл также путь на Санчар от Себа-стополса по ущелью р. Гумста. Оживленное движение купеческих караванов по этому пути для начала VIII в. зафиксировано в «Хронографии» Феофана⁶. В зависимости от местных климатических условий и военно-политических обстоятельств роль Клухорского и Санчарского перевалов могла меняться, и сообщение шло по наиболее доступному и безопасному перевалу⁷. Что касается

Марухского перевала, расположенного между Клухорским и Санчарским путями, то он, по мнению некоторых авторов, наряду с другими перевалами функционировал и в раннем средневековье¹. Однако Марухский перевал, согласно И. Стебницкому, обследовавшему горное Прикубанье в середине XIX в. «никогда не может быть надежным и удобным сообщением»². Вследствие того, что этот путь является ледниковым и опасным, в древности и средневековье он, очевидно, не функционировал.

С раннебронзовой эпохи вплоть до VIII в. н. э. торговое значение для Абхазии сохранял и известный перевальный путь, который по мнению Ю. Н. Воронова начинался в окрестностях современной Хосты, затем шел вблизи Воронцовской пещеры, оттуда, обойдя с запада теснину Ахцу, спускался в Красную поляну, достигал р. Пслух и поднимался к перевалу Псеашхо³. Последующие изучения дали основание полагать, что защищенный фортификационными сооружениями (их не менее 13) Псеашхинский перевальный путь, шел не только от Черноморского побережья, но и проходил по системе среднегорных хребтов, идущих в широтном направлении, от р. Шахе до р. Псоу, являясь внутренним торговым путем для этого района⁴.

На одном из участков этого перевального пути в качестве «караван-сарая» для купцов, уходивших в сторону перевалов, использовалась Воронцовская пещера с ее обширными гротами⁵.

¹ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 196.

² Стебницкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. I. – СПб., 1867. С. 23.

³ Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывающих Восточное Причерноморье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор). // VII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Черкесск. 1977. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971 – 2006. – М., 2008. С. 180.

⁴ Василенко Д. Э., Верещагин В. В., Коробов Д. С. Ачипсинская крепость. Археологические исследования 2007 – 2008 гг. // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009. С. 31 – 35; Василенко Д. Э. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70- летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011 г., Сухум.) – Сухум. 2011. С. 163 – 164.

⁵ Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей... С. 43,79.

¹ Ионина С. Х. Абазинская топонимия... С. 95.

² Артамонов М. И. История хазар... С. 177.

³ Бетров Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов... С. 137.

⁴ Джонс Б. Г. INDOARICA в Абхазии... С. 122.

⁵ Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии... С. 239.

⁶ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый... С. 199.

⁷ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в... С. 102.

В связи с тем, что Псеашхинское ответвление Великого шелкового пути проходило через Красную поляну, обращает на себя внимание и само ее историческое абхазское название – Губаадвы (отсюда русское Кбаады)¹. По нашему предположению, название Губаадвы связано с географическим местоположением данной территории, а именно с концентрацией в районе Красной поляны значительного количества оборонительных сооружений, что было связано со значением этой местности как важного перекрёстка торговых путей и прохождения через нее известного пути на Северный Кавказ². В основе первой части топонима Губаадвы – «Гу», как нам представляется, лежит слово «агу́та» – середина, центр, второе слово «абаа» означает крепость и «двы (дэы)» – поляна. То есть название Губаадвы может означать «поляна нахождения крепостей» или «поляна расположения центральной крепости»³. Действительно, в районе Красной Поляны в настоящее время известно, как отмечено, не менее 13 средневековых крепостей, при этом центральное место в системе фортификационных сооружений занимала Ачипсинская крепость – крупнейшее сооружение района, расположенная у впадения реки Ачипсе в Мзымту⁴.

¹ Название Губаадвы Ш. Д. Инал-Ипа выводил от родового имени Гунба (Губа-Гунба, адэы – поле, букв. «поляна рода Гунба») (Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. С. 288). Другие авторы считают, что Губаадвы происходит от родового имени Губаз (Чачхалия Д. К. К истории Красной Поляны... С. 102). Однако, для увязки фамилии Губаз с Губаадвы, в слове Губаз должен был быть звук «з», которого там нет. В случае же привязки Губаадвы к фамилии Гунба, там также должна быть буква «н», которой тоже нет. Поэтому для привязки этих антропонимов к Губаадвы, мало оснований.

² Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывающих Восточное Причерноморье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор)... С. 180; Василенко Д. Э., Верещагин В. В., Коробов Д. С. Ачипсинская крепость. Археологические исследования 2007 – 2008 гг... С. 31 – 35; Василенко Д. Э. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути... С. 164.

³ Таким же образом этимологизировал название Губаадэы известный топонимист Г. З. Шакирбай: гу – «центр», абаа-«крепость», адэы – «поляна», Губаадэы – «поляна центральной крепости» (Шакирбай Г. З. Абхазские топонимы Большого Сочи. – Сухуми. 1978. С. 9).

⁴ Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывающих Восточное Причерноморье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор)... С. 180; Василенко Д. Э. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья... С. 163.

Данный торговый путь, проходивший, таким образом, через территорию садзско-медовейской Абхазии на Губаадвы, способствовал поступлению в среду ее населения множества богатых импортных изделий (среди которых широко известно сасанидское серебряное блюдо, различные золотые украшения)¹. Комплексные археологические исследования Ю. Н. Вороновым расположенных вдоль отмеченного пути крепостей, указывают на их тесную связь с памятниками Абхазии, что свидетельствует о существовании на территории нынешнего г. Сочи «единого этнокультурного массива, составляющего первоначальную базу раннесредневекового Абхазского царства VIII – X вв.»².

Таким образом, приведенный материал со всей определенностью дает основание полагать, что территория значительной части раннесредневековой Абхазии находилась в сфере экономических интересов и воздействия Великого шелкового пути³. Она находилась под протекторатом Византии, кровно заинтересованной в сохранении здесь своего влияния не только в военно-политических, но и в экономических целях. По территории исторической Апсилии пролегла трасса Великого шелкового пути, не только приносившего местному населению и ромеям огромные доходы, но и служившего важным каналом, по которому на территорию Абхазии поступали культурные достижения – новые товары, знания и идеи.

Привлечение верхушки местного общества к участию и тем более контролю над отдельными участками торгового пути приводило не только к возможностям быстрого обогащения, но и к ускорению имущественной и социальной дифференциации как

¹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 79; Резван В. Результаты и перспективы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 312 – 313.

² Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 83 – 90.

³ Доде З. В. Находка в могильнике Подорванная балка как свидетельства функционирования Шелкового пути // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. – Кисловодск. 1994. С. 10 – 13; Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAVCASUS»... С. 52.

общества в целом, так и самого нобилитета, приводя к иерархизации знати¹.

Эксплуатация транзитного торгового пути через Апсилию, позволила местному населению, занявшему активную позицию в контактах с внешним миром, сконцентрировать материальные ресурсы, необходимые для формирования социально-политической элиты раннесредневекового абхазского общества. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что общества, по территории которых проходили магистральные торговые пути, получали дополнительные ресурсы и ускоренно развивались².

§2. Абхазо-византийские экономические связи

Характеризуя экономические связи раннесредневековой Абхазии и Византии, для большей ясности вопроса нужно кратко коснуться экономического состояния областей самой Римской империи.

В ранний период Византия изобиловала крупными городскими центрами. Значительные запасы полезных ископаемых, особенно железа, золота, меди, мрамора, стимулировали развитие горных промыслов, рост производства оружия, орудий труда для ремесла и сельского хозяйства, изготовление стекла, ювелирных изделий и различных предметов роскоши. В этот период Империя римеев обгоняла Запад по уровню развития городского ремесла и торговли³. Развитию торговли, преимущественно морской, благоприятствовали природные условия и географическое положение Византийской империи. Изрезанность береговой линии, обилие

удобных гаваней и островов, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали как нельзя более развитию морской торговли. Вплоть до XII в. Византия оставалась великой морской державой¹. Ее экономические интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей. На востоке она торговала с Индией и Китаем, на юге с Африканским континентом. На севере византийские мореходы достигали берегов Скандинавии. В торговле же с Западом, по Средиземному морю, несмотря на опасные нападения пиратов, византийцы долго сохраняли свою гегемонию. В раннем средневековье возрастает торговля Византии со странами Причерноморья и Кавказа².

Византийские золотые солиды с изображением константинопольских василевсов имели хождение во всех странах и играли роль международной валюты³ (ими, в частности в раннее средневековье пользовались и при расчетах по всему Великому шелковому пути, до Китая включительно).

На территории собственно Абхазии византийская монета, по мнению С. М. Шамба, составляла основу денежного обращения с V по XIII вв.⁴.

Общее количество монет Византийской империи, выявленных в Абхазии, достигает 240⁵. Половина этих монет были найдены во время раскопок Пицундской археологической экспедиции (117). Клад византийских монет (56 экз.) был найден в 1903 г. и близ г. Очамчыра. Остальные монеты найдены в разных местах Абхазии. Причем в Цибилуме (а также в Герзеуле, Сухуме) медные монеты

¹ Кодзаев К. М. Торговля и обмен в процессе политогенеза на Северном Кавказе в раннесредневековый период // Журн. «Вестник Волгоградского государственного университета». Серия 4. 2009. 1.

² См. напр.: Кузнецов, В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) / В. А. Кузнецов // Древности Северного Кавказа. – 1999, № 2. С. 169–182.

³ Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. Т. 46. 1986. С. 21.

¹ Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. Т. 46. 1986. С. 21.

² История Византии. Т. 1... С. 115; Удальцова З. В. Роль городов... С. 21.

³ Яркий пример того, что византийская золотая номизма проникала в самые отдаленные уголки Азии, приводит путешественник VI в. Козьма Индикоплов (Козьма, «плававший в Индию»). Он рассказывает о споре иранского и византийского купцов о том, чья держава могущественнее. Царь Цейлона, присутствовавший при этом, присудил победу византийцу, так как «византийская монета была из чистого золота, светлая и хорошего чекана», ибо на Цейлон «привозятся лучшие экземпляры» (Цит. по: Петров А. М. Великий шелковый путь... С. 63).

⁴ Шамба С. М. Монетное обращение... С. 116.

⁵ Там же. С. 75.

Юстиниана I (отчеканенные в Константинополе) были выявлены наряду с отдельными экземплярами выше отмеченных монет иранских шахов Кавада I (из города Мерв) и Хосрова II¹. В плане широкого привлечения в систему денежных отношений Византийской империи не только населения равнинной части Восточного Причерноморья, но и обитателей горных областей Западного Кавказа, большую ценность представляет сообщение Агафия о том, что императорский двор ежегодно в качестве субсидий выплачивал союзным «варварам» – горским племенам Северо-Западного Кавказа – значительную сумму денег².

Правда, кавказские горцы, которые были втянуты в византийскую торговую сферу, находились на уровне родовых отношений, вследствие чего у них иностранные деньги, надо полагать, «не проникали во все экономические отношения и не охватывали весь процесс труда в целом»³.

Множеством уникальных находок эпохи раннего средневековья обогатили науку археологические исследования, которые проводились под руководством Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, начиная с 1985 г. и вплоть до начала грузино-абхазской войны в 1992 г., на территории исторической Цебельды и ее окрестностях.

Прохождение через территорию исторической Апсолии транзитного торгового пути общевосточнопричерноморского значения, по утверждению исследователей, способствовало проникновению в Цебельду значительного числа импортных изделий⁴. Это стеклянная посуда, некоторые металлические изделия (сосуды, украшения, оружие), керамика (амфоры, кувшины, краснолаковые блюда), большинство бус⁵ и т. д.

В раннесредневековых археологических материалах Абхазии и, в частности Цибилуимского могильника, присутствует доста-

точно большое количество золотых и серебряных изделий, в основном, представляющие собой украшения для женщин. К золотым предметам относятся браслеты, кулоны, кресты, кольца, серьги, бляшки и др.¹. В круг серебряных предметов также входят серьги, кольца, перстни, браслеты, медальоны (в том числе с изображением медузы Горгоны), петельки, крученые ленточки – «цепочки», пряжки, пластинчатые пояса, фибулы². Большинство этих и других золотых и серебряных украшений считаются привозными, а часть предметов подражало общепричерноморским образцам (серьги, подвески, гривны, многие типы браслетов и др.) настолько осмысленно, что апсильские умельцы сумели создать особый, апсильский комплекс признаков, исключительно разнообразный и выразительный³.

Около Цибилуима найдено свыше 10 тыс. разнообразных бусин составлявших ожерелья апсильек⁴.

В погребениях широко представлены бусы из многоцветного стекла (пятнистые и глазурчатые), орнамент которых различается узорами, техникой исполнения и цветовыми сочетаниями⁵. Гагатовые бусы представлены округлыми и прямоугольными формами, бытовавшими в IV – VI веках. Широко использовались апсильскими во все времена бусы из янтаря – ископаемой смолы хвойных деревьев третичного периода, выходы которой имеются в Прибалтике и на Украине⁶. Использовались также бусы с металлической (золотистой или серебристой) прокладкой, изготовлявшиеся в Александрии Египетской и других центрах Юго-Восточного Средиземноморья⁷. Во второй половине V – VI веков распространяются бусы из горного хрусталя – разновидности кристаллических кварцев, характеризующиеся прозрачностью и

¹ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды. . С. 15, 25, 30. Они же. Главная крепость Апсолии... С. 24, 36, 39; Шамба С. М. Монетное обращение... С. 58, 60–61, 75, 95.

² Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 85 – 86.

³ Там же.

⁴ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 75, 142.

⁵ Там же. С. 75–76; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсолии... С. 59.

¹ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй. – Сухум. 2009. С. 551; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 72–73.

² Там же.

³ Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 75–84; Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсолии... С. 59.

⁴ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй... С. 552.

⁵ Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 552.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

чистотой массы. Часть этих украшений, как полагают, местного производства¹.

К концу V и началу VI в. относятся импортные амфоры из Цебельдинской крепости, отличающиеся от амфор из других захоронений Цебельды. По наблюдениям Ю. Н. Воронова и О. Х. Бгажба, амфоры из Цебельдинской крепости по формам ручек, горла, венчиков, тулова, доньев, размерам, оформлением, степени обжига и цвету делятся на несколько типов². Среди них имеются амфоры, имевшие широкое распространение в Средиземноморье и Причерноморье, где они датируются в рамках V–VI вв.³ В Цебельдинской крепости было найдено и много обломков амфор неизвестной атрибуции⁴. Иными словами, на данном этапе изучения амфорной керамики нет возможности определить, какие именно византийские земли поставляли в VI в. амфоры с их заполнением в древнюю Абхазию, в частности, в Цебельду. Но можно сказать, что подавляющая часть амфор из Цебельдинской крепости производилась в центральных областях Византии и свидетельствует о степени интенсивности торгово-экономических связей Империи с Восточным Причерноморьем, в том числе с нагорной Абхазией⁵.

Среди цебельдинских керамических изделий (в частности, кувшинов), имеются и такие типы, которые связаны с аланской продукцией. Эти кувшины, как пишут Ю. Н. Воронов и О. Х. Бгажба, имели венчики со сливом, ручки и стенки с черным и коричневым лощением⁶.

В начале ранневизантийской эпохи население нагорной Абхазии широко пользовалось импортными керамическими тарелками. Об этом говорят находки из погребений некрополей Ахаччарху, где имелись и редкие экземпляры импортных тарелок. В част-

ности, здесь была найдена тарелка палевого цвета на кольцевом поддоне с горизонтально отходящим краем¹.

Жители Цебельды в V–VII вв. в хозяйственном быту использовали также чаши, лутерии, в основном, синопского производства. Выявленные здесь светильники происходили из Северного Ливана².

Для прослеживания экономических связей древней Апсолии с народами Северного Кавказа и Византией в раннесредневековый период определенное значение имеют застегки особого вида – фибулы. Часть из них привозили из Византии³. Обнаруженные в некрополе Абгыздраху некоторые оригинальные фибулы тоже являются привозными. Подобные фибулы в большом количестве обнаружены в Северной Осетии. Серебряная фибула «северокавказского» типа также была обнаружена в одном из цебельдинских погребений VI века⁴. К этому времени (VI – VIII вв.) относится и выявленный в Цибилиуме в 80-х гг. XX в. богатый набор уздечек северокавказской формы⁵. На Северном Кавказе древние цебельдинцы традиционно должны были закупать и лошадей⁶. Надо полагать, что основную часть названного товара, т. е. скаковых и боевых лошадей – этих показателей престижа и основного богатства, в первую очередь приобретала цебельдинская знать, а затем их определенное количество продавала жителям равнинной полосы Абхазии.

Приведенные материалы еще раз убеждают, что и в указанный период Севастополис, Цибилиум и другие города и укрепления не утратили роли ведущих центров торговли. На это указывает и сообщение Прокопия Кесарииского о том, что в VI в. Севастополис был широко застроен, а в VII в. он характеризует город как «Ве-

¹ Трапш М. М. Труды. Т. IV... С. 82.

² Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 80.

³ Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахаччарху // Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1967. С. 91–97.

⁴ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 206–207.

⁵ Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение воинов Абхазии в IV – VII вв. // Древности эпохи переселения народов V – VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М., 1982. С. 134–136.

⁶ Там же.

¹ Воронов Ю. Н. Указ. раб. С. 553.

² Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 71–74.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Указ. раб. С. 74–75.

⁶ Там же. С. 76.

ликий Севастополис». Несмотря на скудность археологического материала и появление в конце VII в. в этом районе арабов, некоторые авторы, тем не менее, полагают, что в VI – VII вв. в Севастополисе еще сохранился значительный международный рынок, о чем говорят «находки в могилах апсиров большого количества импортных керамических изделий, золотых, серебряных украшений и монет»¹.

Помимо названных выше центров торговли на абхазском побережье, несомненно, крупным торговым местом продолжал оставаться Питиунт, куда в первой половине VI в. отмечается сильный приток византийской меди, в основном Юстина I и Юстиниана I (86 монет). К этому времени относится и часть краснолаковых блюд и доньев самосских амфор².

Археологические материалы о ввозившихся в ранневизантийскую Абхазию предметах, дополняются некоторыми сведениями письменных источников. По сообщению Прокопия Кесарийского, в Севастополис с берегов Рима завозили вино, соль и зерно³. По поводу импорта зерна в Абхазию необходимо отметить, что имеется сообщение другого византийского историка Агафия, о том, что и сами абхазы (апсилы) занимались хлебопашеством⁴. Это доказывается находками на некоторых памятниках Абхазии зерноотерок, жатвенных орудий, ручных мельниц и в одном случае амбара зернохранилища (в Питиунте)⁵, из чего, надо полагать, следует, что византийские гарнизоны, находившиеся на территории Абхазии, как справедливо полагает М. М. Гунба, снабжались местными продуктами, хотя сам Прокопий ничего об этом не пишет⁶.

Свидетельство же Прокопия о завозе зерна в Абхазию нужно понимать так, что наибольшее количество хлеба привозилось,

очевидно, для византийских гарнизонов в Абхазии, тем более, что согласно прямому указанию того же автора, «питаться подобно колхам, долгое время местным пшеном, к которому они (византийцы. – О. М.) не привыкли, они совершенно не могли», того же продовольствия, которое им приносили местные жители, «им совершенно не хватало»¹. Если были излишки зерна или выпадали неурожайные годы, зерно могли поставлять и местному населению.

Не может быть сомнений в том, что помимо перечисленных товаров в раннесредневековую Абхазию завозили нефть (для лампад) в амфорах. Можно полагать, что также в Абхазию привозили часть товаров импортировавшихся в Таврику – свинцовые изделия, сельскохозяйственный инвентарь, керамическая посуда, различные ткани². Все привозные товары местное население обменивало на свои. Из сказанного следует, что у абхазов торговые отношения носили характер натурального обмена. Однако, приводившиеся выше слова Агафия о выплачивании империей союзникам больших сумм денег, указывают на то, что в экономических отношениях абхазов раннего средневековья, определенно роль играли и деньги³.

Мы располагаем очень небольшим количеством данных о товарах, вывозившихся из Абхазии в центральные районы империи в VI – VII вв. Надо полагать, что спрос был на ходовые в экспортной торговле товары: шерсть, пушнину, мед, воск, льняные изделия, а также на строительный и корабельный лес. Правда, существует точка зрения, согласно которой с древности в Южном Причерноморье и, особенно, в окрестностях Синопы имелись обильные запасы собственного хорошего леса⁴. Действительно, согласно источникам, побережье Малой Азии было богато лесом, однако, как

¹ Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Севастополис... С. 100.

² Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый... С. 172.

³ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 418.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 115.

⁵ Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. – Тб., 1962. С. 35.

⁶ Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии... С. 48.

¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 418.

² История Византии. Т. 1... С. 335.

³ Говоря о торговле соседей апсиров, – лазов, Прокопий пишет, что они «за нужные им товары... платят... кожами, рабами...» и т. д. Но, как справедливо заметил С. Н. Джанашиа, определенную роль в торговом процессе лазов, должны были играть и деньги (Джанашиа С. Н. Труды. Т. I. – Тб., 1949. С. 45–46 (на груз. яз.).

⁴ Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 201.

можно сделать определенные выводы из косвенных сообщений, нигде не было такого хорошего корабельного леса в сочетании с льном и пенькой, как в Восточном Причерноморье, т. е. в Абхазии.

Продолжая тему о вывозившихся с территории современной Абхазии в Византию в раннем средневековье товарах, следует еще раз вспомнить и о том, что абхазы, в числе некоторых других народов Причерноморья (населения современной Западной Грузии, Боспора, Херсона), выплачивали империи в качестве морской повинности предметы морской оснастки и морского снаряжения, а также готовые суда. Взимание подати совершалось по индиктам, и при вступлении нового императора на престол на нее распространялись обычные льготы¹. Предметом экспорта, могли быть также фрукты и невольники².

Согласно одному из известных византийских законов 374 г. из Кодексов Феодосия и Юстиниана, в перечне товаров, покупаемых у варваров, на первом места стоят рабы³. Из текста закона видно, что рабов для продажи, с одной стороны, привозили на территорию империи варварские купцы, которые уже в ее пределах вели торговлю рабами, с другой – их скупали и византийские работоторговцы, отправлявшиеся к варварским народам⁴.

Источники свидетельствуют о том, что рабы – квалифицированные ремесленники во всех случаях ценились дороже, чем необученные рабы. Насколько возрастала стоимость раба в зависимости от его профессии, можно судить по таксе рыночных цен на рабов. Законом 531 г. Юстиниан установил, что взрослые рабы обоего пола, необученные какому-либо ремеслу, ценились в 20 номисм (дети – в 10 номисм)⁵. Рабы, знающие ремесло, продавались

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... С. 282. Его же. Страницы исторической этнографии абхазов... С. 206; История Византии. Т. 1... С. 335; Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум. 2002. С. 11; Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 199.

² Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины... С. 87.

³ Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об истоках рабства // ВВ. Т. 36. 1974. С. 31–44.

⁴ Там же.

⁵ История Византии. Т. 1... С. 239.

уже за 30 номисм¹. Самая высокая цена – 70 номисм уплачивалась за рабов – евнухов, владеющих каким-либо ремеслом². Такса на продажу раба, установленная при Юстиниане, сохраняла свое значение и в последующее время. Так, по данным жития Иоанна Милостивого (VII в.), молодой раб, обученный ювелирному делу, стоил 30 номисм³.

Работоторговля в Причерноморье более распространенной становится с IV по VIII вв. (рабов здесь уже в раннефеодальную эпоху, по С. Н. Джанашиа «производили» в качестве рыночного продукта)⁴. На территории собственно Абхазии эксплуатация рабов не имела производственного значения, чем и объясняется их экспорт из Абхазии. Отсутствие же почвы для развития рабства способствовало вообще отмиранию рабовладельческого общества, однако экономическая связь с рабовладельческой Византией способствовала сохранению работоторговли. По сообщению Прокопия, этим промыслом особо активно занимались абазгские феодалы.

Он пишет, что «абазгские цари», без малейших утрызений совести отнимали у родителей замеченных ими красивых и лицом и фигурой мальчиков и, делая евнухами, продавали в римские земли (т. е. Малую Азию, Сирию, Египет, Балканы и другие регионы) тем, кто хотел купить их за большие деньги⁵.

Очевидно, что причина работоторговли заключалась в стремлении абазгских правителей к личной выгоде, приносившей им больше дохода, нежели их использование в качестве рабочей силы, а также и в том, что вдохновителями этого явления была правящая византийская верхушка (не исключая и царского двора)⁶. С другой стороны абазги продавали в рабство не только своих соплеменников, но, по словам С. Н. Джанашиа, и представителей соседних племен, захваченных во время междоусобиц⁷. Подобные действия

¹ История Византии. Т. 1... С. 239.

² История Византии. Там же.

³ Там же.

⁴ Джанашиа С. Н. Труды. Т. II... С. 67.

⁵ Прокопий из Кесарии. Война с готами... С. 382–383.

⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 18.

⁷ Джанашиа С. Н. Труды. Т. II... С. 67.

местных правителей, очевидно, нельзя исключать, хотя у Прокопия нет сведений о похищении и продажи ими представителей соседних и родственных народов.

С IX века потребность Византии в рабской силе постепенно снизилась и вывоз рабов из Причерноморья фактически прекращается.

Небезынтересно, что потребность Византии в рабской силе, и это надо полагать вовсе не случайно, уменьшилась с образованием Абхазского царства, усиления его военного и политического значения в Закавказье и, наоборот, ослабления могущества Византии на Кавказском побережье. (Возобновление работорговли в Причерноморье начинается с середины XIII в., т. е. после распада Абхазского царства). Сокращение вывоза рабов в этот период имело своей обратной стороной соответствующее увеличение в нем доли сырьевых товаров.

С VI в. и вплоть до образования Абхазского царства, как отмечалось, на побережье страны была установлена торговая монополия Византии¹. Император Юстиниан ввел очень высокие пошлины на проход судов через Босфорский пролив и этим фактически закрыл судам нечерноморских стран доступ в Черное море, которое оставалось закрытым вплоть до второй половины XII в., когда морская торговля на Черном море ограничивалась только причерноморскими странами и Константинополем².

Монополизация византийскими чиновниками, действовавшими в интересах своих купцов, торговли с Восточным Причерноморьем, выразилась в следующем. Выстроенная в районе нынешнего Цихисдзири (в приморской части совр. Аджарии в Юго-Западной Грузии) крепость Петра превратилась в середине VI в. в таможенную по сбору высоких пошлин на вывозимые из Колхиды и ввозимые в нее товары, что вылилось в политику открытого грабежа местного населения³ (что коснулось, в частности, и апсиров),

¹ Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII–X вв.)... С. 15.

² Ульяновский В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. – М., 1883. С. 2; Ahrweiler H. Byzance et la Mer. – Paris. 1966. С. 13.

³ Прокопий из Кесарии. История войн римлян с персами. Кн. II. – СПб., 1880. С. 109. По этому поводу Прокопий сообщал: «Уже не было более позволено куп-

поскольку, высокие пошлины вызвали повышение цен на ввозимый товар. Сама пошлина за ввоз и вывоз товаров по морю составляла около 2 % их стоимости¹. Такие же размеры пошлины сохранялись в XIII – XVIII веках.

В раннее средневековье в Византии торговые суда проходили таможенный контроль только в специальных выделенных приморских пунктах, где таможенный сборщик–коммеркарий взимал с них установленную пошлину. В этой связи следует особо отметить, что на одной византийской торговой свинцовой печати VII в., выявленной в районе современного Сухума, имеется имя коммеркария, некоего Теодосия, от названия резиденции которого, сохранился только один фрагмент $\beta\alpha\sigma\tau\alpha$. Издатели этой печати восстанавливают полное название резиденции как $\Sigma\epsilon\beta\alpha\sigma\tau\omicron\pi\omicron\lambda\epsilon\omicron\varsigma$, а этот Теодосий считается себастопольским коммеркарием². Очевидно, что в Севастополе, (куда, после занятия Петры персами в 542 г., была перенесена византийская приморская таможня) находилось здание таможни и, видимо, помещение с архивом, в котором хранились моливдовулы представителей имперской администрации, в том числе византийских чиновников таможенной и финансовой службы. Считается, что из этой себастопольской таможни византийцы контролировали торговлю Восточного Причерноморья почти 140 лет. Начиная с царствования Юстиниана, в Византии, с ввозимого морем товара взималось десять процентов его стоимости³. По всей вероятности, примерно то же самое было и в Восточном Причерноморье.

цам привозить в Колхиду соль и другие товары, необходимые для лазов, или у них что-нибудь покупать. Иоанн (византийский военачальник Иоанн Цив. – О. М.), завел в Петре так называемую монополию, сделался торгашем, заведующим всем торгом, сам все покупал и продавал колхам не по обыкновенным ценам, а по тем, какие сам назначал» (Прокопий из Кесарии. История войн римлян с персами... С. 109–111).

¹ Литаврин Г. Г. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341–1355 гг.) // История Византии. Т. 3. – М., 1967. С. 153–154; Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989. С. 165.

² Там же. С. 158.

³ Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen – Age. Т. I. – Leipzig. 1923. С. 56.

О тесных политических и культурных контактах абазгов и апсиров с Византией сообщают Прокопий Кесарийский и Агафий Миринейский. Свидетельством этому является, например, свинцовая вислая печать VII в. из Пицунды с греческой надписью «Константин абазг», кстати, возможно, что подобные печати использовались и в качестве денежного знака¹.

Приведенные выше материалы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что, интенсивность связей между Византией и Абхазией в раннесредневековое время в области культуры² не могла не оказывать своего глубокого влияния на торговлю между этими странами. Византийские авторы сохранили сведения об активных занятиях абхазов торговлей в раннее средневековье. Тот же Агафий, имея в виду апсиров и абазгов, писал, что они находились в постоянных экономических связях с проживавшими в Понте римлянами³, находя в такой торговле большую выгоду⁴. Он отмечал, что они (апсир и абазг) совершают и морские путешествия, когда это возможно, и извлекают пользу из торговли⁵. К тому же, подобное «морское предпринимательство» абхазов продолжалось вплоть до XVIII века, когда они уже полностью контролировали все береговые воды Восточного Причерноморья⁶.

В период раннего феодализма, наряду с внешними связями, на территории Абхазии повышается роль внутренней торговли. Если благосостояние высшего сословия в значительной степени зависело от внешней торговли, то жизнь подавляющего большинства населения еще в большей степени была связана с внутренней торговлей. Кроме того, исторически во многих случаях внутрен-

ние торговые связи между городами и отдаленными регионами средневековой Абхазии предшествовали развитию внешней торговли или, по крайней мере, развивались в районах, напрямую не связанных с внешней торговлей.

Действительно, интенсивные экономические отношения между отдельными абхазскими областями (чему не могла помешать и их временная зависимость от Византии), наряду с этногенетическими моментами, являлись определяющими факторами общих черт и однотипности хозяйства и бытовой культуры апсиров, абазгов, санигов и мисимиян. При этом не менее важны выводы исследователей (Ю. Н. Воронов, М. М. Гунба, Г. К. Шамба) о том, что очень высокого развития в этот период, достигает ремесленное производство (а значит, происходит и совершенство выпускаемых товаров), в частности, на территории Цебельды имелись гончарные мастерские, в которых еще в V в. освоили производство амфор для морских перевозок¹, со своими ремесленными знаками. В них изготавливались сосуды не только бытового значения, но и отличающиеся высоким художественным уровнем, например, такие как сосуд-олень, сосуд-бык и т. д. Сосуды с цебельдинскими знаками производили в то время в сс. Лата, Атар². Само с. Атар, как установлено, принадлежало только гончарам, причем керамическое производство охватывало и территории соседних сел Тамыш, Кындыг, Аракич³. Раскопками археологов в Атаре выявлено огромное количество высококачественной керамической продукции, которая не имеет аналогов, как не имеют аналогов и атарские гончарные печи. Все они одноярусные, тогда как все остальные, как в Абхазии, так и за ее пределами, – двухъярусные⁴. Обломки атарских пифосов были различных типов: их основная часть была орнаментирована⁵.

¹ Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 87.

² Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии... С. 73–74.

³ Джопуа А. И., Ньюшков В. А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Вып. VII. – Сухум. 2012. С. 17 – 19.

⁴ Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 43. Его же. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI – XIII вв.). – Сухум. 1999. С. 20.

⁵ Там же.

¹ Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. XVI, № 5. – Тб., 1955. С. 404.

² Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства... С. 26.

³ Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1984. С. 29–30.

⁴ Агафий. О царствовании Юстиниана... С. 73.

⁵ Там же.

⁶ См.: Османские документальные источники о крепостях Анаклиа и Рухи (XVII – XVIII вв.). Перевел с тур. на груз., написал введение, снабдил терминолог. словарем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. – Тб., 1982. С. 93–94.

Продукция атарского специализированного поселения носила товарный характер, а реализация ремесленной продукции, по мнению М. М. Гунба, «позволяла собственникам получать доходы деньгами и деньгами же, надо полагать, оплачивали труд ремесленников»¹.

И, наконец, весьма важен вопрос, почему гончарное производство было сосредоточено, главным образом в одном пункте. По мнению М. М. Гунба, концентрация нескольких печей в Атаре была оправдана в том случае, если они принадлежали одному хозяину. Такую монополию мог создать только крупный феодал, возможно, из царского рода. А подобное крупное производство могло дать хозяину большие доходы². Закономерно и то, что вырабатываемая ремесленниками Атары продукция всегда пользовалась постоянным и притом большим спросом на рынке, но их вывоз за границу, по мнению М. М. Гунба, был незначителен. В таком случае, значительная часть атарской керамической продукции предназначалась, очевидно, для вывоза вина и масла, поскольку изготовление амфор, развивается, как сказано, с наступлением известного экономического благосостояния, делающего возможным вывоз сельскохозяйственных продуктов³. К тому же в VIII–X вв. в Абхазском царстве особое внимание уделялось виноградарству, как интенсивной отрасли хозяйства⁴. Вино экспортировалось в пифосах больших размеров. Емкость одного из таких пифосов могла достигать 200–300 литров⁵.

Дополнительный свет на историю гончарного производства этого времени проливают находки с территории расселения абхазо-адыгских народностей северо-западнее нынешней Абхазии (т. е. Сочи-Адлерского региона). На Красной поляне, а также на развалинах Хостинской крепости, городища Ачипсе и др. найде-

¹ Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 43. Его же. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI – XIII вв.). – Сухум. 1999. С. 53.

² Там же. С. 52.

³ Романчук А. И. Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. Т. 32. 1971. С. 47.

⁴ Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1960. С. 50.

⁵ Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 11, 20–22.

но множество фрагментов разнообразных глиняных изделий, керамические шлаки и другие находки¹. Эти районы, как указывают источники, имели довольно тесные экономические связи с римско-византийским миром².

Развитие ремесленного производства способствовало усилению хозяйственно-экономических связей не только между горной и низинной зонами раннесредневековой Абхазии, но и между отдельными регионами страны (в частности, между Цебельдой, Атарой и жителями Губаадвы (Красной поляны), что должно было благоприятно отразиться на развитии городов. И действительно, о довольно развитой экономике Абхазии в рассматриваемый период, однозначно свидетельствует наступивший относительно высокий уровень развития городской жизни³. Экономический подъем, начавшийся в VI – VII в., был, несомненно, одним из решающих факторов и политического подъема Абхазии, имевшего место в ту эпоху.

§3. Торговля Абхазии с населением адыгского Причерноморья, Крыма и Северо-Западного Кавказа

Для изучения внешнеэкономических связей раннесредневековой Абхазии немаловажное значение имеют археологические материалы, представленные в причерноморских могильниках, т. е. на территории расселения древних зихов (касогов византийских и русских источников). Так, среди инвентаря могильников III – VII вв. этого региона обращают на себя внимание «несколько категорий предметов, встреченных в небольшом количестве, и в целом малохарактерных для этих памятников»⁴. Прежде всего, это од-

¹ Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 86; Яцюк Д. А. Новый памятник эпохи раннего средневековья в окрестностях г. Сочи // Третья Абхазская Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Г. К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум. – Сухум. 2013. С. 357 – 360.

² Воронов Ю. Н. Древности Сочи... С. 53.

³ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 165–185.

⁴ Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III – VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 297.

ночленные фибулы-броши с пластинчатым корпусом (выявлены в п. 100 м-ка Южная Озерейка и п. 151 м-ка Бжид 1) и крупные двучленные лучковые фибулы с расширенной ножкой¹. К ним примыкают крестовидные фибулы с подвязанным или приклепанным к корпусу приемником².

Ближайшие аналогии фибулам-брошам хорошо известны в погребениях IV–VI вв. цебельдинской культуры. Нужно сказать, что корпуса фибул одночленные с дуговидным пластинчатым корпусом – изготовлены из серебра и из посеребренной бронзы. Корпуса цебельдинских фибул-брошей изготавливались преимущественно без использования серебрения, что может свидетельствовать в пользу происхождения одной застёжки из могильника Бжид 1 не из собственно цебельдинских мастерских, а из приморских городских центров Апсолии или соседних регионов³, так как секреты серебрения были известны только узкому кругу мастеров-ювелиров, проживавших не во всех городах римско-византийского мира⁴.

Крупные двучленные лучковидные фибулы из могильника Бжид 1 сегодня также известны в цебельдинских памятниках, и часто, имеют слабо заметную прогнутость: кроме того именно здесь встречаются крестовидные фибулы с аналогично орнаментированными спинками. Сказанное дает основание отнести лучковидные фибулы, бытовавшие у населения адыгского Причерноморья к абхазскому импорту, в силу редкости таких фибул в памятниках зихов⁵.

Крестовидные фибулы с подвязанным приемником происходят, преимущественно, из пп. середины – второй половины V в., но в то же время, такие фибулы встречены с вещами и VI в.⁶

Что касается лучковых крестовидных фибул с расширенной ножкой, распространенных также в памятниках цебельдинской

культуры, то они Ю. Н. Вороновым первоначально были датированы первой половиной VII в., но позднее исследователь пришел к выводу, что они встречаются и во второй половине VI – первой половине VII вв.¹

Говоря об абхазском импорте предметов, выявленных в Зихии, нельзя разумеется исключать и того, что фибулы эти могли быть изготовлены на месте, по привозным образцам. В целом же, сегодня, как представляется, еще недостаточно материалов чтобы делать окончательные выводы о характере связей средневекового населения адыгского Причерноморья с предками абхазов, и тем не менее, имеющиеся материалы со всей очевидностью указывают на наличие таких связей в позднеантичное и раннесредневековое время.

Самые тесные экономические и политические связи в VI – VII вв. осуществлялись между Абхазией и Аланией. На территорию Алании в частности, (как и в другие районы Северо-Западного Кавказа), шла и значительная часть доставленного в Абхазию по морю из Византии товара. И в последующие века (VIII – X вв.) когда была основана Аланская митрополия и при содействии абхазских правителей была осуществлена христианизация Алании, тесные связи не прерывались и местные купцы вели оживленную торговлю между этими странами². По сообщению византийского летописца Феофана, аланы заявляли спадарию Льву Исавру, в частности, о том, что «мы (аланы. – О. М.) имеем с ними (абазгами. – О. М.) сообщение, и наши купцы всегда ходят туда»³. Причем торгово-экономические связи алан с Абхазией были уже давно известным фактом; еще в I в. н. э. в числе народностей, сходящихся в Диоскуриаду с торговыми целями были и аланы⁴. На то же могут указывать найденные в Цебельде аланские лощеные кружки VI в. и другие более ранние находки⁵. В свою очередь на территории

¹ Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III – VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 297.

² Там же.

³ Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III – VII вв. н. э... С. 298.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

¹ Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения краснодарского Причерноморья в III – VII вв. н. э... С. 298.

² Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. –Л., 1979. С. 168; Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии... С. 5.

³ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980. С. 65 – 66.

⁴ Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984. С. 62.

⁵ Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 146.

исторической Алании в синхронное время употреблялись апсидальные кувшины с чашечковидным венчиком¹.

Главным образом, в слоях VIII–X вв. встречаются фрагменты в целом немногочисленных на территории Абхазии лощеных кувшинов, которые по цвету делятся на два подтипа: а) серолощенные кувшины Анакопии и б) краснолощенные кувшины замка Баграта². Малочисленность фрагментов лощеной керамики в имеющихся материалах средневековой Абхазии, по мнению О. Х. Бгажба, говорит о том, что она могла быть завезена из какого-нибудь керамического центра, находящегося за пределами Абхазии. Эта керамика, в частности, также имеет сходство с аланской лощеной керамикой VIII–X вв.³

Известно, что в освобождении Абхазского царства от византийского подчинения большую помощь Леону II оказали хазары. Этому событию предшествовало то, что абхазские феодалы установили тесные политические отношения с хазарами, укрепив их династическим союзом (мать Леона II была дочерью хазарского кагана). Установление политического союза хазар с абхазами, по всей вероятности, было обусловлено и экономическими интересами хазар, которых с Восточным Причерноморьем связывали перевальные пути, проходящие через Абхазию⁴. Так что понятно и то, почему Леон II сделал Кутаис вторым после Анакопии, стольным городом Абхазского царства⁵ (Кутаис находился в наикратчайшем пути в Хазарию)⁶. Помимо сухопутных дорог Абхазия была связана с хазарами и морским путем через Таманский полуостров.

¹ Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 146.

² Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу... С. 23–24.

³ Там же.

⁴ См. Анфимов И. Н. Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. – Краснодар. 1990. С. 226–227.

⁵ Расположенный в центральной части Западной Грузии и на значительном торговом пути, Кутаис с конца X в., становится политическим центром всего Абхазского царства. В эти периоды столица царства осуществляла торгово-экономические связи с Тбилиси (который подчинялся арабскому эмирату), Колхидой, Южной Грузией, Византией, Арменией.

⁶ Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии... С. 141.

О существовании между хазарами и абхазами торгово-экономических связей можно судить на основе керамического производства. По мнению М. М. Трапш, абхазская поливная керамика такого типа, которая происходит из замка Баграта в Сухуме и известная на всем Востоке, в том числе на Кавказе и в Крыму, «своей зеленой поливой... больше тяготеет к северным керамическим производствам (Крым, Нижнее и Среднее Поволжье), чем к южным»¹.

Среди цебельдинских изделий из железа найдены панцирные пластины, часть которых по мнению археологов, имеют прямые аналогии с материалами VI–VIII вв. из Северного Причерноморья и Средней Азии².

В VII–IX вв. хазары владели в основном Восточным Предкавказьем с береговой полосой вдоль Каспия до Дербента, частью Крыма, Тамани. С этого времени (конец VII в.) более тесными становятся политические, экономические и культурные связи между тюркскими племенами и адыгами, как и другими народами Северного Кавказа, вошедшими в состав каганата³, или находившимися от него в вассальной зависимости.

¹ Трапш М. М. Труды. Т. IV... 170.

² Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды... С. 84.

³ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. С. 106–107, 115, 199; Бетров Р. Происхождение и этнокультурные связи адыгов... С. 120; Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 544–568; Галкина Е. С. Кавказские войны VII – VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток, № 4. 2006. С. 5–20.

ГЛАВА IV.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АБХАЗИИ В VIII–X вв.

§1. Усиление политико-культурного влияния абхазов в Эгриси и Картли

В эпоху Абхазского царства VIII–XI вв., как можно полагать на основе анализа имеющихся археологических и письменных материалов, собственно Абхазия представляла собой плотно заселенную территорию этого государства¹. Уже тогда часть избыточного населения начала переселяться за пределы своей этнической территории – на Северный Кавказ, в Мегрелию, в Византийскую империю и др.² Располагаясь между Византией, Арабским Халифатом и Хазарией, Абхазское царство не только сохранило свою независимость, но и, при наличии сильной центральной власти, начало постепенно осуществлять широкую военно-политическую экспансию в соседние страны. Так, на востоке оно присоединило к своим владениям ослабленную нашествием тех же арабов практически всю территорию нынешней Западной Грузии, одновременно включившись в борьбу и за картлийские земли³. К расширению

¹ История Грузии с древнейших времен до начала XIX века. Часть I. – Тб., 1946. С. 152; История Грузии. Т. 1. – Тб., 1962. С. 127; Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. ... С. 36–39; Абхазы... С. 68.

² Абхазы. Там же.

³ Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 540. См. также: Анчабадзе Ю. Д., Соловьева Л. Т. Новые труды по кавказоведению. Рец. на: Г. В. Цулая. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографи-

своих владений на юго-востоке за счет Эгриси, абхазский князь проявил стремление уже около 40-х гг. VIII в. В последней, т. е. Эгриси не было сильной местной царской власти и она попала в зону экспансионистских устремлений Леона Абхазского¹. Согласно грузинскому первоисточнику, Леон II, воспользовавшись силой хазар, отложился от греков (византийцев), завладел (груз. даипкра) Абхазией и Эгриси и принял имя царя абхазов². Об обстоятельствах присоединения Эгриси, как и далее территории Картли к Абхазии, совершенно определенно говорит термин «даипкра – который дословно, достоверно, переводится с древнегрузинского как «завоевал», «захватил» с помощью военной силы»³; то же значение имеет и абх. «апкара» – бить, избивать⁴; слово, «даипкра», по мнению лингвистов, наверняка, заимствовано из абхазского⁵.

С другой стороны, и нахождение Леона II в родстве с царским домом Арчила, правившим в Эгриси⁶, не исключает насильствен-

ческие этюды). М., 2006. 216 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – 1. М., 2007. 312 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – 2. М., 2008. 380 с. // ЭО. №5. 2009. С. 150 – 153.

¹ Агрба И. III. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII – X вв.)... С. 16.

² Картлис цховреба. Т. IV. – Тб., 1973. С. 127, 131, 132.

³ Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь. – Тб., 1984. С. 399; Абуладзе И. А. Словарь древнегрузинского языка (Материалы). Мецниереба. – Тб., 1973. С. 120; Русско-грузинский словарь. – Тб., 1937; Русско-грузинский словарь. Издание АН ГССР. – Тб., 1956; Краткий русско-грузинский словарь (Сост. А. Г. Торотадзе, Э. А. Торотадзе). – Тб., 1959; Русско-грузинский словарь. Издание Института языкознания. – Тб., 1983; Толковый словарь грузинского языка (на груз. яз.). Главный редактор А. С. Чикобава, редактор М. Н. Чабашвили. – Тб., 1986. С. 186. См. также: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. В 11 томах. Т. III... С. 541; Ачугба Т. А. К обоснованию государственной независимости Абхазии. – Сухум. 2002. С. 8. В древнегрузинском, как считают грузинские ученые, термин «даипкра» в зависимости от контекста, в прошлом, видимо мог означать как «завоевал», так и «завладел», однако примеры последнего значения этого слова неизвестны (Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. В 11 томах... С. 541).

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. В 11 томах. Т. III... С. 541.

⁵ Бганба В. М. И велено быть абхамам...//Абхазоведение. Вып. V – VI. – Сухум. 2011. С. 103.

⁶ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 99; Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тб., 1982. С. 31 – 34.

ных действий со стороны абхазского владетеля ввиду возможного сопротивления его политике со стороны феодальной знати Эгриси¹. Ведь для эпохи феодализма характерно стремление каждого феодала к расширению своих владений, «а чужое прибрать к своим рукам, объединить различные мтаварства и стать единственным господином; каждый думал о себе и всячески препятствовал действиям другого»². Примечательно, что при присоединении Эгриси к Абхазии, по сообщению «Летописи Картли», Леон II была использована военная сила хазар³, что вряд ли понадобилось бы ему, если имело место мирное присоединение Эгриси к Абхазии. Относительно этого акта, проф. Ш. Д. Инал-Ипа утверждает, что «один из абхазских владетелей сперва забрал под свою власть земли других абхазских феодалов, а потом, пользуясь военной поддержкой хазар и ослаблением не только Эгриси, но и Византии, пошел дальше и завоевав Эгриси, утвердил и в ней свое политическое влияние. Это естественно в условиях феодализма и, вместе с тем, вполне соответствует духу и букве основного источника по вопросу об образовании Абхазского царства»⁴.

Однако грузинские историки категорически не согласны с тем, что имело место завоевание территории современной Западной и Восточной Грузии и их присоединение к Абхазии.

Если бы абхазская династия, – читаем в одной из работ грузинских историков, – пришла к власти в бывшем Лазско-Эгриском царстве как иноземная сила, якобы оккупировавшая территорию соседней страны и навязавшая местному грузинскому населению совершенно чуждую ему абхазскую государственность, то тогда совершенно не понятно, почему средневековое грузинское общественное и политическое сознание так мирно и безболезнен-

¹ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 99; Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.)... С. 79.

² Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. II. – Тб., 1948. С. 91.

³ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 33.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. В 11 томах. Т. III... С. 541.

но восприняло этот акт «агрессии». Единственным ответом здесь может быть то, что «абхазские Леониды» являлись носителями общегрузинской идеи и строителями общенационального грузинского государства – «Сакартвело»¹.

Здесь необходимо обратить внимание на ряд моментов. Во-первых, никто не знает о том, как восприняло «грузинское политическое мышление» завоевание абхазами их территории, однако, известно о том, что господствующая верхушка картвельских народностей в X – XI вв. с боем сопротивлялась абхазской гегемонии². Во-вторых, непонятно, почему абхазские цари должны были «строить грузинское государство», если речь идет о феодальном обществе, которому свойственны войны за захват и расширение своих земельных владений за счет чужих территории. Кроме того, если Леон II и последующие абхазские цари являлись носителями общегрузинской идеи и строителями общенационального грузинского государства, то и называть они себя должны были «грузинскими царями», а не абхазскими³.

Вместе с тем, население Эгриси, как можно предполагать, не особенно могло сопротивляться агрессивным действиям абхазского правителя, так как переход от алчной, продажной византийской администрации к феодальной зависимости от абхазского владетеля им должен был казаться более желательным для себя состоянием⁴. Не следует, очевидно, забывать и о следующем важном обстоятельстве. Наличие на территории исторической Западной Грузии в древности (до VIII – VII вв. до н. э.) субстратного абхазо-адыгского населения⁵ (в силу чего население современной

¹ Папаскири З. Территория Абхазии в XI – XV вв. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999. С. 182.

² Папаскири А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – 2005. С. 396.

³ Гунба М. М. О времени и условиях образования Абхазского царства // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004. С. 141 – 149.

⁴ Джанашиа С. Н. Труды. Т. II... С. 339.

⁵ Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тб., 1976. С. 69, 320 – 341; Ачугба Т. А. К обоснованию государственной независимости... С. 10–11. На проживание предков абхазов по Фазису в более ранние времена, указывает, например, пояснение В. В. Латышева к «Исто-

Западной Грузии, в известной мере физические потомки субстратного аборигенного абхазо-адыгского населения), присутствие абхазских топонимов¹, многовековые этнокультурные взаимосвязи эгрисцев и лазов с абхазами, миграционные процессы (например, «еще в античную эпоху абхазские этнические элементы постоянно проникали в низменные районы Западной Грузии»)², могли способствовать интенсивному восприятию и раннему синтезу эгрисской культурной средой элементов абхазской культуры, что в конечном итоге вело к безболезненному восприятию картвелами акта завоевания абхазами их территории. При этом, однако, должно быть совершенно очевидным, что главное для правящей абхазской верхушки, заключалось не в «строительстве грузинского государства», а в проведении собственной политической линии и отстаивании коренных интересов своей, абхазской страны (не приписывая, правда им, слишком высоких патриотических чувств). В этом отношении царство абхазов мало чем отличалось от других евразийских государств, неотъемлемой частью жизни которых являлась неустанная экспансия³.

рии» Геродота: «Колхи – предки современных абхазцев — жили в Рионской низменности» (Латышев В. В. Известия древних писателей... ВДИ, №4. 1948. С. 298). На это обстоятельство еще ранее обращал внимание проф. А. К. Глейе «Так как весьма невероятно, – писал А. К. Глейе, – чтобы лазы когда бы то ни было могли жить севернее реки Фасиса по соседству с исторической территорией абхазцев, то остается нам только предположить, что местожительство абхазцев в доисторическое время распространялось гораздо дальше к югу и что абхазцы когда-то занимали всю приморскую область между рекой Фасисом и Трапезунтом...» (См.: СМОМПК. Вып. 37 – Тифлис. 1907; Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой... С. 91–92).

¹ Вопросы наличия следов древней абхазской топонимики на территории исторической Западной и Восточной Грузии (например, Акампис, Апсар, Псахис, Супса и др.), на основе данных античных авторов, а также исследований Г. А. Меликишвили, И. А. Джавахишвили, А. С. Чикобава, С. Н. Джанашиа Н. Я. Марра, Г. А. Климова, О. М. Джапаридзе и др., обстоятельно рассмотрены проф. Ш. Д. Инал-Ипа и потому нет необходимости на них останавливаться. См.: Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов // Труды. В 11 томах. . Т. III... С. 162, 217 – 230 и др.

² Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов // Труды... Т. III... С. 224.

³ Политика абхазских царей, пишет И. Ш. Агрба, носила феодально-захватнический характер; абхазские правители вместе с господствующей прослойкой и войском мечтали о широких завоеваниях (Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв... . С. 82, 142).

Завоевательные походы абхазских царей на юго-восток встретили противодействие не только со стороны разобщенных картвельских этнополитических образований, но и со стороны армянского Багратидского царства¹. Интересы двух государств сталкивались в вопросе овладения одним из главных экономических центров Закавказья – Картли. Фактически борьба шла за гегемонию в регионе. «Царство, закрепившееся в Картли, – пишет Р. А. Хонелия, – по существу, смогло бы диктовать политику во всем Закавказье и оказывать своё влияние на ход событий даже за его пределами»². В конце 90-х годов IX в. абхазский царь Константин III выдал свою дочь за сына армянского царя Смбата, а около 904 года, воспользовавшись распадом Армянского царства, полностью овладел Картлией. Позже армянский царь вытеснил его из Картли, а после кратковременного пребывания в плену у Смбата³, Константин не только отвоевал у армян Картли, превратив ее в одну из административных единиц абхазского государства (Коллауц называет Картли «вице-царством» абхазских царей)⁴, но

¹ Асохик. Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию... С. 7–11; Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства Армянских Багратидов в IX–X вв.... С. 9; Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994. С. 4. Наряду с армянским Багратидским царством, серьезным противником Абхазского царства в его захватнических устремлениях на восток, в частности, при завоевании Картли, выступило нахское царство Цанария, известного в армянских источниках как Цанарк, в арабских – Санария и в грузинских – Кахети (Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли... С. 161).

² Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и царства Армянских Багратидов... С. 8; Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия... С. 102; Хонелия Р. А. Некоторые историографические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X века Иованнеса Драсханакертци // Вестник Академии наук Абхазии, № 2. – Сухум. 2007. С. 213. См. также: Анчабадзе Ю. Д., Соловьева Л. Т. Новые труды по кавказоведению. Рец. на: Г. В. Цулая. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографические этюды). М., 2006. 216 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – I. М., 2007. 312 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – II. М., 2008. 380 с... С. 150 – 153.

³ Иоаннес Драсханакертци. История Армении. – Тифлис. 1912. С. 41.

⁴ Kollautz A. Abasgen-Abasgia // Reallexikon der Byzantinistik. Bd. 1. Hf. 2. Amsterdam. 1969. С. 20; Картлис цховреба. Т. I. – Тб., 1955. С. 262; Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 59–60; Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства... С. 8–17; Гунба М. М.

и укрепил свои позиции в Кахетии, Эрети (надпись Эредвской церкви сообщает о его походе в эту область) и других районах Восточного Закавказья¹.

С присоединением эгрисских земель к Абхазскому государству, в нынешней Западной Грузии в самом начале IX в. (806 г.) был образован второй, после Анакопии, стольный город нового царства. Основная задача, которая ставилась при этом правителями страны, несомненно, состояла в создании «опорного пункта, плацдарма для реализации задачи по установлению контроля над восточными территориями с картвельским населением»². Само название Кутаис (который оставался столицей Абхазского царства до 1122 г)³, Н. Марр производил от абхазского слова акыта – «селение»⁴, хотя первоначальным значением этого слова, по всей видимости, был «город», о чем свидетельствовал абхазский ученый из Турции О. Бегуаа. Превращая Кутатиси во вторую столицу Абхазского царства для более эффективного управления страной⁵.

Эредвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974. С. 78. Его же. Абхазия в первом тысячелетии н. э... С. 237; Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.)... С. 68. Владения абхазских и армянских царей соприкасались более столетия. История взаимоотношений двух крупнейших закавказских государств X века отражена в трудах многих армянских историков. Например, интересные сведения о подготовке антиарабской абхазо-армяно-византийской коалиции содержатся в послании Николая Мистика, сохраненном в «Истории Армении» Иоаннеса Драсханакертци. (Иоаннес Драсханакертци. История Армении... С. 267–268).

¹ Гунба М. М. Эредвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети... С. 78. Его же. Абхазия в первом тысячелетии н. э... С. 238;

² Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия... С. 81. Н. Макиавелли писал, что «...если завоеванная страна отличается... по языку, обычаям и порядкам, то тут удерживать власть поистине трудно... И одно из самых верных и прямых средств для этого – переселиться туда на жительство. Ибо, только живя в стране, можно заметить начинающуюся смуту и своевременно ее пресечь... (Макиавелли Н. Государь. – М., 1982. С. 1).

³ Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005. 97.

⁴ Литературная энциклопедия. Т. 1. – М., 1930. С. 19; Марр Н. Я. О языке и истории абхазов... С. 393. Топоним Кутаис может быть этимологизирован и из абхазского «гута» – «середина», «центр».

⁵ Ачугба Т. А. К обоснованию государственной независимости Абхазии... С. 10; Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обоснова-

Леон II и современные ему абхазские политики не забывали и о проживании в прошлом по всей Колхиде и в целом в Восточном Причерноморье абхазо-адыгских племен¹.

Завоевания абхазов на востоке, конечно, должны были вызвать переселение в центральные области Эгриси и определенной части абхазской феодальной знати. Экспансия абхазской административной структуры на восток в VIII–X веках, – отмечалось Ю. Н. Вороновым, – несомненно, не только консервировала сплошной абхазский (абасго-апсильский) этнический элемент по всей территории между современными Гагрой и Ингуром, но и способствовала широкому распространению этого элемента в других (центральных, восточных и южных) районах Колхиды, а также в Картли и Месхети². Действительно, исследование письменных источников и топонимики показывает, что в VIII – X вв. абхазское население составило в нынешней Западной и Восточной Грузии не отдельные островки, а значительный пласт, освоив территории, например, нынешних Кутаиси, Зугдиди, Гурии, Имеретии, Кахетии, Тбилиси и др. И все это было направлено на создание социально-политической и культурно-этнической опоры для абхазской царской власти на вновь приобретенных территориях³. Иными словами, расширение в данном случае политических границ Абхазского царства на восток, повлекло за собой и расширение этнического ареала расселения абхазов.

В основе военных успехов Абхазского государства лежало, несомненно, не просто наличие собственной, довольно многочисленной армии (официально именуемая в источниках как «абхазское войско»)⁴, а боеспособной армии. Именно таковой в период

нии права Абхазии на независимость // Журн. «Международное право». – М., 1999, №4. С. 253–266; Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия... С. 81.

¹ Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тб., 1976. С. 69.

² Воронов Ю. Н. Абхазия в эпоху феодализма... С. 77.

³ Ачугба Т. А. К обоснования государственной независимости... С. 9; Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия... С. 83.

⁴ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 50, 62, 80.

Абхазского царства, судя по источникам, и являлась абхазская армия: предположительно, она состояла из мелкого дворянства, а также крепостных и наемных крестьян¹.

Источники указывают на исключительно высокое качество оружия и боевых доспехов абхазской армии, которая была вооружена, как сказано, «... в сплошные латы», тогда как другие «кавказские народы носили кольчужные доспехи...»². Подобная экипировка абхазских воинов, несомненно, свидетельствует об определенном социально-экономическом уровне Абхазского царства и его экономической состоятельности.

Переносом этнических названий в результате переселения абхазов на новые места жительства, в частности, можно объяснить наличие на территории нынешней Грузии названий рек Алгети и Лухуни (ср. с абхазскими названиями сел Алгыт и Лыхны), селений Ананури и Хада («Нан» – абхазская «богиня-мать», а «Хада» по-абхазски «главный»), местности Нуа (ср. со старинной абхазской фамилией Ануа)³, абхазских топонимов в районе г. Кутаиси – Гумбара, Гумати, река Цачхур, Абжарские высоты; село Ципнигвара в Раче, ручей Окваре в Ланчхути, Наабхазу в Гегечкорском районе, Абхазаша нахори в Абастуманском районе, Супса в Гурии (что показывает, по мнению Н. Я. Марра, о распространении абхазского этнического элемента до р. Чорохи) и т. д.⁴. Лингвисты

¹ Джуаншер Джуаншерияни. Жизнь и гражданственность Вахтанга Горгасала // «Картлис цховреба». Т. 1. С. 237; Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках... С. 60.

² Георгиа. Т. 1. – Тб., 1961. С. 171; Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и Царства Армянских Багратидов в IX–X вв... С. 21–22.

³ Там же.

⁴ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов... С. 393; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 286–387; Гумба Г. Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншерияни... С. 90; Инал-Ипа Ш. Д. Труды. В 11 томах. Т. III... С. 224. В связи с освоением абхазами и территории совр. Восточной Грузии, большой интерес представляет, например, название крепостного комплекса различных эпох в старом Тбилиси – Нарикала. В «Википедии» читаем, что современное название этой крепости дали монголы. Интересно, что, слово Нарикала, с абхазского дословно переводится как «крепость Нара». Правда, вторая часть слова кала, очевидно, из турецкого «кале» – крепость. Что же касается слова «Нар», то это известное древнеабхазское мужское имя.

приводят немало других интересных фактов отложения абхазского языка в тот период в географических названиях территории нынешней Грузии¹.

Исследования языковедов устанавливают, что самая большая группа абхазских заимствований в картвельских языках, представлена сельскохозяйственными терминами; затем следуют названия домашнего хозяйства и быта; третьи – названия растений, термины из области религии, названия частей тела, природных объектов, лексики мореходства и т. д.²

Важным показателем присутствия абхазского этнического элемента на территории современной Западной Грузии в эпоху раннего средневековья, является наличие в этнографической Мегрелии окончаний фамильных имен на «пхе / хе» – «дочь», «женщина»³. По мнению проф. Ш. Д. Инал-Ипа «мегрельское пхе//хе представляет собой не что иное, как абхазское оформление женских фамильных имён: «пха» – «дочь», «женщина» (например, Ануа – пха, Тар-пха и т. д.)»⁴. При этом антропоним «пхе» «мог быть заимствован картвельскими языками лишь в промежутке между IX и XII веками»⁵. Еще в 30-х годах XX века старики Гурии помнили, что замужних женщин раньше называли их девичьей фамилией;

¹ Элиава Г. В. Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. – Тб., 1977 (на груз. яз.); Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков... С. 288 – 290. Языковед Р. К. Гублия отмечает, что с расширением границ Абхазского царства на восток, связано стремительное проникновение абхазских терминов, различных топонимов, антропонимов, гидронимов, эпитетов в картвельские языки. Данный факт сильно смущал современных грузинских фальсификаторов. Но, понимая совершенно очевидное абхазское происхождение этих слов, историки вынужденно объявляли их хотя бы черкесскими субстратами, хотя они являются простыми абхазскими заимствованиями (Гублия Р. К. Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык // Кавказские научные записки, №1. – М., 2012. С. 189. Ее же. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. – Сухум. 2002).

² Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 68.

³ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов... С. 42, 43; Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именованья в южно-кавказских языках и фольклоре // Памяти акад. Н. Я. Марра. – М. –Л., 1938. С. 152–181, 176; Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. – Тб., 1942. С. 25–26; Ломтатидзе К. В. Абхазское слово аюю – «человек» // Моамбе. Т. 4, №7. 1943 (на груз. яз. с русс. резюме). С. 727; Никонов В. А. География фамилий. – М., 1988. С. 150–167.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 334.

⁵ Бганба В. М. И велено быть абхамам... С. 106.

при обращении к родственницам или упоминая их заочно заменяли окончания *-дзе*, *-швили*, *-иа*, *-уа* и др. на *-пхе*¹. В далеком прошлом существовали видные лазские роды Журданипхе, Контитпхе, Почупхе и др., то есть *-пхе* служило когда-то признаком не пола, а знатности с последующим упрощением в *-хе* (Лолухе из фамилии Лолуа, Кацирixe от Кацарава². Наряду с *-пхе* в Западной Грузии исследователями фиксируется абхазское слово «апа» (аца), означающее – «сын», «мальчик»³. Мегрельский суффикс фамильных имен на «ва» (Кардава), также считают возможным произвести из абх. «аа» (Кардаа)⁴. Отметим и другой момент из области заимствований фамильных имен. Одним из характерных окончаний абхазских «родоплеменных» названий является, как хорошо известно, оформление на *дз*, *дза*, *дзаа* (*з*, *за*, *заа*), например, Ашдза, Сандзаа, Лапсандзиаа, Апсандзаа, Мдзаа и Мамдзаа, Мгудзаа, Садзаа и др.⁵. В связи с наличием у картвелов окончаний фамилии на *дзе(зе)* Н. Я. Марр отмечал, что «коренное» (картское) слово в значении «сын» в грузинском «швили», а *зе* вместе с глаголом *зена* «приобретать», «рожать», представляет заимствование⁶. Исследователи указывают и на другие факты заимствования абхазизмов в картвельских языках⁷. Так, говоря о наличии в грузинском абхазского элемента «ца» (речь идет о грузинском перевербе –ца) ученые высказывают предположение о том, что данный переверб усвоен в грузинский непосредственно из абхазского языка раньше VI в. н. э., в виду того, что в VII в. н. э. абхазский язык непосредственного контакта с грузинским не имел, поскольку их разделяла занская (мегрело-чанская) языковая среда⁸. Абхазские элементы представ-

¹ Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именованья в южно-кавказских языках и фольклоре. Там же.

² Там же.

³ Ачугба Т. А. Этническая история абхазов... С. 23.

⁴ Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке... С. 112 – 113.

⁵ Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка (Исследование и тексты). – Сухум. 2006. С. 289; Инал-Ипа Ш. Д. Садзы... С. 94–95.

⁶ Марр Н. Я. О языке и истории абхазов... С. 64.

⁷ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка... С. 107–108; Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики... С. 287–289.

⁸ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Там же.

лены, по мнению специалистов, и в чанской речи¹. Немалое число абхазизмов отмечаются и в мегрельском². И вообще, тот факт, что заимствование коснулось не только лексики, наиболее подвижной части языка, но и морфологии и синтаксиса, говорит о значительном влиянии абхазского языка на картвельские³.

С перемещением части абхазского населения вглубь нынешней Грузии, было положено начало этническому освоению Эгриси (Лазики) и Картли, ассимиляции абхазами местного населения, о чем отмечалось Г. А. Меликишвили⁴. Параллельно шел, надо полагать, процесс этнического взаимопроникновения абхазской и картлийской феодальной знати, в результате чего, большое число аристократических домов Картли имели тесные родственные связи с абхазами. При этом, надо полагать наличествовали смешанные браки не только на уровне дворянско-княжеских сословий, но и достаточно интенсивные взаимные браки в среде представителей более низших слоев населения.

В грузинских письменных источниках сохранились ценные материалы о генеалогическом взаимодействии и образовании в Картли ряда новых феодальных фамильных имен, происшедших от абхазской знати⁵. Первым (в X веке) из представителей абхазских феодалов в грузинских источниках фигурирует наместник абхазского царя в Картли Иване Марушисдзе⁶ (Маршан), которого «Летопись Картли» характеризует как «человека могущественного и обладающего многочисленным воинством»⁷.

Грузинские историки считают, что новые княжеско-феодальные фамилии в Картли X–XII веков «Дадияни», «Марушисдзе»,

¹ Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Там же.

² Там же.

³ Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ... С. 287–289.

⁴ Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. – Тб., 1954. С. 135.

⁵ Царевич Вахушти. География Грузии... С. 19; Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 115–116.

⁶ Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тб., 1973. С. 134, 146. По словам Г. А. Меликишвили, и раньше не раз правителями Картли абхазские цари назначали своих близких родственников – сыновей и т. п. (Там же).

⁷ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 40.

«Варданисдзе» происходят от одного корня – древних «Марушианов» (от нее же – Маршания, Маршава), т. е. абхазских «Маршанов», «Амаршьанаа», что Бедийское эриставство (княжество) X века было родовым владением Марушисдзе¹.

Изучая происхождение картлийской княжеской фамилии Бараташвили, С. Н. Джанашиа приходит к выводу, что их древнейшими предками были садзские владетели Гечба (Гьеч-ипа). Анализируя письменные источники, он прослеживает генеалогию Гечба (Гьеч-ипа) – Качибая-Качибадзе-Бараташвили. Появление фамилии Качиба в Картли, исследователи также относят к периоду абхазской колонизации территории нынешней Восточной Грузии, то есть к IX–XIII вв.² В дальнейшем, по-видимому, после XIV века, от картлийского рода Бараташвили, произошли более десяти новых фамилий грузинских князей (например, такие как: Зурабишвили, Абашишвили, Кавтаришвили, Каплишвили и др.)³.

В письменных источниках засвидетельствованы и другие картвельские феодальные фамилии абхазского происхождения, переселявшиеся в нынешнюю Западную Грузию в период ее колонизации, например: Мачабели, Анчабадзе, Анчаписдзе (от Ачба), Ацамбадзе, Чачибая (Чачба), Маргания-Маргани-Марганадзе

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Антопонимия абхазов... С. 153–154. В анонимном сочинении XIII века, известном под условным наименованием «История и восхваление венценосцев», упоминается эристав Барам Варданис-дзе.

² Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньори). – Тб., 1961. С. 77; Дасания Д. М. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003. С. 207–208; Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум. 2008. С. 340–343. По мнению С. Н. Джанашиа, в момент перехода в Картли, Качиба не находились на высокой ступени социальной иерархии. А их возвышение произошло позднее, «когда они на земле Багваш-Орбелов постепенно усиливали свое влияние, становясь господами Орбет-Самшвилде, и «Саорбело» превратили в «Сабаратиано». В пользу этого говорит и то, что представители Качиба, которые остались в Абхазии, в течение всего периода феодализма были крестьянами и являются таковыми и сегодня (Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках... С. 69).

³ Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии... С. 77, 30; Джанашиа С. Н. Труды. Т. II... С. 476–481; Инал-Ипа Ш. Д. Антопонимия абхазов... С. 152; Куправа А. Э. Садзские фамилии в Грузии... С. 108–113.

(Маан), Ирубакидзе, Шакриладзе, Алшибая, Езугбая, Абазасдзе (образованного, как видно, от самоназвания абхазо-абазин), из коих пять могущественных братьев, противостоя царю Баграту IV, играли виднейшую роль в истории Абхазского царства по крайней мере в первой половине XI в.⁴ Санишвили и Цанава (от Санба-Цанба), и др. Указанные фамилии распространены в Мегрелии до сих пор, а носители фамилии Абазасдзе (Абазадзе) живут ныне в Хашурском р-не Картли, г. Тбилиси и т. д. Встречается также Абазашвили. По письменным источникам известен Эретский католикос Абаз⁵ (таким же образом армянская фамилия Абазян, надо полагать, происходит от «абаза» – абхаз, аналогично, например, Черкезян, от «черкез»-черкес)⁶. К числу абхазских фамилий, оформленных в этот период на грузинский лад, исследователи относят также Апхазы, Гонглибаисдзе и др.⁴ В ряде случаев абхазские фамилии становились географическими названиями: к ним, очевидно, относятся например, владения князей Бараташвили Гачиани (по-абхазски Гьачны, т. е. «местность Гечбовых»)⁵, Ачабети, Самачабло (в Южной Осетии, груз. «земля Ачба»), Чачубети («земля Чачба» в Картли), название горы Шарвашети (ср. с фамилией Шарвашидзе), и др. Отмечая факт проживания абхазских князей из рода Чачба (Шервашидзе) в Гурии, К. Кудрявцев упоминает и топоним «Чочхати»⁶, как место поселения Чачбовых, который, также можно увязать с данной фамильной группой. Здесь же нелишне упомянуть о названии резиденции абхазских царей в Кута-

⁴ Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии... С. 97; Инал-Ипа Ш. Д. Труды. В 11 томах. Т. III... С. 554.

⁵ Жордания Ф. Хроники и другой материал по истории Грузии, собранные и хронологически разложенные, разъясненные и изданные Ф. Жордания. Кн. I. – Тифлис. 1892. С. 54, 319.

⁶ Хачатур Такмаз (Такмазян). Имена понтийских армян. – Ростов-на-Дону. 2006. С. 117, 196.

⁴ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 156.

⁵ Дасания Д. М. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно)... С. 200. Следует в то же время отметить, что М. Г. Джанашиа считал, что топоним Гачиани происходит от имени грузинского бога Гачи (Гаци) (Царевич Вахушти. География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5... С. 35).

⁶ Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922. С. 147.

иси – Гумбара¹, где сохранились остатки крепостных сооружений². Если учесть, что по одному из абхазских исторических преданий Апсха был Гумба // Гунба³, то, безусловно, название Гумбара («р» – показатель мн. числа), не может не привлечь к себе внимания⁴. Во всяком случае, такое совпадение весьма сложно относить к категории случайных явлений.

Надо полагать, что наиболее активная фаза передвижения абхазов как в Восточную Грузию, так и в прилегающие к Абхазии районы Западной Грузии, происходившая как массово, так и группами (по причине, в частности, не только роста населения, но и стремления абхазских феодалов расширить сельскохозяйственные угодья и получить дополнительные ресурсы), имела место в период наивысшего усиления Абхазского царства. Уже в более ослабленном виде миграции абхазов в Картли продолжались в последующие XI–XIII вв.⁵ В эти периоды, в антропонимию картвелов (сванов, мегрелов, карталинцев), несомненно, проникали и исконно абхазские личные имена.

Перемещение на восток значительной массы абхазского населения в процессе колонизации, в свою очередь свидетельствует об этнических процессах, происходивших в среде абхазских переселенцев в картвельской культурно-бытовой среде. Частью этих процессов было приспособление этнических абхазских имен к новой этнокультурной среде и языковым нормам картвелов. Наличие большого количества огрузинившихся впоследствии абхазов на территории нынешней Грузии объясняется, – пишет проф. Ш. Д. Инал-Ипа, – переселением туда же многих, близких к царскому роду знатных людей, вместе с их вооруженными отрядами и обслуживающим персоналом⁶.

¹ См. Гумба Г. Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цхали Джуаншера Джуаншерияни... С. 90.

² Там же.

³ Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1968. С. 325.

⁴ Гумба Г. Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цхали Джуаншера Джуаншерияни... С. 90.

⁵ Куправа А. Э. Из истории абхазской антропоники... С. 37.

⁶ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов... С. 404.

Аналогичные процессы миграции и ассимиляции картвелов происходили, как известно, и в Абхазии, что особенно имело место в позднее средневековье. Это, разумеется, несколько не исключает спародических этнокультурных инфильтрации отдельных, относительно небольших групп картвелов на территорию современной Абхазии и в более ранние времена. Первые же достоверные сведения о пребывании картвелов на территории Абхазии относятся к 30 годам VIII века, когда правители Картли – Мир и Арчил, гонимые арабскими войсками, прибыли в столицу Абазгского княжества – Анакопию – к предводителю абазгов Леону I¹ (отметим, что с именем арабского полководца Хан Али, обосновавшегося в Закавказье в VIII или IX в. на ближних подступах к Абхазскому царству, произошла, как полагают, немногочисленная ныне абхазская фамилия Хонелия (Ханали-Хонели)². Кстати, в периоды арабских вторжений в Картли и Эгриси, в Абхазии находили убежище, надо полагать, не только цари и вельможи, но и представители низкого сословия. По словам акад. И. А. Джавахишвили, особенно частыми перемещения беженцев из Картли и Кахети в «абхазские горы», «были во времена арабского владычества...»³.

Следствием ассимиляции картвелов в абхазской этнокультурной среде, являются встречающиеся среди них в прошлом грузинские княжеские фамилии, получившие абхазское звучание – Чиковани – Чуан, Абашидзе – Абашиа, Лордкипанидзе – Лордкипаниа, Джугели – Джугелиа и другие. Причем имели место случаи превращения фамилии грузинских феодалов в абхазские крестьянские фамилии. Об этом К. Д. Мачавариани писал: В крестьянском сословии в Абхазии можно встретить фамилии мингрельские, имеретинские, сванские, гурийские и другие, как например: Аба-

¹ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 28, 30; Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 41, 49–50.

² Маан О. В. К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии // ЭО. – М., 2009, № 5. С. 42–51.

³ Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. II... С. 85; Георгика. Т. IV. Вып. 1. С. 45.

шидзе, Микеладзе, Ахвледиани, Дадишкилиани, Эристовы и т. д. «Эти фамилии в Имеретии, Сванетии, Гурии и Мингрелии пользуются правами князей и дворян, а в Абхазии находятся на степени рабов». Рабами становились пленники, набранные во время войн или нападения на соседние народы¹.

При этом, правда, нельзя исключать и того, что абхазские крестьяне – носители грузинских фамилий были коренными абхазами, чьи фамилии подвергались искусственной грузинизации. Что касается фамилии Микеладзе, то эта ныне грузинская фамилия происходит от абхазо-садзской фамилий Мкялба (Микелба) – владетелей села Мкялрыпш в Северо-Западной Абхазии.

Историко-этнографические материалы дают основание не сомневаться в том, что влияние абхазов и их культуры на картвелов началось достаточно рано; наиболее активная его фаза отмечается в IX–X вв., когда Абхазское царство проводит энергичную политику, проявляя активную деятельность по расширению сферы своего политического влияния.

В частности, абхазские цари на присоединенных к Абхазии с юго-востока землях, проводят активную строительную деятельность. Очень активно велось храмовое строительство. Историческими памятниками этой деятельности абхазских царей являются два величественных храма в современной Западной (Чкондиди / Мартвили) и Южной (Кумурдо)² Грузии. Благочестивые абхазские цари были известны своими богатыми вкладами, которые увеличивали благосостояние церкви. Так, взяв несколько крепостей в Кахети и Эрети, Константин III (893–923 гг.) посетил храм Алаверди. «Летопись Картли» по этому поводу сообщала: «...прибыл Константин, царь абхазов, помолился в Алаверди святому Георгию

¹ Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. Тифлис. 1884. Вып. IV. Его же. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913. С. 61.

² Markus Bogisch. Инновации и традиции на границе(?) Абхазского царства: создание церквей царем Леоном III в Кумурдо, Джавахетия // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Тезисы докладов. – Сухум, 26 – 30 ноября 2013 г. С. 116 – 117.

и отдал его икону золотом. Большую же часть своего войска отправил по окружному пути, и оказал ему большие почести хорепископ Квирик, и отправился (царь абхазов) в свою страну»¹.

В царствовании того же Константина III была построена сложная оросительная система в нынешнем Хашурском районе. Сведения об этом сохранились в надписи на стене Самцеврисской церкви близ Хашури² (эта оросительная система, по имеющимся сведениям, частично действует и по сей день)³. В дальнейшем продолжается культурная экспансия Абхазского государства и на Северный Кавказ, где строятся храмы, представляющие абхазскую архитектурную школу⁴. Специалисты указывают на достаточно высокий уровень абхазов и организацию местного строительного дела, наличие здесь опытных мастеров, обладавших определенными производственными традициями, ибо вряд ли можно сомневаться в их активном участии в строительстве храмов⁵.

Искусствовед Ш. Амиранашвили, признавая за абхазской архитектурой IX–XI вв. черты самобытности, отличает характерную для абхазских купольных храмов очевидную вытянутость плана по линии запад-восток, выраженность наружу алтарной части в виде трех полукруглых или граненых апсид, за-

¹ Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии... С. 38; Гунба М. М. Ередвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети ... С. 78–82.

² Очерки истории Грузии. Т. II. – Тб., 1988. С. 360. См. также: Амиранашвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Т. 1. – Тб., 1957. С. 95–97.

³ Апсны // Газ., №№ 1, 2. Февраль – март 2009 г.

⁴ Артамонов М. И. История хазар... С. 360; Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века // СА, № 4. – М., 1964. С. 148. Его же. Очерки истории алан. – Орджоникидзе 1984. С. 63; Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе. 1986. С. 108; Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000; Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо Краснодарского края: типология, декор, дата, архитектурный контекст // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009. С. 400 – 404; Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи... С. 71–72; Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА, № 3. 2012. 78 – 90.

⁵ Кузнецов В. А. Средний Зеленчукский храм... С. 147; Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 225.

метное выдвигание вперед центральной апсиды по сравнению с боковыми¹.

Тот же автор отмечает, что прогрессивный метод перехода от подкупольных столбов к подкупольному кольцу не через тромпы, а через плавный переход, называемый парусом – есть следствие абхазского влияния на архитектуру собственно Грузии². Если говорить о влиянии византийской архитектуры на грузинскую, – пишет исследователь, – то приходится ограничиться лишь отдельными деталями. Например, вместо чистых тромп сперва употребляются переходные формы от тромп к парусу, а затем, несколько позднее, с XI в. доминирует уже чисто парусная система. Однако в этом факте вряд ли можно видеть непосредственное влияние византийской архитектуры на грузинскую: скорее это веянье, проникающее в грузинское зодчество через посредство абхазской архитектуры, в которой раньше, чем в других областях, наблюдается применение парусной системы³.

Словом, для широкомасштабной строительной деятельности, сооружения ряда крупных оборонительных, гражданских и культовых объектов требовалась соответствующая хозяйственно-экономическая база, людские ресурсы – рабочие, специалисты, профессиональные строители. В период экономического и культурно-политического подъема Абхазское царство располагало такими возможностями⁴.

Письменные источники дают основание полагать, что абхазское присутствие в Лазике и Картли измерялось их значительным влиянием на различные области жизни этих регионов. Кроме того, абхазы служили каналом проникновения византийской и другой культуры в соседние регионы, в том числе в Картли. Д. И. Гулиа писал, что абхазы «как прибрежные жители, сообщавшиеся со многими заморскими культурными жителями, главным образом с цивилизованными греками, безусловно, являлись распространителями

культуры среди соседних жителей, живших на севере и северо-западе, а также на востоке от них»¹. Выше уже приводились слова В. И. Абаева о том, что «Абхазия была, пожалуй основным каналом, служившим для связи Грузинского государства с алано-осетинами»².

Особо следует сказать о распространении в среде картвелов поведенческих норм абхазского этикета. Еще дореволюционный автор Архимандрит Леонид (Кавелин) писал: «усилилось нравственное влияние абхазов на соседние народы, страна их сделалась сильным царством и подчинила горные народы и Лазику»³. Для картвелов, как и для других соседних народов (например, турок-османов), этикет «абхазский» был выражением аристократической изысканности и благородства, поэтому человека с хорошими манерами сравнивали с абхазом. Мегрелы и имеретинцы в качестве эпитета благовоспитанного человека употребляли выражение: «воспитан как абхаз»⁴. В Мегрелии хорошо отзываясь о девушке, сравнивали ее с абхазской невесткой⁵. Выше уже приводились слова И. В. Мегрелидзе о том, что в 30-х годах XX века старики Гурии ещё помнили, что замужних женщин раньше называли по девичьей фамилии; при обращении к родственницам или упоминании их заочно заменяли окончание –дзе, –швили, –иа, –уа, и др. на –пхе (–рхе). – Это, подчёркивает автор, – выражало уважение⁶. Там же (в Гурии и Мегрелии) издавна хорошая скаковая

¹ Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой... С. 137.

² Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор... С. 318. Оценивая культурно-исторический вклад абхазов в становление грузинского государства, один из грузинских историков-публицистов С. Какабадзе (фамилия которого восходит к абхазскому фамильному роду «Какуба», «Кукба»), в 1921 г. подчеркивал: «С древнейших времен абхазский народ и Абхазия принимали самое деятельное участие в постепенном создании грузинской культуры и государственности и вообще всего того, что определяло в течение многих веков национальное лицо грузинского народа...» («Социал-федералист» // Газ., №7, 8. 1921г.).

³ Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887. С. 92.

⁴ Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974. С. 23.

⁵ Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми. 1988. С. 212.

⁶ Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именованья в южно-кавказских языках и фольклоре... С. 186.

¹ Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. – М., 1950. С. 173.

² Там же. С. 154.

³ Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства... С. 154.

⁴ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 141–142.

лошадь, изящное наездничество часто ассоциировалось с представлением об абхазе¹ (кстати, мегрельское междометие понукания лошади «ачу цхен» также считается усвоенным из абх. «ачы»-лошадь²: «цхен» по-мегр. тоже «лошадь»). Даже в конце XIX в. в Грузии абхазов называли французами Кавказа³. В картвельскую среду проникала, в первую очередь, культура абхазских князей и дворян, – культура воинов и рыцарей по духу и происхождению – Аамсташэара (основные принципы которой – честь, благородство, мужество и др., – прямо или косвенно были связаны с войной, что составляло едва ли не весь смысл жизни абхазо-адыгских князей и дворян, а также части свободного крестьянства).

Абхазские этикетно-поведенческие нормы, и в первую очередь, правила дворянского кодекса чести и престижные обычаи (живо напоминавшие куртуазные манеры европейского рыцарского средневековья), о которых выше говорилось, со временем, несомненно, получали распространение в самых широких слоях населения Картли. Традиция следования абхазским стандартам, бесспорно, оказавшая определенное цивилизующее воздействие как на феодальную знать, так и на все другие слои лазского и картлийского общества, сложилась там, надо полагать, также достаточно давно, по-видимому, с периода Абхазского царства⁴.

§2. Колонизационные процессы в северо-западном направлении

В период существования Абхазского царства миграционные процессы происходили не только в восточном направлении, но и в северо-западном, так как царство абхазов расширялось «не

¹ Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959. С. 32; Бражба Х. С. Этюды и исследования ... С. 23.

² Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке. ... С. 99.

³ Марков Евг. Очерки Кавказа. – СПб. – М., 1887. С. 360 – 361.

⁴ Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов. – Сухум. 2012. С. 45; Гублия Р. К. Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык. ... С. 189 – 190.

только на юг, но и на север»¹. Эти переселения из Абхазии в Закубанье, согласно источникам, происходили уже с V–VI вв. (видимо, со становлением раннесредневекового абхазского государства, расширением его границ, связано и прекращение существования в последней четверти VIII в. могильников ругов-русов в Северо-Восточном Причерноморье)². Число этих переселенцев, по всей видимости, «увеличивается в X–XII вв...»³. Указание на то, что абхазское население в раннем средневековье имело возможности для колонизации не только на юго-востоке, но и северо-западе, мы находим в книге об управлении Византийской империей при императоре Константине, написанной его сыном, о том, что во времена Константина (середина X в.), как и во времена Прокопия Кесарииского, на Черноморском побережье Кавказа были известны только два больших народа: абазги и зихи (адыги)⁴.

Границы расселения последних к X веку смещаются к северо-западу. При этом их южная граница проходила в районе Нечепсухо (между Туапсе и Джубгой), а северная – продвинулась к устью Кубани. Константин Багрянородный помещал Зихию между устьем Укруха (Кубани) и рекой Никопсисом (Нечепсухо), на которой был одноименный город Никопсис (ныне Новомихаиловское, в 20 км севернее г. Туапсе). Южнее Никопсиса этот автор размещает Абазгию⁵.

Важным свидетельством существования в период раннего средневековья на территориях нынешних Туапсинского, Лазарев-

¹ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 208. При этом, оформление северо-западной политической границы Абхазии, согласно сообщению Джуаншера, произошло еще в первой половине VIII в. при Леоне I. Северной границей его владений в источнике значится р. Хазарская (р. Кубань) (Джуаншер Джуаншериани. Житие и деяния Вахтанга Горгасала // Сообщения средневековых грузинских письменных источников... С. 31).

² Дмитриев А. В. Могильник Великого переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. – 1979. Вып. 158. С. 52–57.

³ Алексеева Е. П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л., 1969. С. 26.

⁴ Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. – Сухуми. 1937. С. 19; Ворошилов В. И. История убыхов... С. 29–30.

⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империй. – М. 1991. С. 177, 404.

ского, Сочинского и Адлерского районов Краснодарского края единого культурного массива, служит тот факт, что в районе крепостей и храмов на территории Большого Сочи, датируемых в основном периодом VII—IX вв., найдена многочисленная так называемая «скотоводческая» пористая керамика, характерная и для одновозрастных крепостей соседней Абхазии (Анакопийской, Калдахуарской, Псхувской). Одновременно сухая кладка краснополянских крепостей аналогична кладке циклопических крепостей позднеантичного времени, характерных для центральной Абхазии¹.

Сообщения письменных источников о миграции потомков апсильов и санигов на равнины Закубанья, находят свое подтверждение в археологических материалах. Так, по предложению Н. Г. Ловпаче², на перемещение определенной части абхазов на левобережье Кубани в раннем средневековье, указывает наличие на днищах закубанских сосудов орнаментально-культовой символики, характерной для цебельдинской культуры. На это же указывает и наличие общих абхазо-абазинских тамг в закубанских могильниках³; на днищах сосудов фигурируют тамги абхазо-абазинских фамилий Цыб-ипа, Чадиг, Чачева, Ширанбей, Тамбиевых, Кишмаховых, Пилия и др.⁴.

Большое значение в миграции абхазов на север должны были иметь политические связи Абхазии с Хазарским каганатом, закреплённые браком абхазского царя Константина II на хазарской принцессе⁵. Поэтому движение некоторой части апсильов и санигов в сторону Кубани, считает Н. Г. Ловпаче, могло быть санкционировано хазарским царем, который рассматривал бассейн р. Кубани как шесть климатов (областей – О. М.), платящих ему дань⁶. Еще ранее А. В. Гадло владение абхазскими царями терри-

тории до р. Кубань также объяснял передачей правительством Хазарии (при заключении династического брака) абхазскому владетелю каких-то феодальных прав на территорию Малой Хазарии¹. Согласно же сообщению Джуаншера, еще Леон I получил территорию до р. Хазарской (р. Кубань) от византийского императора Льва Исавра².

Вряд ли, однако, «река Хазарская» могла быть границей Абхазии, так как тот же Константин Багрянородный четко указывает, что северная граница Зихии³. Леонтий Мровели упоминает на границе Абхазии и Джигетии (Зихии) город Никопсию.⁴

Тем не менее, не следует, очевидно, исключить того, что владения абхазских царей в X в. порой доходили до Кубани «в зависимости от успехов политической экспансии»⁵. Это же обстоятельство находит свое отражение и в абхазских народных преданиях. Согласно одному из них, при царе Георгии II (929–957) границы Абхазии доходили до устья р. Кубань, неподалеку от которой Георгий построил крепость и назвал ее «Анапа», наименование которой акад. Н. Я. Марр производил от абхазского слова *ананы* – рука⁶. О том, что Анапа (ср. с древнеабхазским божеством земледелия – Анапа-нага), располагавшаяся на территории исторической Зихии, в период правления Георгия II входила в состав Абхазии есть указание и в летописи «Матиане картлиса»⁷. С этой точки зрения, название Анапа, до которой могла доходить политическая граница Абхазского царства, возможно, свидетельствует и о том, что в этом районе был воздвигнут абхазский флаг с изображением руки, ладони? (рука по-абх. – «ананы», ладонь – «анасыргуга»).

¹ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа... С. 197.

² Джуаншер Джуаншерияни. Житие и деяния Вахтанга Горгасала // Сообщения средневековых грузинских письменных источников... С. 31.

³ Константин Багрянородный. Об управлении империй... С. 177, 404.

⁴ Мровели Л. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана // Пер. с древнегруз., предис. и коммент. Г. В. Цулая. – М. 1979. С. 33.

⁵ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 111, 117.

⁶ Марр Н. Я. О происхождении имени Анапа // Марр Н. Я. О языке и истории абхазов. – М., – Л., 1938. С. 95; Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1968. С. 301.

⁷ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 111.

¹ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии... С. 47 – 48.

² Ловпаче Н. Г. Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья... С. 56 – 59.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ловпаче Н. Г. Абазино - абхазский компонент... С. 56 – 59.

⁶ Там же. С. 59.

(Как ныне установлено, средневековые абхазские флаги, на своем красном полотнище имели изображение ладони левой руки)¹. Во всяком случае, приведенные выше археологические материалы о переселении части предков абхазов на левобережье Кубани, указывают, очевидно, на то, что среди адыгского населения раннефеодального времени, проживавшего в районе Анапы, присутствовал и абхазский этнический элемент² (по мнению С. Хотко «в отдельные периоды крайние западные пределы царства Абазгов достигали Туапсе и в этой связи можно предположить, что в состав этого политического образования входили какие-то зихские племена»)³. Ими, несомненно, могли быть и воинские контингенты, которые предназначались для охраны северо-западных границ Абхазского царства. Данное положение согласуется с утверждением о том, что «в VII–IX вв., правители Абхазского царства, безраздельно господствовали в равнинном Закубанье».⁴

Вхождение же этих земель или их объединение с Абхазией облегчалось по всей вероятности и тем, что здесь проживали кровнородственные абхазам адыгские племена, поэтому и абхазская экспансия на эти земли проходила большей частью мирным путем. Аборигенное же население этих мест, несомненно, должно было переходить на язык более сильного и влиятельного соседа. Это подтверждается исследованиями Л. И. Лаврова, который указывает, что в период абхазской экспансии происходила ассимиляция абхазами некоторых мелких северо-западных от Абхазии разноразличных этнических групп⁵. Согласно В. И. Ворошилову, жившее на территории от Большого Сочи вплоть до района Анапы-Новороссийска многочисленное аборигенное население в период раннего средневековья (VI–X вв.), подверглось сильной абхазизации⁶.

¹ Григолия И. По дорогам Турции//Омар Бигуаа: Письма в Абхазию (70–80-х годов XX века). Сост. и автор предисл. И. Р. Марыхуба (Мархолия). – Сухум. 2006. С. 55.

² Марр Н. Я. О происхождении имени Анапа... С. 96.

³ Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время... С. 56.

⁴ Ловпаче Н. Г. Абхазо-абазинский компонент... С. 59.

⁵ Лавров Л. И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946, №4. С. 204; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 406.

⁶ Ворошилов В. И. История убыхов... С. 47, 81–82.

Речь должна идти, в том числе о прибрежных убыхах, тогда как горные убыхи, проживая вдали от основного распространения абхазского языка, вряд ли могли быть ими ассимилированы¹. Едва ли, однако, подлежит сомнению тот факт, что влияние Абхазии в период Абхазского царства было велико, и это должно было сказаться и на языке соседних с абхазами обществ². Что касается наконец, мотивов территориального расширения Абхазского царства в северо-западном направлении в VIII – X вв., то в его основе, вероятно, лежали экономические интересы, а именно, желание поставить под свой контроль богатые хлебные районы левобережья Кубани и извлечение выгод из экспортной торговли.

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные свидетельства указывают на то, что политическая северо-западная граница Абхазского царства в середине X в. непосредственно соседствовала с русским Тмутараканским княжеством на Таманском полуострове³.

Акад. Н. Я. Марр в связи с этим обращал внимание на то немаловажное обстоятельство, что, например, армянские источники X века часто помещают Россию рядом с Абхазией, а царей России и Абхазии изображают в одинаковых одеждах⁴. Определенные параллели находятся и в некоторых других элементах материальной и духовной культуры славян и абхазо-адыгов.

Например, как и абхазо-адыги, женщины руссов носили корсеты. Абхазские воины в прошлом носили прическу в виде пучка волос, оставляемого на макушке «ахыцэкукун»⁵ (этот обычай

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... С. 369.

² Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик. 2009. С. 33–42.

³ Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. – М., 1889. С. III – IV; Жордания Ф. Хроника абхазских царей // Духовный вестник Грузинского экзархата, №№ 13–14. – Тифлис. 1902. С. 7; Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников (Историко-культурологический анализ). Дисс. в виде научного доклада на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум. 2007. С. 74–84.

⁴ Бартольд В. В., Смирнов Я. И. 1916. Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани // ЗВРАО. Т. XXIII. С. 373 – 411; Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время... С. 145.

⁵ Они все, т. е. абхазы, писал, например, французский коммерсант Поль Гибаль, «бреют голову и только посередине оставляют чуб» (Материалы по истории Абхазии (1803–1839). Т. I. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум. 2008. С. 148; Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982. С. 93).

вплоть до XIX в. был и у адыгов). Точно такую же прическу имел и князь Святослав. Руссы имели фундучные знамена, исключительно характерные для абхазов и адыгов. Похоронный обряд руссов аналогичен абхазо-адыгскому¹. Совпадает в деталях культ коня. Как и абхазо-адыги, руссы практиковали аталычество (fosterage) – систему приемного родства². Руссы в Крыму и на Хортице имели культ священных деревьев, заимствованный ими, согласно Г. Вернадскому, у черкесов и абас-жан³. Вызывают интерес и такие, например, лексические параллели: русск. «лаять», абх. «ала», абаз. «ла» – собака; русск. «рать», абх. «ар» (войско); русск. «парус», абх. «апра», восходящее к архаичной абхазо-адыгской основе со значением «летать», и др.

Вс. Миллер видит в «Тмутаракани центр, в котором завязывались самые живые и бойкие сношения Руси с соседними тюркскими и кавказскими народностями... Благодаря своему приморскому положению... здесь проживали и представители воинственных кавказцев, которые всегда вместе с тюрками давали обильный контингент в дружины, набираемые в Тмутаракани русскими князьями для походов на Русь в борьбе из-за уделов⁴. На основании приведенных данных становится более очевидным существование политико-экономических и культурных контактов абхазов с русскими славянами. По мнению некоторых исследователей, экономические и культурные сношения Абхазии с Древней Русью через Таманский полуостров впервые завязываются именно в X веке⁵.

Однако первые контакты между русскими и абхазами, все же следует отнести к более раннему периоду. В этой связи исследователи указывают, что отношения Руси с Абхазией начались, очевид-

но, еще в IX в., во время могущества Хазарского каганата, в зону влияния которого входили и Южная Русь, и Абхазия¹.

В 993 году одна из периферийных хроник дает указание на нападение руссов на пределы Абхазии. Очевидно это неизвестный поход тмутараканских руссов на западные пределы Абхазского царства, ближе к устью Кубани².

По другим данным, древнерусские дружины под предводительством князя Мстислава Тмутараканского (прозванного Уда-лым), в начале XI в. появились на территории современной Гагры³. Согласно источнику, князь руссов часто воевал «с соседними кавказскими народами: ясами (осетинами), касогами (черкесами) и обезами (абхазцами)»⁴. По другим данным «из Тмутаракани русские князья собирали дань с хазар, ясов, касогов, обезов»⁵.

Хотя появление славян в указанное время на территории современной Абхазии и на Кавказском побережье, вероятно, было связано с теми войнами, которые киевский князь вел с зихами (касогоми) и аланами (осами)⁶, было неизбежно установлением каких-то связей с местным населением. Тем более, что причерноморские касоги обитавшие в районе совр. Туапсе входили в Абхазское царство. Во всяком случае, создавая Тмутараканское княжество на пороге страны абхазов, киевский князь Святослав, судя по всему, учитывал реальные политические силы в окрестностях Тамани, где абхазы занимали далеко не последнее место⁷.

Активное культурное и политическое сотрудничество Абхазии («Обезъ» русских летописей) с Древней Русью подтверждается многими источниками X – XII вв. Так, Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцев в 1856 г. записали в Саратовской губернии фольклорный сюжет «Сказания о Лукояне Берендеевиче», который бывал

¹ См.: Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь. – М., 1977. С. 329, 332; Хотко С. Х. Указ. раб. С. 145.

² Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. – М., 1961.

³ Вернадский Г. В. Древняя Русь... С. 332.

⁴ См.: «Проблема отношений всей России с Кавказом». Цит. по: <http://www.neuch.ru/referat/29160.html>

⁵ Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1963. С. 433; Русские в Абхазии. – Сухум. 2011. С. 17–18.

¹ Кожин В. История Руси и русского слова. – М., 2001. С. 206–207; Папаскир А. Л. Обезы и их грузинские истолкователи. – Сухум. 2004. С. 74–75.

² Чачхалиа Д. Хроника абхазских царей...

³ Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии... С. 233.

⁴ Романовский В. Е. Очерки из истории Грузии. – Тифлис. 1902. С. 131

⁵ См.: Очерки истории СССР. Ч. 1. – М., 1953. С. 88.

⁶ Дьячков-Тарасов А. Н. Гагра и его окрестности ... С. 44.

⁷ Папаскир А. Обезы и их грузинские истолкователи... С. 80.

в Обезском царстве¹. На основании этого, исследователи предполагают, что между абхазским правителем Багротом и русским правителем Владимиром было соглашение, в котором указывалась необходимость наличия удостоверяющего документа от правителей для людей, посещающих их страны². Историческая достоверность абхазо-русских дружественно-соседских отношений отразилась не только в устном народном творчестве русского народа, но и в абхазском фольклоре³.

В то же время следует отметить, что существует немало исторических фактов и свидетельств о походах и абхазов в пределы территории русских славян. Так, согласно одному из фамильных преданий, старые абхазские аамста (дворяне) «водили в лихие набег в Закубанье»⁴. При этом, военные походы далеко за пределы своей родины абхазы совершали не только с целью захвата добычи и приобретения славы, но еще, несомненно, и для завязывания новых контактов и связей с соседними народами.

Некоторые сведения о контактах и путях сообщения абхазов с Киевской Русью содержатся в известиях 1153–1154 гг. русских летописей, где сказано: «обезы (абхазцы), нар. на Кавказе... из их страны едут в Киев по Черному морю и Днепру»⁵. Следовательно, мы с полным основанием можем говорить, что между иностранными гостями, бывавшими в Киеве в X–XII вв., находились и абхазы. Хотя трудно сказать, были ли подобные поездки абхазов в Киев регулярными и частыми не только по причине расстояния, но и потому, что этому мало благоприятствовала внутривосточная обстановка в столице Древней Руси, которая характеризуется, согласно летописям, осложнением, борьбой за Киев между князьями, переходом его из рук в руки, частыми осадами и разгромом его Андреем Боголюбским в 1169 г.⁶ В любом случае, ис-

¹ Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией... С. 252.

² Там же.

³ Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе... С. 408 – 409.

⁴ Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум-кале». – Сухуми. 1988. С. 41.

⁵ Указатель к восьми томам ПСРЛ. – СПб., 1907. С. 318.

⁶ ПСРЛ. Т. II. – СПб., 1908. С. 545.

точники свидетельствуют, что, например, возведенный в 1030-х гг. в Киеве храм Святой Софии, типологически связан с пятинефным Моквским храмом в Абхазии¹.

В Патерике Киево-Печерской лавры (XIII – XV вв.) содержится факт о том, что в период строительства великой Лаврской церкви (80-е годы XI в.) в Киев прибыли мастера греки и обезы², которые привезли мусию, материал для мозаики, которым и был украшен алтарь храма³. Хотя этот материал был привезен для продажи, однако, прибывшие мастера, увидев чудеса искусства, творимые в Киеве Антонием и Феодосием, решили пожертвовать его храму⁴.

Это сообщение может быть подтверждено и тем, что в самой Абхазии, по указанию специалистов, изготовление мозаик имело давнюю традицию и находилось на очень высоком уровне⁵.

Имеются вместе с тем, серьезные основания полагать, что материал для мозаик изготавливался в самом Киеве, где в ходе археологических раскопок обнаружены остатки мастерской по производству стекла и смальты для мозаик⁶. Эти данные, однако, не противоречат тому, что материал для мозаик завозили и из страны обезов по следующим причинам. Для исполнения мозаичных работ на месте подбирали необходимые камни. Если их не оказывалось на месте, или если необходимых камней не доставало, их завозили. В любом случае, анализ пицундской мозаики и остатков

¹ Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией... С. 252.

² Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 417; Папаскир А. Л. Обезы и их грузинские истолкователи... С. 73, 91.

³ Патерик Киево – Печерского монастыря – СПб., 1911. С. 8; Шмидт Ф. О Тмутаракани // Материалы по истории Абхазии. 1. С. 4; Чачхалия Д. Абхазская православная церковь... С. 22, 55–56. См. также: Абхазское искусство. – Сухум–Санкт-Петербург. 2004. С. 17; Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе... С. 344 – 345.

⁴ Патерик Киево – Печерского монастыря. Там же; История русского искусства. Т. 1. – М., 1953. С. 212; Чачхалия Д. Абхазская православная церковь... С. 57.

⁵ Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика // ВП. Т. 3. – Тб., 1978. С. 169–188; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории... С. 299–301.

⁶ Шапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений // ВВ. Т. XIX. 1961. С. 60–71; Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985. С. 156, 157.

средневековой стенной мозаики в Сухумской крепости, дали основание искусствоведам заключить, что на территории Абхазии имелся очаг мозаичного производства, как это было в определенных пунктах Европы, Малой Азии и Северной Африки, и потому сообщение «Патерика» о привозе смальты в Киевскую Русь «из обезы» имеет под собой реальную почву¹.

К сказанному выше следует добавить, что абхазские художники участвовавшие в росписи Печорского монастыря в Киеве, по завершению работы приняли монашество и остались в указанной обители².

Не без основания в научной литературе принято считать и то, что в киевский период имело место оседание и ассимиляция в абхазо-адыгской среде представителей славянского этноса³: абхазо-адыгское и славянское взаимодействие в этот период, несомненно, имело место на многих плоскостях этнокультурного процесса⁴.

Судя по огромной территории распространения керамики крымско-кавказского производства, культурно-исторические связи между древними абхазо-адыгами и славянами были, вероятно, весьма интенсивными и осуществлялись по водным артериям, что было, очевидно, явлением вполне естественным в условиях развитых традиций мореходства как у абхазо-адыгов, так и у славян.

В связи с вопросом абхазо-славянского культурно- исторического взаимодействия, некоторые авторы полагают, что «в Днепровской, Полтавской, Черкасской и других областях Украины до сих пор встречаются фамилии «абхазского происхождения»: Абаза, Кужба, Бабий, Гужва, Мазепа (?), Чич, Шемет и другие»⁵.

Следует, однако, заметить, что перечисленные выше фамилии, за исключением, может быть Абаза (которая, несомненно, является

¹ Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика... С. 188. Еще раньше о существовании в Пицунде местной школы мастеров мозаики писал Л. А. Мацулевич. См. его работу: «Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте» // ВДИ, № 4. 1956.

² Чачхалия Д. О живописцах греках и абхазах, писавших и почивших в Киеве, в монастыре Печерском // Православная Абхазия, №2. 1997. С. 3; Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией... С. 252.

³ Максидов А. А. Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья... С. 17.

⁴ Там же.

⁵ См.: Абхазия. Новый путеводитель. Автор путеводителя: Давид Дасания. – Майкоп. 2008. С. 51.

ся фамилией этнического происхождения, производной от абазг-абхаз), а также Лейба (и ныне встречающейся на Украине), имеют, по нашему мнению, лишь формальное совпадение с абхазскими, почему считать их абхазскими по происхождению, вряд ли имеются какие-либо основания.

В то же время территориальное соседство абхазов с Тмутараканским княжеством давало возможность не только отдельных инфильтрации, но, и, надо полагать, более значительных миграции абхазов и адыгов на славянские территории. Не последней причиной этому служило, очевидно, и то обстоятельство, что в XII в. город Тмутаракань, по описанию аль-Идриси, представляла цветущий город, окруженный возделанными полями и виноградниками. «Его владыки очень сильны, мужественны, благоразумны и решительны»¹. Их почитают за смелость и господство над соседями. Это большой город с множеством жителей, с процветающи-

¹ И. Г. Коновалова указала на ошибку, допущенную во французском переводе сочинения ал-Идриси: «К сожалению, весьма распространенное в литературе утверждение о том, что в сочинении ал-Идриси упоминаются правящие Тмутараканью князья из «династии Олуабас», является результатом недоразумения, возникшего вследствие того, что Б. А. Рыбаков опирался не на арабский текст «Нузхат ал-муштак» (Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак) или «Развлечение истомленного в странствии по областям», 1154 г. –О. М.), а на его французский перевод, в котором переводчик допустил в данном случае ошибку. Выражение улу ба'с шадид, начало которого П. А. Жобер принял за название династии, на самом деле является сказуемым именного предложения, где в качестве подлежащего выступает слово «владыки» (мулук), а предложение в целом буквально означает: «Его (города. – И. К.) владыки – обладатели силы, мужества, благоразумия и решительности». Ошибка П. А. Жобера была исправлена Б. Недковым, давшим верный болгарский перевод отрывка еще в 1960 г., однако даже те, кто ссылается на издание Б. Недкова, продолжают и по сей день пользоваться неправильным переводом П. А. Жобера и Б. А. Рыбакова» (Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. – М., 1999. С. 169). На основе этой ошибки Б. А. Рыбаков сделал вывод о княжении в Таматархе / Тмутаракани русских князей из династии Ольговичей; М. С. Тхайцухов – абазинских князей Лоовых, а А. П. Новосельцев, В.Т. Пашуто и А. Л. Папаскир – абхазских или абхазо-абазинских князей (Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси ... С. 169; Новосельцев А. П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. –М., 1967. № 3. С. 107; Папаскир А. Л. Обезы в древнерусской литературе...С. 152; Тхайцухов М.С. Абазинское зарубежье. – Черкесск. 2003. С. 7. Об этом см. также: Озова Ф. А. К вопросу о происхождении княжеской династии Черкессии // Археология и этнология Северного Кавказа. 1 выпуск. – Нальчик. 2012. С. 147, 157).

ми областями; там имеются рынки и [устраиваются] ярмарки, на которые съезжаются люди из самых отдаленных соседних стран и близлежащих округов»¹.

§4. Развитие торговых связей Абхазии в VIII–X вв.

С конца VII в., в истории Абхазии имеет место значительное усиление экономической и политической мощи государства², которое стало еще более сильным после изгнания арабов³. С конца VIII века внешняя торговля переходит под контроль абхазских царей и регулируется на основе местных правил. Государство больше не выступает в роли пассивного поставщика. Морской флот (силы береговой охраны) и армия царства⁴ контролировали побережье Восточного берега Черного моря и перевалы, по которым шли торговые пути.

Следствием образования самостоятельного государства стало не только расширение его территории, но и упрочение позиции торговли и обмена, чрезвычайно важных для экономики общества. С этого времени, по всем данным, происходит постепенное усиление царства, создаются условия и стимул для развития народного хозяйства, в результате чего оно участвует в широком международном обмене⁵.

Есть основания считать, что в структуру торговли Абхазского царства входил не только внутренний и внешний, но и государственный и частный, мелкий и крупный товарообмен; разнообразным был, надо полагать, и набор товаров, имевший хождение на рынке. Крупные абхазские профессиональные торговцы (абх.

¹ Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // ТКАС. Т. II. – Казань. 1891. Отд. VII. С. 294; Зевакин Е.С. и Пенчко Н.А. Очерки по истории геноуэзских колоний... С. 126; Омельченко И. Л. Терское казачество. – Владикавказ. 1991; Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси ... С. 167, 168.

² Гунба М. М. Атарские гончарные печи... С. 47.

³ Там же.

⁴ Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников... С. 50, 62, 80.

⁵ Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934. С. 80, 84.

аҭуц̣ьарц̣ьәа), занятые по преимуществу отдаленной внешней торговлей, находились на службе у царского двора, были, по сути, и его торговыми агентами (кстати сказать, к X в. относится первое упоминание о купечестве, например, и в Киевской Руси, а в Европе, начиная с указанного столетия, постепенно протекал процесс урбанизации, сопровождавшийся неизбежным ростом торговли и подъемом класса торговцев).

Нужно также полагать, что крупные абхазские профессиональные торговцы получали товар со складов, с тем, чтобы продать или обменять его за пределами страны. Впрочем, товар, который предлагали купцы, был, очевидно, не только царский: они вывозили и свой, совмещая, таким образом, государственную и частную коммерцию.

Если в предшествующие времена внешний обмен совершался через иностранных купцов, то в период Абхазского царства и сами абхазы предпринимали торговые поездки в чужие страны. Хотя прямых письменных указаний на этот счет у нас нет, но имеются сведения по адыгским народам, часть из которых в X в. проживала на территории Абхазского царства. Так, арабский автор X в. Масуди, указывает, что среди многочисленных иноземных купцов, съезжающихся в Трапезунд, часто бывают торговцы из адыгов-касогов, причем они приплывают туда на кораблях, которые снаряжаются у них¹. Это можно отнести и к абхазским купцам, которые в период существования Абхазского царства, несомненно, бывали в чужих странах. Об этом свидетельствует и одно историческое предание, согласно которому, население проживавшее у современного Нового Афона, и в частности, представители рода Смыр, являлись известными купцами и на своих судах плавали в Турцию, Египет по торговым делам². Такая ситуация, безусловно, должна была способствовать и пополнению государственной казны (в которую поступали большие доходы и от пошлин, взимавшихся

¹ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков... С. 206; Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. С. 105–106.

² Инал-Ипа Ш. Д. Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении. (Материалы с комментариями)... С. 246.

с купцов), а, следовательно, и экономическому развитию царства, расцвету его городов – Севастополиса, Питиунта, Анакопии и др.

На это последнее обстоятельство (о богатстве некоторых абхазских царей, умножавших его, надо полагать, и посредством торговли) имеется указание в «Летописи Картли». Там сообщается, что Баграт IV (правил в 1027–1072 годах) был «богатеиший из всех царей Абхазии». После смерти Баграта, при его наследнике – сыне Георгии II, противники царской власти подняли восстание, и, как сказано в летописи, один из «главарей царства» «присвоил казну кутатисскую»¹. Вообще же имеющиеся сведения дают некоторое основание считать, что основной тенденцией, определившей экономическое развитие Абхазского царства в этот период, являлось развитие денежной экономики. Некоторые сообщения письменных источников, также хотя и косвенно, но, тем не менее свидетельствуют об усилении в этот период в Абхазии монетного обращения. Так, Георгий Мерчуле сообщает, что абхазский царь... духовному «отцу Григолу и его сподвижникам подарил десять тысяч драхм и осыпал их всеми благами...»².

Тенденция к развитию денежной экономики и, ее преобладание, очевидно, над натуральным хозяйством, в значительной степени, несомненно, было связано с инициативой абхазского государства, использовавшего такие методы экономической и торговой политики, как система торговых и налоговых привилегий, создание монополий, денежное налогообложение и т. д.

В VIII–X вв. в Абхазском царстве и собственно Абхазии, как считается, основным платежным средством были византийские монеты³, тогда как в Картли в обращении были арабские монеты⁴.

¹ Летопись Картли... С. 77.

² Георгий Мерчуле. Жизнь Григола Ханцтели. Хрестоматия древнегрузинской литературы. Сост. С. Кубанейшвили. Т. I. 1946. С. 115. О денежном обращении у абхазов свидетельствует и тот факт, что еще ранее, абазги за выдачу им спафария Льва Исавра, предложили аланам шесть тысяч золотых номисмов (Fheorphanis Chronographis, rec/ C/de Boor. I – II. – Lipsiae, 1883–1885. Hildesheim, 1963. С. 20).

³ Трапш М. М. Труды. Т. IV... С. 103; Шамба С. М. Клад византийских монет из Сухуми // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985. С. 78–85.

⁴ Джалагония И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. – Тб., 1979. С. 105–122.

Эти монеты выступали в роли местной, так как служили местному назначению и широко использовались на внутреннем и внешнем рынках. Вместе с тем, в некоторых «варварских» странах (например, в Хазарии) наряду с византийскими, вводили в обращение монеты собственного чекана¹. В Абхазии же, по мнению исследователей, подобные денежные единицы не изготавливались².

Однако письменные материалы не позволяют согласиться с подобной точкой зрения. Имеем в виду утверждение Д. Ланга о том, что в средние века в Абхазии обращался золотой гиперпирон весом в один мискал в качестве платежного средства. «Эта монета, – указывает Д. Ланг, – имела хождение в землях абхазов и является денежной единицей их отцов»³.

Этой цитатой пока что и ограничиваются наши сведения по указанной монете. Однако, очевидно, что она участвовала в денежном обращении средневековой Абхазии и, видимо, имела совместное с византийской монетой, хождение. Вместе с тем, вполне логично было бы предположить, что золотой гиперпирон стал выпускаться абхазскими царями с созданием самостоятельного Абхазского государства и необходимостью проведения собственной экономической и торговой политики.

Как было указано, в освобождении Абхазии от византийского протектората помощь ей оказали хазары. Но, несмотря на выход Абхазии из подчинения Византии, престиж императорской власти и авторитет патриарха был достаточно велик, чтобы оказывать, надо полагать, влияние на политику абхазских царей в очень многих случаях. Не давали Абхазии серьезно оторваться от Византии и общие с империей сухопутные и морские границы (а на востоке Абхазскому царству противостояли сильные мусульманские государства). Поэтому на протяжении всей истории Абхазского царства прослеживается сохранение преимущественно политической и культурной

¹ См.: Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. – М., 1974. С. 27.

² Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 218.

³ Lang D. M. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. – London. 1965. Аджинджал Е. К. Из истории Абхазской государственности... С. 15.

ориентации на Византию, а значит и приоритетное во внешней торговле направление, более предпочтительное для товарообмена.

Письменные источники свидетельствуют, что с VIII в. в Средиземноморье устанавливается арабское господство, в результате чего Константинополь на достаточно долгий период оказывается отрезанным от Западного Средиземноморья¹. Такое положение вело к упадку экономических связей империи с внешним миром, ослаблению ее экономических связей со странами вообще Восточной Европы². Торговые связи Восточного Причерноморья со Средиземноморьем, тем не менее, осуществлялись, хотя, надо полагать, в меньших масштабах и, по-видимому, уже, главным образом, благодаря сухопутным дорогам. Об этом может свидетельствовать, единственный в своем роде факт, приводимый в письменных источниках о том, что византийский автор Константин Порфирогенет в первой половине X в., имея в виду город-крепость Артанучи (Артануджи) в бассейне р. Чорохи, писал: «сюда стекаются товары из Трапезунда, Иберии, Абазгии и всей Армении и Сирии. Этими товарами здесь ведется большая торговля...»³.

В середине X века Византия восстанавливает свой контроль на морских путях, шедших по Эгейскому морю и связывавших Константинополь со странами Средиземноморья. Вместе со стабилизацией и внутри, и внешнеполитической обстановки в Византии оживляется городская жизнь. Ремесло и торговля вступают в полосу бурного подъема. Возрастает объем внешней торговли, усиливается денежное обращение, а в Причерноморье и Восточную Европу начинается новый приток произведений византийского ремесленного производства.

М. М. Трапш и О. Х. Бгажба отмечают, что в VIII – XI вв. из Византии и Крыма в Абхазию поступала импортная тарная керамическая посуда различных типов. Это подтверждается, например, выявленными в Анакопии пифосами с горизонтальными же-

лобами – каннелюрами для усиления стенок посуды и в качестве орнаментирующего начала¹.

Указанные амфоры имеют слегка вытянутый и суживающийся к низу круглодонный корпус с массивными «гребенчатыми» ручками круглого или овального сечения, высокое горло, частично отогнутый венчик, округлое днище². На поверхности одного амфорного черепка из Анакопии имелся вдавленный штамповый орнамент в виде розетки с 11 лепестками, а на обломке ручки одной из посуды сохранилось изображение знака мастера, напоминающего восьмерку³.

Основная часть анакопийских амфор обнаруживает сходство с аналогичной посудой, происходящей из средневековых поселений Северного Причерноморья; из мастерских Крыма и Византии в средневековую Абхазию нередко привозили и материал для производства амфор⁴, в том числе, например, один из красителей, использовавшийся при изготовлении поливной керамики – кобальт ввозился из Ирана, так как его в средневековой Абхазии и соседних регионах не было. В IX–X вв. в Абхазское царство привозили и кувшины с плоскими ручками, характерные для средневекового Херсонеса, Боспора, Саркела и Тамани⁵.

Помимо амфор и кувшинов, в указанный период в Абхазию продолжали привозить кирпичи, которые, по характеру бортиков аналогичны черепице Северного Причерноморья⁶.

В период Абхазского царства, как следует из вышеприведенных данных, тесные политико-экономические связи поддерживались с Хазарским каганатом. Собственно экономическое состояние Хазарского каганата в период расцвета и наивысшего политического подъема Абхазского царства, т. е. в первой половине X в., согласно общепринятому мнению, находилось на весьма низком

¹ Ahrweiler H. Byzance et la Mer... С. 97.

² Древняя Русь. Город. Замок. Село... С. 393.

³ Георгика. Т. IV. Вып. II. – Тб., 1952. С. 278–280; Лившиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. – М.–Л., 1961. С. 95; Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. С. 205.

¹ Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии... С. 14–15.

² Трапш М. М. Труды. Т. IV... С. 139; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии... С. 14–15.

³ Трапш М. М. Труды. Т. IV... С. 152; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу... С. 14.

⁴ Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу... С. 13–14.

⁵ Там же.

⁶ Трапш М. М. Труды. Т. IV... С. 141–142; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу. С. 37.

уровне. По свидетельству Масуди, «страна хазар не производит ничего, чтобы вывозилось на юг, кроме рыбьего клея, ибо мед, воск, меха, которые Персия получает из Хазарии, ввозятся туда из Руси, Булгар и Киева»¹. По словам Ибрагима Ибн Якуба, евреи (исключительно в руках которых находилась торговля Хазарии) вывозили из славянских стран главным образом, славян-военнопленных для продажи в рабство, а также юношей, девушек и детей для разврата и гаремов. Практиковалась торговля кастрированными славянскими юношами и детьми. Для кастрации евреи оборудовали в Каффе (Феодосии) специальные заведения².

Л. Н. Гумилев, основную причину падения экономики Хазарского каганата видел в резких климатических изменениях. В начале X в. на севере Восточной Европы на протяжении довольно длительного времени шли обильные дожди, что в конечном итоге привело к подъему уровня Каспийского моря. В результате этого природного катаклизма хазарские поля, пастбища и рыбные угодья оказались под водой. Экономика каганата рухнула (хотя и не пришла в полный упадок). Хазары потеряли две трети своей территории, и, следовательно, и свои богатства³.

Сложившееся обстоятельство заставило каганат существовать за счет эксплуатации торговых путей, взимая пошлины с проходящих караванов⁴. По этому поводу Б. А. Рыбаков пишет: «...государство хазар, жившее за счет таможенных пошлин, держало в своих руках все выходы из Восточной Европы на Восток в страну гузов, Хорезм и остальные владения Халифата. Хазарский каган брал большие пошлины при проезде и возврате, а в случае благоприятного для него соотношения сил просто грабил возвращавшиеся караваны, как это было в 913 году»⁵.

¹ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. – СПб., 1870. С. 133; Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 116.

² Хазарский каганат. <http://www.hrono.ru/land/landh/hazaria.php>.

³ Гагин И. А. Волжская Булгария: от посольства багдадского халифа до похода князя Святослава (X в.) // ВИ, № 3. 2008. С. 131–142.

⁴ История народов Северного Кавказа... С. 129.

⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. – М., 1982. С. 375; История Кубани. С древнейших времен до конца XIX века... С. 52. Большие пошлины, которыми хазары облагали иностранных купцов, были для последних

Таким образом, к началу X в. экономика Хазарии опиралась только на широкие международные торговые связи, при этом главную роль играла транзитная торговля, нередко спекулятивная перепродажа.

Уместно в этой связи вспомнить, что сам этноним «хазар» (адыгск. «къэзэр») вошел в некоторые северокавказские языки (осетинский, кабардинский) в значении «скупой», «дорогой», «торгаш», «продающий» по высокой цене, дорого запрашивающий за свои товары и неуступчивый в цене»¹. Подобная характеристика хазар была связана, несомненно, с той торговой ролью, которую они играли как посредники между Востоком и Западом.

В указанную эпоху, как мы полагаем, экономические связи, поддерживались также с различными регионами Закавказья. Уже отмечалось о проживании абхазов на территории Южного Азербайджана, попавшее сюда в результате переселения в раннем средневековье².

Связи абхазов с территорией современного Азербайджана, как и с другими областями Закавказья, очевидно, поддерживались и в последующие века. Определенное указание на это мы находим у А. В. Фадеева, который писал: «Абхазские кони, топот которых слышался в долинах... Куры и даже в азербайджанских степях, протаптывали пути для византийских купеческих караванов, движущихся на Восток»...³.

Несмотря на то, что вопросы торговых отношений с землями нынешнего Азербайджана, не нашли более отражения в письменных источниках, на помощь исследователям приходит абхазский языковой материал, дающий возможность реконструировать политико-культурные и экономические связи Абхазского государ-

крайне обременительны, и поход войска Святослава против основных хазарских городов (968/969 гг. по Ибн Хаукалю) был вызван и данными экономическими причинами (Новосельцев А. П. Хазарское государство... С. 116).

¹ Абаев В. И. Этноним «хазар» в языках Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXVII. – Орджоникидзе. 1968. С. 216–218; Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989. С. 74.

² См.: Гожба Р. Кавказская диаспора // Эхо Кавказа, 1993, № 3. С. 10.

³ Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. (Очерки по истории береговой торговли XVI – XVIII вв.). – Сухум. 1933. С. 30,

ства того времени. В связи с этим, обращает на себя внимание существующее в абхазском языке слово «шамахамзар», что переводится как «за редким исключением», «очень редко» являясь, таким образом, указанием на редкость, в том числе, например, товара. Абхазы говорят: шамахамзар – шамахантәи иааумгар, уаха иаба-ауго, «если не привезешь из Шамахи (Шемахи), то откуда больше привезешь». Следовательно, в слове шамахамзар, шамахантәи, сохранилось указание на торговые и другие связи Абхазии с городом Шемаха – в IX – XVI вв. столицы Ширванского государства (на территории Северного Азербайджана), – резиденции Ширван-шахов. В этой связи следует вспомнить и то, что, согласно историческому преданию, от правящей династии Ширванского княжества – Ширван-шахов, происходит фамилия владетелей Цхумского (Сухумского) воеводства, а впоследствии и Абхазского княжества – Шервашидзе (Чачба)¹. Впервые эта фамилия, упоминается в письменных источниках около середины XI в. в «Матиане Картлиса»², что безусловно, указывает на появление рода Шервашидзе (Чачба) на политическом поприще Абхазского царства значительно раньше XI века.

Словом, несмотря на чрезмерную ограниченность имеющихся сведений, наличие в абхазском языке слова шамахамзар, шамахантәи, свидетельствует о реальных торгово-экономических связях Абхазского царства, в частности в VIII – X вв., с Ширванским государством и ее столицей Шемахой. Связи с этим городом имели для Абхазии особое значение в том смысле, что Шемаха, находясь на пересечении караванных путей, являлась одним из крупных тор-

¹ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии... С. 191–192. В литературе существует и другая точка зрения о том, что в XII в. Абхазия была передана в качестве наследственного владения ширванской ветви абхазской великокняжеской фамилии Чачба, за которой в дальнейшем закрепилось прозвище Ширваншис-дзе (Ширванские), впоследствии ставшее их вторым фамильным именем в виде Шервашидзе (См.: Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. – М., 1999. С. 29). Отметим также, что брат владетеля Абхазии XVIII в. Зураба носил имя Ширван. Ср. также Шаруан и Ширван Шат-ипа из сел. Река. Имя Шьаруан носил, например, и один из представителей фамилии Сабекиа из сел. Тхина (Шьарун Сабекиа) и т. д.

² Сообщения средневековых грузинских письменных источников... С. 44.

гово-ремесленных центров (где имелись многочисленные шелкоткацкие, бумагопрядильные и ковровые мастерские) на Ближнем Востоке, занимая значительное место в международной торговле шелком. Кстати, не случайно и то, что картографические источники VIII – IX вв. в районе Шемахи указывают топоним «Абхаз»¹, что надо полагать, является показателем наличия там опорного экономического пункта Абхазского царства.

Важным свидетельством большого значения Шемахи, как одного из мест транзитной торговли, служит и то, что сюда приходили купцы даже из Индии и Европы, а также арабские, иранские, русские, азербайджанские, и как мы можем теперь полагать, и абхазские купцы. На основании косвенных сообщений письменных источников можно также сказать, что как в период Абхазского царства, так и в последующий период, одним из основных предметов ввоза в страну могли быть знаменитые шемахинские ковры. Согласно Б. Д. Грекову, с X в. в Киевскую Русь вывозилась бакинская нефть, употреблявшаяся главным образом для целей военной техники (метательные сосуды с зажигательным веществом, заменявшие нынешнюю артиллерию)². В таком случае, для военных в частности целей, мог иметь место вывоз нефти и в другие страны Закавказья, в том числе он мог поступать и на территорию Абхазского царства.

Выше отмечалось, что политическая северо-западная граница Абхазского царства в середине X в. непосредственно соседствовала с русским Тмутараканским княжеством на Таманском полуострове³. В VIII – XI вв. славянские племена Черноморья также были в той или иной мере втянуты в торговые обороты Причерноморья, составлявшие часть того мирового торгового оборота, который шел тогда по Средиземноморью с центром в Константинополе⁴.

¹ Армения и сопредельные страны в 701–863 гг. . Карту оформил и подготовил к печати П. К. Погосян. – Ереван. 1983.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. <http://www.bibliotekar.ru/rusFroyanov/14.htm>

³ Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников (Историко-культурологический анализ)... С. 74–84.

⁴ История русской литературы. Т. 1. Литература XI–начала XIII века. Редакторы тома акад. А. С. Орлов, проф. В. П. Адрианова - Перетц, проф. Н. К. Гудзий. – Москва–Ленинград. 1941. С. 3–4.

Вместе с тем, почти нет в нашем распоряжении каких-либо конкретных сведений о торговых взаимоотношениях Древней Руси с абхазами в IX – XI вв. Хотя на сей счет имеются некоторые весьма скудные и косвенные данные, проливающие свет на подобные возможные связи экономического характера. Мы имеем в виду сведения, писавшего в 880-х гг. географа Ибн-Хордадбега о руссах («вид славян»), которые вывозили меха бобров (первой статьи русского экспорта) и черных лисиц, а также мечи «из самых отдаленных частей страны славян» на рынки Черноморья и Переднего Востока¹. Кроме того, довольно высокую долю древнерусского экспорта составляло собранное в колоссальных размерах путем дани («полюдье») продовольствие (хлеб, рыба, мясо). В VIII – XI вв. к ней добавлялись рабы, челядь из пленных или попавших в тяжелую кабалу людей, находивших спрос на международных рынках². Грандиозные, хорошо охраняемые военно-торговые экспедиции, приходящиеся на летнее время, доставляли экспортную часть «полюдья» по Черному морю в Болгарию, Византию, на Каспии³ и т. д. Более определенно по этому поводу высказался А. Н. Сахаров, согласно которому, до монгольского нашествия, «торговые пути, проходящие по меридиально текущим рекам (Днепр, Волга, Западная Двина и другие), по окружающим морям (Балтика, Черное, Азовское, Каспийское моря), тесно соединяли восточных славян с Центральной и Северной Европой, Византией, с Балканами, со странами Кавказа, Передней Азией»⁴. Приведенные свидетельства также должны говорить в пользу того, что начало экономических взаимосвязей Древней Руси с абхазами относится к периоду расцвета Абхазского царства и его активных взаимоотношений с Хазарией и Византией.

¹ Мачинский Д. А. Рецензия на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). – Л., 1982 // СЭ, № 6. 1984. С. 161.

² Всемирная история. Под ред. акад. Г. Б. Поляка, проф. А. Н. Марковой. – М., 2000. С. 131; Шумилов Е. Н. Торговля «живым товаром» при князе Игоре Рюриковиче // ВИ, №3. 2012.

³ Там же.

⁴ Сахаров А. Н. Русь на путях к «третьему Риму». – М., 2010. С. 63.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в настоящей работе исторические материалы дают основание полагать, что естественно-географические условия с ранних времен создавали благоприятные возможности для развития экономических и этнокультурных взаимоотношений раннесредневековой Абхазии с народами окружающих стран. Эти же условия способствовали пересечению различных культурных влияний, оседанию на территории Абхазии пришлых этнических групп, что оставило свой след, наложило отпечаток на самобытную культуру абхазов.

Так, в конце VII – IV вв. до н. э. определенный след оставили скифские племена (конский набор, звериный стиль, оружие, топоним Сакен). Греки, являющиеся инициаторами основания Диоскурии и других античных поселений, прибыли сюда в VI в. до н. э. Спустя шесть веков их место заняли римляне, затем пришли византийцы, после них – гетуэзцы, а с XVI в. на берегах Абхазии укрепились турки-османы. Взаимоотношения абхазов в раннее и зрелое средневековье с другими географически близкими народностями Причерноморья и Северного Кавказа – лазами, сванами, мегрелами, славянами, адыгами, аланами, также способствовали проникновению в абхазскую среду небольших групп указанных народов, которые ассимилировались среди них.

По каждой из перечисленных выше этнических групп есть значительная археологическая база и письменные сведения, подтверждающие достоверность их проживания на территории Абхазии. Однако, удельный вес лазской, сванской, мегрельской, аланской и других культур на территории Абхазии весьма невелик и

они никак не повлияли на протекавшие здесь этнокультурные процессы и общие тенденции развития. Точно также, ни один из проникавших в Абхазию в раннее и зрелое средневековье иноземных языков (греческий, латинский, арабский, итальянский и др.), не оказал заметного влияния не только на грамматику, но и на лексику абхазского языка

Вместе с тем, культурные, политические и экономические связи Западного Закавказья с византийцами наложили свой глубокий отпечаток едва ли не на все сферы его жизни. Период наиболее сильного прямого византийского влияния на Черноморском побережье Кавказа продолжался с VI в. до начала VIII в. Византийское влияние в Абхазии выразилось прежде всего в распространении в ней с VI в. православия. Восприятие христианства как одного из важнейших элементов византийской цивилизации, способствовало дальнейшему прогрессивному развитию абхазского феодального общества, отвечало внутренним интересам и поднимало международный престиж Абхазского государства. Абхазия являлась неотъемлемой частью византийского культурного мира, и эти широкие связи повышали цивилизованный уровень абхазских народностей¹. Воздействие культуры Византии, разумеется, было значительно более интенсивным на высшие слои общества – абхазская знать перенимала византийский придворный этикет, черты быта и нравов Константинополя. В широкие слои народа византийское влияние просачивалось в несравненно меньшей степени. Результатом глубокого воздействия византийской цивилизации явилось формирование раннесредневекового Абхазского государства по византийскому образцу, а абхазские цари подражали и воплощали в жизнь ту традицию, в которой они были воспитаны².

Не преувеличивая значения и роли Византии на берегах Черного моря, следует отметить, что абхазы и византийцы, находясь в постоянном и длительном общении, все время проявляя живей-

¹ Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время... С. 29; Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М., 2003. С. 48, 181.

² Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии... С. 226.

ший интерес друг к другу, вникая и даже вмешиваясь в дела друг друга, зная обо всех интригах в сопредельной стране, можно сказать, жили каждый своей, но вместе с тем и какой-то общей жизнью, как это бывает при давнем, тесном соседстве. Даже войска абхазских народностей, нередко воюя с византийцами, не только хорошо их изучили, но и имели черты сходства с византийскими. Вместе с тем абхазы, так же как, например, и аланы, являясь в течение многих веков союзниками византийцев, внесли крупный вклад в историю Византийской империи своим военным искусством и отвагой, направленными против ее многочисленных врагов.

Глубокой заинтересованности Византией Кавказом, и, в частности, ее северо-западным регионом, способствовало длительное функционирование Великого шелкового пути в раннем средневековье. Источники исследования дают нам право считать, что абхазы извлекали значительные выгоды из функционировавшего на их территории международного торгового пути. Эксплуатация караванной торговой дороги через Апсилию, позволила местной верхушке быстро обогащаться за счет торговых пошлин, тем самым были сконцентрированы материальные ресурсы, необходимые для формирования социально-политической элиты раннесредневекового абхазского общества. Более того, прохождение через территорию Абхазии крупного торгового пути создало предпосылки для более интенсивного социально-политического развития, нежели в сопредельных землях, не связанных с торговой магистралью.

Прохождение через территорию апсильов ответвления Великого шелкового пути вело к установлению не только торгово-транзитных и обменных связей, но и различного рода культурных контактов, например, заимствованиям в воинской культуре, строительной технике, керамическом производстве.

В первой половине VIII в. письменные источники фиксируют появление на территории нашей страны картвелов. С конца XI в. на территории Абхазии встречаются следы грузинской культуры и письма, которое заменило греческое. На протяжении средневековья были отдельные эпизоды взаимодействия абхазских и

грузинских войск в борьбе с общими врагами; бывали и частые межфеодалные войны, но это все же были эпизоды многовековой истории соседствования абхазского и картвельского народов.

Наиболее значительным в истории абхазского этноса был период подчинения абхазами нынешней Западной Грузии, расширения границ вплоть до р. Кубань и создания могущественного на Кавказе Абхазского царства.

В это время в Картли имело место образование абхазских названий местностей, новых феодальных фамильных имен, приспособленных к картвельской этнокультурной среде. Материалы говорят о том, что абхазский язык оказал заметное влияние на лексику картвельских языков, с начала же зрелого средневековья, наоборот, начинается влияние картвельских языков и культуры на абхазов. Правда, заимствование картвельской культуры и языка имело место преимущественно в среде абхазской знати, тогда как население горной и предгорной частей страны вовсе не были затронуты процессами аккультурации.

Деэтнизация абхазов, имевшая место в последующие периоды, облегчалась, надо полагать, и их разбросанностью, разобщенностью на территории нынешней Западной и Юго-Западной Грузии.

Расцвет Абхазского государства в X в. выразился, в частности, в том, что в христианском зодчестве был выработан свой стиль, о чем свидетельствует ряд церквей Северного Кавказа, признанные произведениями абхазской архитектурной школы. Абазгские мастера, иконописцы участвуют в оформлении ряда церквей Киевской Руси: при постройке и украшении церквей в Тмутараканском княжестве использовали кавказские орнаментальные мотивы и даже приглашали закавказских иконописцев, в частности обезов-абхазов.

Источники исследования свидетельствуют, что Абхазское средневековое государство (с XI в. – Абхазо-картлийское царство) просуществовало с VIII до середины XIII века. Оно являлось прежде всего государством абхазского народа, хотя в него были включены и другие народы, в том числе картвелы. Неслучайно, что абхазская феодальная народность сформировалась в VIII – X вв.,

тогда как грузинская феодальная народность сформировалась в XII – XIII вв.

Несмотря на влияние Византийской империи и других внешних влияний, основы жизненного уклада абхазского народа периода средневековья, оставались практически неизменными. Однако хозяйственная деятельность испытывала серьезные изменения, которые диктовали потребности и конъюнктуру торговли, идеологические и военные соображения.

Бывали периоды, как, например, в период образования Абхазского царства и ее отложения от Византии, когда имело место временное прекращение политических и культурных связей, что мешало развитию экономики и особенно торговому обмену. Однако, с окончанием враждебных отношений, прежние связи, в первую очередь, экономические, восстанавливались. По мнению некоторых авторов, наиболее известные центры береговой торговли раннего средневековья – Питиунт, Анакопия (Трахея), Севастополис, Сигам и более мелкие прибрежные пункты (Исгаур) – в эпоху византийского протектората по численности населения, объему береговой торговли, в том числе работорговли, и товарообороту превосходили их условно-приблизительные показатели более позднего периода¹.

Данная оценка объема внешней торговли в раннем средневековье на побережье Абхазии, в целом представляется верной, за исключением такой отрасли торговли как продажа пленных и количество вывезенного из Абхазии в тот период наиболее высоко ценимого «живого товара». В источниках, применительно к эпохе раннего средневековья нет каких-либо конкретных данных о числе рабов, вывозившихся из Абхазии и вообще Северо-Западного Кавказа. Приведенные в работе источники говорят о том, что в VI – X вв. работорговля в Абхазии не достигала еще сколько-нибудь значительного размаха. Причем, с образованием Абхазского царства, усилением его военного и политического значения в Закавказье, и наоборот, ослаблением могущества Византии на Кавказском побережье, работорговля уменьшилась.

¹ Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья... С. 214–215.

В целом материалы исследования показывают, что, в результате работоторговли, наемничества, культурных и торговых связей, сотни и тысячи абхазов и адыгов побывали в странах Черного и Средиземного морей, в Передней Азии, Северной Африке. Установление политических и военных контактов с этими странами благоприятствовали культурному обмену и торговле средневековой Абхазии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М. –Л., 1947; Т. II. – М. –Л., 1949.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. – М. –Л., 1958.
- Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – М., 1960.
- Абаев В. И. Этноним «хазар» в языках Кавказа // Известия Северо-Осетинского НИИ. Т. XXVII. – Орджоникидзе. 1968.
- Абуладзе И. А. Словарь древнегрузинского языка (Материалы). Мецниереба. – Тб., 1973.
- Абхазское искусство. – Сухум–Санкт-Петербург. 2004.
- Абхазы. – М., 2012.
- Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тб., 1988.
- Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. – М. – Л., 1953.
- Агрба И. Ш. Взаимоотношения Абхазского царства и Византии (конец VIII – X вв.) Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – М., 1989.
- Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.). – Сухум. 2012.
- Агрба И. Ш. Абхазо-аланские взаимосвязи в процессе христианизации (первая треть X в.) // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Агусти Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003.

Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. – Сухуми. 1969.

Аджинджал Е. К. О божестве-покровителе войны и военной традиции абхазов в прошлом. Тезисы докладов Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1978 – 1979 гг. – Уфа. 1980.

Аджинджал Е. К. К вопросу о проникновении христианства в Абхазию // ТАГМ. Вып. 55. – Сухуми. 1980.

Аджинджал Е. К. Абхазская культура и античная традиция // Журн. «Алашара», 1982. №2 (на абх. яз.);

Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // ВДИ. 1987, № 3.

Аджинджал Е. К. Из истории абхазской государственности. – Сухуми. 1996.

Аджинджал Е. К. К истории структуры Абхазского государства эпохи средневековья // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г. А. Дзидзария. – Сухум. 2004.

Аджинджал Е. К. Императрица Ромеи Марта – абхазка // 50-я Итоговая научная сессия (25 – 27 апреля). Тезисы докладов. – Сухум.: АБИГИ, 2006.

Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми. 1958.

Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

Акаба Л. Х. Божества охоты у абхазов // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухум. 1965.

Акаба Л. Х. К изучению генезиса культа домашнего очага у абхазов // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986 – 1987 гг. Тезисы докладов. – Сухуми. 1988.

Акритас П. Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа // Ученые за-

писки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. – Нальчик. 1959.

Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века // Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. 4. – Ставрополь. 1964.

Алексеева Е. П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л., 1969.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. – М., 1971.

Ал-Идриси. География Идриси. – Париж. 1840.

Амброз А. К. Предисловие к кн.: Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975.

Амиранашвили Ш. Я. История грузинского искусства. – М., 1950.

Амиранашвили Ш. Я. История грузинской монументальной живописи. Т. 1. – Тб., 1957.

Амичба Г. А., Папуашвили Т. Г. Из истории совместной борьбы грузин и абхазов против иноземных завоевателей. – Тб., 1985.

Амичба Г. А. Средневековый период (IV–XVIII вв.) // Абхазы. – М., 2007.

Амичба Г. А. Культура и идеология раннесредневековой Абхазии (V–X вв.). – Сухум. 1999.

Амичба Г. А. Абхазия в эпоху раннего средневековья. – Сухум. 2002.

Амичба Г. А. Антропонимический репертуар «Дивана абхазских царей» // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум. 2003.

Амичба Г. А. Историческая антропонимия абхазов. – Сухум. 2010.

Амичба Г. А. Средневековая Абхазия в грузинских нарративных источниках (источниковедческое исследование). – Сухум. 2011.

Андроникашвили М. К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям. – Тб., 1966.

Анфимов И. Н. Клад золотых монет VIII века из г. Славянска-на-Кубани // Кубанский краевед. Ежегодник. – Краснодар. 1990.

Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964.

Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959.

Анчабадзе З. В. К вопросу о времени и условиях возникновения нартского эпоса // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011.

Анчабадзе З. В. Очерки истории народов Северного Кавказа в средние века // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011.

Анчабадзе З. В. Народы Дагестана в VI – VIII веках // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011.

Анчабадзе З. В. Аланы в VI – VIII вв. // Анчабадзе З. В. Избранные труды в двух томах. II. – Сухум. 2011.

Анчабадзе Ю. Д. Абза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. VIII. – М., 1984.

Анчабадзе Ю. Д. Абхазы // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

Анчабадзе Ю. Д., Соловьева Л. Т. Новые труды по кавказоведению. Рец. на: Г. В. Цулая. Святые и мученики в истории Грузии (Агиографические этюды). М., 2006. 216 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – 1. М., 2007. 312 с. Г. В. Цулая. Силуэты Грузии – 2. М., 2008. 380 с. // ЭО. №5. 2009.

Апакидзе А. М., Микеладзе Т. К., Лордкипанидзе О. Д., Рамишвили Р. М. Итоги археологических исследований Причерноморской археологической экспедиции АН ГССР летом 1960 г. – Тб., 1962.

«Апсны» // Газ. №№ 1, 2. Февраль – март 2009 г.

Аргун Ю. Г. О демократических принципах управления в абхазском обществе // Гражданское общество. №42. – Сухум. 2004.

Аргун Ю. Г. Работоторговля и военное отходничество у абхазов (Предыстория формирования абхазской диаспоры) // Абхазоведение. Вып. V–VI. – Сухум. 2011.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов Вл. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА, № 3. 2012.

Армения и сопредельные страны в 701 – 863 гг. Карту оформил и подготовил к печати П. К. Погосян. – Ереван. 1983.

Артамонов М. И. История хазар. – Л., 1962.

Асохик. «Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию». – М., 1864 // Абгарян Г. В. Армянские источники об Абхазии и абхазах. – Ереван. 1969.

Афанасьев К. Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхнекубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. – Орджоникидзе. 1986.

Ачугба Т. А. К обоснованию государственной независимости Абхазии. – Сухум. 2002.

Ачугба Т. А. История Абхазии в датах. – Сухум. 2011.

Бартольд В. В., Смирнов Я. И. 1916. Отзыв о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностей Ани // ЗВРАО. Т. XXIII.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. – М., 1963.

Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. – М., 2009.

Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). – Сухуми. 1977.

Бгажба О. Х., Воронов Ю. Н. Памятники села Герзеул. – Сухуми. 1980.

Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. – Тб., 1983.

Бгажба О. Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета. 21 ноября 2000 г.

Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. Выпуск II. – Сухум. 2003.

Бгажба О. Х. Абхазия и Великий шелковый путь // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003.

Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии. – Сухум. 2006.

Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории абхазов // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы Международной научной конференции «Новей-

шие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала. 2007.

Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. – М., 2012.

Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. (Исследование и тексты). – Тб., 1964.

Бгажба Х. С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974.

Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. – Сухум. 2006.

Бганба В. М. К вопросу о происхождении этнонима «Абхаз» («Апхаз») // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000 (на абх. яз. с русским резюме).

Бганба В. М. О некоторых межабхазо-осетинских (аланских) лексических взаимозаимствованиях // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора филол. наук К. С. Шакрыл (28–30 мая 1999 г.) – Сухум. 2000.

Бганба В. М. И велено быть абхамам... // Абхазоведение. Вып. V – VI. – Сухум. 2011.

Безруков А. В. Сарматы Южного Приуралья и Нижнего Поволжья на Великом шелковом пути // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. IX. 2000.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. – М., 1889.

Берадзе Т. Н. Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. – Тб., 1989.

Бердзенишвили К. Позднеантичная керамика из Цебельды // МАГК. Т. 2. 1952.

Бейтуганов С. Н. Кабардинские фамилии: истоки и судьбы. – Нальчик. 1989.

Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства абхазов. – Сухуми. 1962.

Бжания Ц. Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. – Сухуми. 1973.

Бибииков М. В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. – Санкт-Петербург. 2001.

Бигвава В. Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. – Сухум. 2012.

Бондарев Н. Д. В горах Абхазии. – М., 1981.

Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. – М., 1823. // Материалы по истории Абхазии. 1.

Буниятов З. Азербайджан в VII–IX вв. – Баку. 1965.

Буряков Ю., Вульфферт Эм. Ф. Торговля и предпринимательство Средней Азии в раннем и развитом средневековье.

Бутба В. Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу» (сравнительный анализ). – Сухум. 2001.

Бухарин М. Д. Великий шелковый путь в новейшей интерпретации (Е. De la Vaissiere Histoire des marchands sogdiens. P.). 2002 //ВДИ, № 2. 2004.

Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. 3. – М., 1974.

Василиненко Д. Э., Верещагин В. В., Коробов Д. С. Ачипсинская крепость. Археологические исследования 2007–2008 гг. //Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009.

Василиненко Д. Э. Новые данные об археологических памятниках эпохи средневековья в районе Псеашхинского перевального пути // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011 г., Сухум.) – Сухум. 2011.

Вахания О. В. Абхазские народные игры. – Сухуми. 1959.

Великий шелковый путь: Грузоперевозки. <http://gruzovoz.com/>

Вернадский Г. В. Древняя Русь. – Тверь. – М., 1977.

Византийские историки (Дексипп, Евнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Нопнос и Феофан Византиец). – Спб., 1894.

Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. К изучению византийско-северокавказских связей (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья) // ВВ. Т. 44. 1983.

Виноградов А. Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. – Краснодар. 2013.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973.

Волкова Н. Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.) // КЭС. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989.

Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969.

Воронов Ю. Н. О датировке абхазских ацангуар // СЭ, № 6. – М. 1973.

Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975.

Воронов Ю. Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. – М. 1978.

Воронов Ю. Н., Гунба М. М., Бгажба О. Х., Хрушкова Л. Г., Логинов В. А., Юшин В. А. Исследования крепости в Цебельде // Археологические открытия 1977 г. – М., 1978.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. – Краснодар. 1979.

Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Сборник научных трудов. – М., 1980.

Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980.

Воронов Ю. Н., Шенкао Н. К. Вооружение войнов Абхазии в IV – VII вв. // Древности эпохи переселения народов V – VIII веков. Советско-венгерский сборник. – М., 1982.

Воронов Ю. Н. Восточное Причерноморье в железном веке (вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. – VIII в. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1984.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Материалы по археологии Цебельды (итоги исследований Цибилуума в 1978–1982 гг.). – Тб., 1985.

Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсолии. – Сухуми. 1986.

Воронов Ю. Н. Абхазия в эпоху феодализма // История Абхазии. – Сухум. 1991.

Воронов Ю. Н. Древняя Апсолия. – Сухум. 1998.

Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V – XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва – Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006.

Воронов Ю. Н. Научные труды. Том второй. – Сухум. 2009.

Воронов Ю. Н. Из истории перевальных путей, связывающих Восточное Причерноморье с Северным Кавказом (Псеашхо, Санчар, Марух, Клухор). // VII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Черкесск. 1977 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971 – 2006. – М., 2008.

Ворошилов В. И. История убыхов. – Майкоп. 2006.

В Сванетии. Из путешествия И. Иванюкова и М. Ковалевского // Вестник Европы, №8. Т. IV. Август. 1886 г.

Всемирная история. Под ред. акад. Г. Б. Поляка, проф. А. Н. Марковой. – М., 2000.

Габелия А. Н. К вопросу социальных отношений населения в раннеантичную эпоху // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Габелия Е. К. Абхазские всадники. – Сухуми. 1990.

Гагин И. А. Волжская Булгария: от посольства багдадского халифа до походов князя Святослава (X в.) // ВИ. № 3. 2008.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979.

Газ. «Абхазия». 16 июля 1991 г.

Газ. «Кавказ». 1892 г. // Абхазия и абхазы в Российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II. Составители: Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сухум. 2008.

Газ. «Республика Абхазия», 19–20 февраля 2008 г.

Газ. «Советская Абхазия», 27 октября 1934 г.

Галкина Е. С. «Белые пятна» этногенеза средневековых алан и этнические процессы в Центральном Предкавказье первых веков нашей эры // КС. Т. 2 (34). – М., 2005.

Галкина Е. С. Кавказские войны VII – VIII вв. и возвышение Хазарии // Восток, № 4. 2006.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. – СПб., 1870.

Гаркави А. Я. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // ТКАС. Т. II. – Казань. 1891. Отд. VII.

Гафуров А. Г. Лев и кипарис (о восточных именах). – М., 1971.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Издание второе. – Душанбе. 1989.

Гвритишвили Д. В. Из истории социальных отношений в позднефеодальной Грузии (Сатавадо-сеньори). – Тб., 1961.

Генко А. Н. О языке убыхов. Известия АН СССР. VII серия, отд. гуманитарных наук. – Л., 1928, № 3.

Георгика. Т. 1. – Тб., 1961. Т. IV. – Тб., 1952; Т. II. – Тб., 1965.

Геродот. История. / Пер. Г. А. Стратановского. – М., 1999. VII, 43.

Гицба Т. Ш. Абхазские топонимы Кавказских гор и горных троп. – Сухум. 2002. С. 440 (на абх. яз.).

Гицба Т. Ш. Страна древних абазгов. – Сухум. 2012.

Гожба Р. Кавказская диаспора // Эхо Кавказа, 1993, № 3.

Греков Б. Д. Киевская Русь. – М., 1963.

Григолия И. По дорогам Турции//Омар Бигуаа: Письма в Абхазию (70–80-х годов XX века). Сост. и автор предисл. И. Р. Марыхуба (Мархолия). – Сухум. 2006.

«Грузиноведение и кавказоведение». – Париж. 1990–1991. №№ 6–7 // Журн.

Гублия Р. К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. – Сухум. 2002.

Гублия Р. К. Иберийско-кавказское языкознание и абхазский язык //Кавказские научные записки, №1. – М., 2012.

Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Том шестой. – Сухуми. 1986.

Гумба Г. Д. Значение терминов «Грузия» и «Сакартвело» в средневековых источниках. – Сухум. 1994.

Гумба Г. Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтий Мровели // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2003.

Гумба Г. Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цхали Джуаншера Джуаншериани// Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли //Кавказ: История, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА 28 – 31 мая 2001 г. Сухум. – Сухум. 2004.

Гумба Г. Д. Аланы, асы и дигорцы по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. №2. – Сухум. 2007.

Гумба Г. Д. К вопросу об этнической принадлежности кавказских мосхов (масахов – месхов) // Первые Международные Инал-Иповские чтения. – Сухум. 2011.

Гунба Б. М. Сухум раннесредневековой эпохи // Абхазоведение. Вып. IV. – Сухум. 2007.

Гунба М. М. Социальные отношения в Абхазии в позднеантичную эпоху // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965.

Гунба М. М. К вопросу о времени образования Абхазского царства. Известия АИЯЛИ. Т. II. – Тб., 1973.

Гунба М. М. Ередвская надпись о походе царя абхазов Константина в Эрети // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми. 1974.

Гунба М. М. Атарские гончарные печи. – Тб., 1985.

Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. – Сухуми. 1989.

Гунба М. М. Абхазия во II тысячелетии нашей эры (XI – XIII вв.). – Сухум. 1999.

Гунба М. М. Об автохтонности абхазов в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.

Гунба М. М. О времени и условиях образования Абхазского царства //Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Гутнов Ф. Х. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Тезисы докладов межрегиональной научной конференции. 12–15 апреля 2001 г.

Дасания Д. М. Из истории изучения абхазских фамилий (до 1961 года включительно) // Абхазоведение. Вып. II. – Сухум. 2003.

Дасания Д. М. Апсоура и социальный статус абхазских фамилий // Абхазоведение. Вып. V – VI. – Сухум. 2011.

Дбар С. А. Исторические формы захоронений у абхазов // Кавказ: история, культур, традиции, языки. – Сухум. 2004.

Дворник Фр. Миссии греческой и западной церквей на востоке в средние века // Международный конгресс исторических наук. – М., 1970.

Демаков А. А., Чумак И. Л. Транскавказский шёлковый путь // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. – Москва-Ставрополь. 2008.

Джавахишвили И. А. БСЭ. Т. XIX. 1930.

Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. // ВДИ. 1939, № 4.

Джавахишвили И. А. История грузинского народа. Т. 1. – Тб., 1951.

Джалагония И. Л. Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. – Тб., 1979.

Джанашиа С. Н. Труды. Т. I. – Тб., 1949; Т. II. – Тб., 1952.

Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тб., 1976.

Джапуа З. Д. Абхазские и осетинские нартские сказания о Сасрыкуа/Сослане//Созырыко. (Опыт сравнительного указателя) // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований». 13 – 14 октября 2005 г. – Владикавказ. 2006.

Джомидава Н. С. 3000 мегрельских фамильных имен. – Тб., 2000.

Джонуа Б. Г., Климов Г. А. К индоаризмам в языках Северо-Западного Кавказа (абхазские данные) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44, № 2.

Джонуа Б. Г. INDOARICA в Абхазии // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.

Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум. 2002.

Джопуа А. И., Ньюшков В. А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Вып. VII. – Сухум. 2012.

Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик. 1974.

Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. – Тб., 1986.

Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы. – М., 1976.

Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум. 2006.

Дзидзария О. П. Море и абхазы. – Сухум. 2002.

Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005.

Дзидзигури Ш. Грузинские варианты нартского эпоса (Исследование, тексты). – Тб., 1971.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. Пер. с фр. и предисл. Б. Т. Горянова. – М., 1947.

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. М. Л. Гаспарова. – М., 1979.

Дмитриев А. В. Могильник Великого переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. – 1979. Вып. 158.

Догозов К. Г. К вопросу о расселении алан на Кавказе в раннем средневековье // Проблемы этнографии осетин. – Владикавказ. 1992. Вып. 2.

Доде З. В. Находка в могильнике Подорванная балка как свидетельство функционирования Шелкового пути // Меж-

дународное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. – Кисловодск. 1994.

Дондуа В. Д. Исторические разыскания. – Тб., 1967.

Дорошенко Е. А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). – М., 1982.

Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.

Древние упоминания о сванах. www.svaneti.ru.

Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 1. – Тифлис. 1903.

Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. I. – Сухуми. 1937.

Еремян С. Т. Опыт реконструкции первоначального текста «Ашхарацуйца // Историко-филологический журнал, № 2. – Ереван. 1973.

Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985.

Жордания Ф. Хроники и другой материал по истории Грузии, собранные и хронологически разложенные, разъясненные и изданные Ф. Жордания. Кн. I. – Тифлис. 1892.

Жордания Ф. Хроника абхазских царей // Духовный вестник Грузинского экзархата, №№ 13–14. – Тифлис. 1902.

Жузе П. Грузия в XVII столетии (по изображению Патриарха Макария). – Казань. 1905.

Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. – М., 1938.

Зубов А. Б. Отзыв на рукопись Александра Борисовича Крылова «Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.)» http://www.religare.ru/2_26861.html.

Зухба С. Л. Абхазские народные историко-героические сказания. – Сухум. 1978 (на абх. яз.).

Зухба С. Л. Абхазское народное поэтическое творчество. – Сухуми. 1981. (на абх. яз.).

Зухба С. Л. Абхазская мифология. – Сухум. 2012 (на абх. яз.).

Зыцарь Ю. В. Кавказско-древневосточные связи баскского ОЛА «хижина», ALABA «дочь» // Кавказско-ближневосточный сборник. VI. – Тб., 1980.

Иващенко М. М. О местонахождении Диоскурии древних // Известия АБНО. IV. – Сухум. 1926.

Иеромонах Дорофей (Дбар). История христианства в Абхазии в первом тысячелетии. – Новый Афон. 2005.

Иерусалимская А. А. О Северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА, № 2. 1967.

Иерусалимская А. А. Аланский мир на «шелковом пути» (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока: Древность и раннее средневековье. – Л., 1978.

Иерусалимская А. А. Кавказский «шелковый путь» как фактор связей гор и равнин в эпоху раннего средневековья // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации). – Тб., 1984.

Иерусалимская А. А. Кавказ на Шёлковом пути. Каталог временной выставки // СПб: 1992.

Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968.

Инадзе М. П. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. – Тб., 1999.

Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965.

Инал-Ипа Ш. Д. К абхазо-осетинским этнокультурным связям // Происхождение осетинского народа. – Орджоникидзе. 1967.

Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1968.

Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971.

Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976.

Инал-Ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухуми. 1977.

Инал-Ипа Ш. Д. Апсха (Исторические предания о «царе абхазов» // Инал-Ипа Ш. Д. Труды. – Сухуми. 1988.

Инал-Ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. – Сухум. 1992.

Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. – М., 1995.

Инал-Ипа Ш. Д. Антропонимия абхазов. – Майкоп. 2002.

Инал-Ипа Ш. Д. Что рассказывают абхазы о древнейшем населении Абхазии и своем происхождении (Материалы с комментариями) // Абхазоведение. II выпуск. – Сухум. 2006.

Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов // Труды. В 11 томах. Том III. – Сухум. 2011.

Инал-Ипа Ш. Д. Без гнева и пристрастия // Абхазоведение. Вып V–VI. – Сухум. 2011.

Инал-Ипа Ш. Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012.

Иоаннес Драсханакертци. История Армении. – Тифлис. 1912.

Ионова С. Х. Абазинская топонимия. – Черкесск. 1993.

История Абхазии. – Сухум. 1991.

История Азербайджана (в трех томах). Том I. – Баку. 1958.

История Византии. Т. 1. – М., 1967.

История Грузии с древнейших времен до начала XIX века. Часть I. – Тб., 1946.

История Грузии. Т. 1. – Тб., 1962.

История Кубани. С древнейших времен до конца XIX века. – Краснодар. 2004.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М., 1988.

История русского искусства. Т. 1. – М., 1953.

История русской литературы. Т. 1. Литература XI– начала XIII века. Редакторы тома акад. А. С. Орлов, проф. В. П. Адрианова - Перетц, проф. Н. К. Гудзий. – Москва–Ленинград. 1941.

Казанский М. М. Иранские кинжалы V в. из некрополя Цибилиум // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материа-

лов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова (10 – 11 мая 2011 г., г. Сухум.) – Сухум. 2011.

Калоев Б. А. Осетины. (Историко-этнографическое исследование). – М., 1971.

Каминская И. В. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ, № 49. 1988.

Карла Серена. Путешествие по Абхазии. Автор проекта и редактор, предисловие и комментарии: Денис Чачхалиа. – М., 1999.

Картлис цховреба. Т. I. – Тб., 1955.

Картлис цховреба. Т. IV. – Тб., 1973.

Касландзия Н. В. Об абхазском католикосате // Абхазоведение. Вып. VII. – Сухум. 2012.

Касландзия Н. В. Византийские исторические сочинения эпохи Комнинов об абхазах // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. – Сухум. 2012.

Кация А. К. «Мармал – абаа – архитектурный памятник средневековья». Рукопись. 1958 г.

Каухчишвили С. Г. Племя мисимиан // Труды ТГУ. –Тб., 1936. 1.

Каухчишвили Т. С. О некоторых сведениях Ликофрона и его схолиастов // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Кахидзе А., Мамуладзе Ш. Погребения раннесредневекового периода из Пичвнари // РА. – М., 2001, № 1.

Кварчия В. Е. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик. 1982.

Кварчия В. Е. Топонимика Абхазии. – Сухум. 2002. (на абх. яз.).

Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии. – Сухум. 2006.

Кекелидзе К. Раннефеодальная грузинская литература. – Тб., 1935.

Киннам Иоанн. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. – Спб., 1859.

Кишмахов М. Х. - Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум–Карачаевск. 2012.

Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948, № 2.

Климов Г. А. Введение в кавказское языкознание. – М., 1986.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. – М., 1984.

Ковалевская В. Б. Даринский путь и связи Византии, Апсилии и алан // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Кодзаев К. М. Торговля и обмен в процессе политогенеза на Северном Кавказе в раннесредневековый период // Журн. «Вестник Волгоградского государственного университета». Серия 4. 2009. 1.

Кожин В. История Руси и русского слова. – М., 2001.

Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик. 1974.

Комнина Анна. Алексиада. – М., 1965.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989; 1991.

Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. – М., 1961.

Краткий русско-грузинский словарь (Сост. А. Г. Торотадзе, Э. А. Торотадзе). – Тб., 1959.

Кудрявцев К. Сборник материалов по истории Абхазии. – Сухуми. 1922.

Кузнецов В. А. Северный Зеленчукский храм X века // СА, № 4. – М., 1964.

Кузнецов В. Христианство на Северном Кавказе до XV в. <http://kavkaznasledie.ru/archives/1887>.

Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962.

Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани. (О новой концепции истории алан Северного Кавказа) // Археолого-этнографический сборник. – Нальчик. 1974.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Орджоникидзе. 1984.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. – Владикавказ. 1992.

Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) / В. А. Кузнецов. Древности Северного Кавказа. – 1999, № 2.

Кузнецов В. А., Романова Г. Б. «LIMES CAUCASUS» // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Кузьмин В. Древние христианские храмы Кавказа // Наука и жизнь, №12. 2008 г.

Куправа А. Э. Из истории абхазской антропологии. – Сочи. 2003.

Куправа А. Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. – Сухум. 2008.

Куправа А. Э. Джикетские фамилии в Грузии // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012.

Лавров Л. И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946, №4.

Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978.

Лавров Л. И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. – Нальчик. 2009.

Лавров Л. И. Убыхи. Историко-этнографическая монография. – Санкт-Петербург. 2009.

Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум-кале». – Сухуми. 1988.

Латышев В. В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. Бобринскому. – Спб., 1911. // Материалы по истории Абхазии. 7.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, №4. 1948.

Лебедева Г. Е. Кодексы Феодосия и Юстиниана об истоках рабства // ВВ. Т. 36. 1974.

Лев Диакон. История. Пер. М. М. Копыленко. – М., 1988.

Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского // Сообщения АН Грузинской ССР. Т. XVI, № 5. – Тб., 1955.

Леквинадзе В. А. Оборонительные сооружения Севастополиса. – СА, № Г. 1966.

Леонид А. Абхазия и ее христианские древности с картой абхазского приморского берега в пользу миссионерской абхазской школы. – М., 1887.

Леонти Мровели. Жизнь картлийских царей. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г. В. Цулая. – М., 1979.

Летопись Картли. Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. – Тб., 1982.

Лившиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и культуры. – М –Л., 1961.

Литаврин Г. Г. Византия в период гражданской войны и движения зилотов (1341–1355 гг.) // История Византии. Т. 3. – М., 1967.

Литературная энциклопедия. Т. 1. – М., 1930.

Ловпаче Н. Г. Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. – Тб., 1997.

Ломоури Н. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи: свидетельства античности. <http://ruponia.ru/Catalog/810>.

Ломоури Н. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999.

Ломтатидзе К. В. Абхазское слово аюю – «человек» // Моамбе. Т. 4, №7. 1943 (на груз. яз. с русс. резюме).

Люлье Л. Я. Черкессия. Историко-этнографические статьи. 1990.

Маан О. В. К вопросу о племени кораксов // XLV Итоговая научная сессия АБИГИ. Тезисы докладов. – Сухум. 2001.

Маан О. В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004.

Маан О. В. Дневник этнографической экспедиции АБИГИ АН Абхазии 2006 года. Тетрадь 1, л. 13; тетрадь 2, л. 10 (Домашний архив).

Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки. – Сухум. 2006.

Маан О. В. К антропонимии населения Юго-Восточной Абхазии //ЭО. – М., 2009, № 5.

Маан О. В. Апсуара в социальных отношениях абхазов. – Сухум. 2012.

Маан О. В. Междуречье – низовья реки Кодор. – Ростов-на-Дону. 2013.

Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. – Сухум. 2013.

Макалатия С. И. Хевсурети. –Тб., 1940.

Макиавелли Н. Государь. – М., 1982.

Максидов А. Х. Исторические и генеологические связи адыгов с народами Причерноморья. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Нальчик. 2001.

Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982.

Марков Евг. Очерки Кавказа. – Спб. – М., 1887.

Markus Bogisch. Инновации и традиции на границе(?) Абхазского царства: создание церквей царем Леоном III в Кумурдо, Джавахетия // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Тезисы докладов. – Сухум, 26 – 30 ноября 2013 г.

Март Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели. – Петроград. 1922.

Март Н. Я. О языке и истории абхазов. – М. – Л., 1938.

Марцеллин А. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского. –Санкт-Петербург. 2000.

Мастыкова А. В., Казанский М. М. Центры власти и торговые пути в Западной Алании в V – VI веках //XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. – Кисловодск. 2000.

Мастыкова А. В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. – М., 2009.

Мастыкова А. В. Эволюция женского убора апсилов (II – VII вв.) // Проблемы археологии Кавказа. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова(10 – 11 мая 2011 г., г. Сухум.) – Сухум. 2011.

Материалы по истории Абхазии (1803–1839). Т. I. Сост. Г. А. Дзидзария. – Сухум. 2008.

Матушевский Г. О. Подходы к оценке пропорций социально-экономической структуры Абхазии периода раннего средневековья.

Мацулевич Л. А. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте // ВДИ, № 4. 1956

Мачавариани К. Д. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии // СМОМПК. – Тифлис. 1884. Вып. IV.

Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913.

Мачинский Д. А. Рецензия на кн.: Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки). – Л., 1982 // СЭ, № 6. 1984.

Мегрелидзе И. В. Женские фамильные именованья в южно-кавказских языках и фольклоре // Памяти акад. Н. Я. Марра. – М. –Л., 1938.

Мейтарчян М. Погребальные обряды зороастрийцев. – М. – Спб., 2001.

Меликишвили Г. А. Наири-Урарту. – Тб., 1954.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959.

Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. – Тб., 1965.

Меликишвили Г. А. Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. – Тб., 1973.

Мибуцвани Т. К вопросу о этническом происхождении миссиян // Журн. «Мнатоби», №5. – Тб., 1987.

Миллер В. Ф. Осетинские этюды. Ч. III. – М., 1889.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. – М., 1963.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. I. – М., 1987.

Мусхелишвили Д. Исторический статус Абхазии в грузинской государственности // Разыскания по истории Абхазии// Грузия. – Тб., 1999.

Налбандян Г. М. Армянские личные имена иранского происхождения (Культурно-историческое исследование). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. филол. наук. – Тб., 1971.

Народы Карачаево-Черкесии: история и культура. – Черкесск. 1998.

«Народы мира». Историко-этнографический справочник. – М., 1988.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва–Магнитогорск. Вып. XII. 2002.

Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом // Древняя Анатолия. – М., 1985.

Никонов В. А. География фамилий. – М., 1988.

Новосельцев А. П. Внешняя торговля Древней Руси // «История СССР». 1967, № 3.

Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (опыт сравнительно-исторического исследования). – М., 1980.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.

Новый полный географический словарь Российского государства». Ч. 1. – М., 1788.

Нуцубидзе Ш. И. История грузинской философии. – Тб., 1960.

Нюшков В. А. К локализации юго-восточной границы Аписилии // Материалы научной конференции, посвященной 90-летию З. В. Анчабадзе. – Сухум. 2012.

Нюшков В. А. Аписило-византийские взаимоотношения (IV – VIII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008 г.). Посвящена памяти М. М. Трапш. Материалы конференции. – Сухум. 2012.

Османские документальные источники о крепостях Анаклия и Рухи (XVII – XVIII вв.). Перевел с тур. на груз., написал введение, снабдил терминолог. словарем, факсимиле и указателем Н. Н. Шенгелия. – Тб., 1982.

Очерки истории Абхазской АССР. Ч. 1. – Сухуми. 1960.

Очерки истории Грузии. Т. I. – Тб., 1989.

Очерки истории Грузии. Т. II. – Тб., 1988.

Очерки истории СССР. Ч. 1. – М., 1953.

Папаскири З. Территория Абхазии в XI – XV вв. // Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999.

Папаскири А. Л. Обезы и их грузинские истолкователи. – Сухум. 2004.

Папаскири А. Л. Обезы в древнерусской литературе и проблемы истории Абхазии. – Сухум. 2005.

Папаскири А. Л. Обезы русских письменных источников (Историко-культурологический анализ). Дисс. в виде научного доклада на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум. 2007.

Патерик Киево – Печерского монастыря – Спб., 1911.

Пахомов А. В. Записка об имениях кн. Г. Шервашидзе // Исторический вестник. Т. VII. – Тб., 1953.

Пачулиа В. П. По историческим местам Абхазии. – Сухуми. 1960.

Петров А. М. Великий шелковый путь. – М., 1995.

Пигарь С. С. К вопросу об этнических контактах населения Западной Колхиды (Апсилии) и Северного Кавказа в середине I тыс. н. э. // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009.

ПСРЛ. Т. II. – Спб., 1908.

Пьянков А. В. Юго-Восточные связи населения Краснодарского Причерноморья в III – VII вв. н. э.: по материалам могильников // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI – VII веков. – Москва – Ленинград. 1946.

Пищулина В. В. Особенности архитектуры и генезис христианского храма в форме «обнаженного креста» на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа, №4. 2004.

Погребова М. Н. Памятники скифской культуры Закавказья // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1981.

Подосинов А. В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. – М., 1985.

Православная энциклопедия. Т. 1. – М., 2000.

Проблема отношений всей России с Кавказом». <http://www.neuch.ru/referat/29160.html>

Прокопий из Кесарии. О постройках / Перев. С. В. Кондратьева // ВДИ. 1939, №4 (5).

Прокопий из Кесарии. Война с готами. – М., 1950.

Прокопий из Кесарии. История воинов римлян с персами. Кн. 2. – Спб., 1880.

Резван В. Результаты и перспективы палеонтологических и археологических исследований в Воронцовской пещере // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006.

Ричард Фрай. Наследие Ирана. – М., 1972.

Романовский В. Е. Очерки из истории Грузии. – Тифлис. 1902.

Романчук А. И. Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья // ВВ. Т. 32. 1971.

Русские в Абхазии. – Сухум. 2011.

Русско-грузинский словарь. – Тб., 1937.

Русско-грузинский словарь. Издание АН ГССР. – Тб., 1956.

Русско-грузинский словарь. Издание Института языкознания. – Тб., 1983.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества в XII – XIII вв. – М., 1982.

Сакания М. Сказы (собрал, обработал, издал – Шакрыл К. С.). – Сухум. 1976.

Сакания С. М. Политическая и культурная связь Абхазии с Византией, Русью и Аланией // Четвертая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2005.

Сакания С. М. Культовое зодчество средневековой Абхазии // Абхазы. – М., 2007.

Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос. – Тб., 1966.

Салакая Ш. Х. Избранные труды. В трех томах. I. Эпическое творчество абхазов. – Сухум. 2008.

Сатцаев Э. Иранский компонент в этногенезе и глоттогенезе народов Южного Кавказа // Вестник Владикавказского научного центра. 2011. Т. 11, № 01.

Сахаров А. Н. Русь на путях к «третьему Риму». – М., 2010.

Свод карт Абхазии (от античности до наших дней). – Новый Афон. 2012.

Сергеева Г. А. Межэтнические связи народов Дагестана во второй половине XIX – XX в. (этноязыковые аспекты) // КЭС. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989.

Скржинская Е. Ч. Комментарий к изд.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – М., 1960.

Словарь топонимов Российского Черноморья. – Новочеркасск. 2008.

Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986.

Сорокина Н. П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА, № 4. 1971.

Социал-федералист» // Газ. №№7, 8. 1921г.

Стебницкий И. Географические заметки о восточной части Закубанского края // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Т. I. – СПб., 1867.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.

Страбон. География. Книга XI // Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994.

Тарба Б. Г. Вопросы нравственного воспитания в абхазской этнопедагогике // Труды АГУ. Т. VI. – Сухуми. 1988.

Толковый словарь грузинского языка (на груз. яз.). Главный редактор А. С. Чикобава, редактор М. Н. Чабашвили. – Тб., 1986.

Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланыххва Абхазской АССР. – Сухуми. 1962.

Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970; Т. II. – Сухуми. 1969; Т. III. – Сухуми. 1971.

Туаллагов А. А. Сарматы Северного Кавказа // Материалы Международной научной конференции «Кавказоведение: опыт исследований». 13 – 14 октября 2005 г. – Владикавказ. 2006.

Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л., 1971.

Тхайцухов М. С. Очерки истории абазин конца XVIII–XIX вв. – Сухум. 1992.

Уарзиати В. С. Культура осетин: связи с народами Кавказа. – Орджоникидзе. 1990.

Удальцова З. В. Роль городов и городской культуры в культурном развитии ранней Византии // ВВ. Т. 46. 1986.

Ульяницкий В. А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. – М., 1883.

Указатель к восьми томам ПСРЛ. – СПб., 1907.

Фадеев А. В. Меч и золото на берегах Абхазии. (Очерки по истории береговой торговли XVI – XVIII вв.). – Сухум. 1933.

Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. 1. – Сухум. 1934.

Филипсон Г. И. Черкесы, казаки и адахе // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки. Фонд Д. А. Милютин. Д. 169, №81. Л. 54.

Франгуланди А. Греки-понтийцы: дорога длиной в 2,5 тысячи лет. – Сухум. 1991.

Хазарский каганат. <http://www.hrono.ru/land/landh/hazaria.php>.

Хахутайшвили Д. А. Производство железа в древней Колхиде. – Тб., 1987.

Хачатур Такмаз (Такмазян). Имена понтийских армян. – Ростов-на-Дону. 2006.

Хеция А. Д. Терминология охотничьего вооружения в абхазском языке // Кавказ: история, культура, традиции, языки. По материалам Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА. 28 – 31 мая 2001 г. Сухум. – Сухум. 2004.

Хеция А. Д. Лексема «алаба» в абхазском языке. Рукопись. 2012 г. (на абх. яз.).

Хонелия Р. А. Политические взаимоотношения Абхазского царства и Царства Армянских Багратидов в IX–X вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Ереван. 1967.

Хонелия Р. А. Некоторые историографические и источниковедческие разыскания по истории Абхазии и абхазов по данным армянского историка X века Иованнеса Драсханакерци // Вестник Академии наук Абхазии, № 2. – Сухум. 2007.

Хотелашвили М. К., Якобсон А. Л. Византийский храм в с. Дранда (Абхазия) // ВВ. Т. 45. 1984.

Хотелашвили М. К. Село Дранда. Рукопись работы 1985г.

Хотелашвили – Инал-Ипа М. К. Страницы военной истории абхазов (Материалы к институту военного отходничества у древних абхазов) // Абхазоведение. Вып. III. – Сухум. 2004.

Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Псху – «Страна в стране». Рукопись работы 2007г.

Хотелашвили–Инал-Ипа М. К. Апсны аҭоурых ацхьаразы ашәку. – Акуа. 2010.

Хотко С. Х. Черкесы в составе «профессиональных османов» (XVI–XIX вв.) // Мир культуры адыгов (проблемы эволюции и целостности). Идея, составление, редакция Р. А. Ханаху. – Майкоп – 2002.

Хотко С. Х. История Черкесии в средние века и новое время. – Спб., 2006.

Хоштария Н. В. Цихисдзири. – Тб., 1962.

«Христианская Абхазия». Газ. Февраль 2012, №2 (58).

Хрушкова Л. Г. Мраморные изделия византийского происхождения из Восточного Причерноморья // ВВ. Т. 40. – М., 1976.

Хрушкова Л. Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. – Тб., 1980.

Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми. 1985.

Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV – VII вв.). – М., 2002.

Хрушкова Л. Г. Церковь в с. Лоо Краснодарского края: типология, декор, дата, архитектурный контекст // Пятая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар. 2009.

Царевич Вахушти. География Грузии // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 5. – Тифлис. 1904.

Церковная история Евагрия; схоластика и префекта. (Перевод И. В. Кривушина). – Спб., 1853.

Цулая Г. В. Мифологические тайны пещеры Абрскила // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXIII – XXXIV. – Сухуми. 1963.

Цулая Г. В. К истории имени Абрскил // СЭ. 1966, № 6.

Цулая Г. В. Об абхазской антропонимии // Этнография имен. – М., 1971.

Цулая Г. В. Отрок Шарукан – Атрака Шараганис-дзе. (К вопросу об антропонимическом источниковедении истории народов Кавказа // КЭС. VIII. – М., 1984.

Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. – М., 1995.

Цулая Г. В. Из кавказских связей грузинского ономастикона // ЭО. 2002, № 5.

Чачхалия Д. Абхазская православная церковь. Хроника. Прибавления. – М., 1997.

Чачхалия Д. О живописцах греках и абхазах, писавших и почивших в Киеве, в монастыре Печерском // Православная Абхазия, №2. 1997.

Чачхалия Д. Хроника абхазских царей. – М., 2000.

Чачхалия Д. К. К истории Красной Поляны и ее окрестностей // Джигетский сборник. – М., 2012.

Чачхалия Д. К. Джигетия на политической и этнографической карте Абхазии // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012.

Чеснов Я. В. Молодые мужчины в традиционном абхазском обществе. Газ «Алашара». Вестник Московского общества абхазской культуры «Нартаа», № 1. Январь 1991 г.

Чикобава А. С. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. – Тб., 1942.

Чирикба В. А. К этимологии гидронимов Бзып и Мдзымта // Абхазоведение. Вып 3. – Сухум. 2009.

Чирикба В. А. Абхазские заимствования в мегрельском языке // Абхазоведение, № 3. – Сухум. 2009.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М., 1980.

Чубинов (Чубинашвили) Д. И. Грузино-русский словарь. – Тб., 1984.

Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми. 1957.

Шагиров А. К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989.

Шагиров А. К. Об осетинских (аланских) лексических заимствованиях в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. – Сухум. 2000.

Шакирбай Г. З. Абхазские топонимы Большого Сочи. – Сухуми. 1978.

Шамба Г. К. Фибулы из некрополя Ахаччарху // Материалы по археологии Абхазии. – Тб., 1967.

Шамба Г. К. Ахаччарху – древний могильник нагорной Абхазии. – Сухуми. 1970.

Шамба Г. К. Археологические памятники Абхазии. – Сухуми. 1988 (на абх. яз.)

Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005.

Шамба Г. К. По следам древностей Восточной Абхазии (Гальский р-н) // Абхазоведение. Вып. 1. – Сухум. 2000.

Шамба Г. К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов («Разыскания по истории Абхазии / Грузия». – Тб., 1999 // Вестник Академии наук Абхазии. – Сухум. 2005.

Шамба С. М. Клад византийских монет из Сухуми // Известия АИЯЛИ. Т. XIII. – Тб., 1985.

Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии. – Тб., 1987.

Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н. э. – XIII в. н. э.) Научный доклад на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1998.

Шамба С. М. К вопросу о правовом, историческом и моральном обосновании права Абхазии на независимость // Журн. «Международное право». – М., 1999, №4.

Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. – М., 2003.

Шанидзе А. Язык и письмо кавказских албанцев // Мацне. 1960. 1.

Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980.

Шервашидзе Л. А., Соловьев Л. Н. Исследование древнего Себастополиса. – СА, №3. 1960.

Шервашидзе Л. А. Некоторые средневековые стенные росписи на территории Абхазии. – Тб., 1971.

Шервашидзе Л. А. Пицундская мозаика // ВП. Т. 3. – Тб., 1978.

Шмидт Ф. О Тмутаракани // Материалы по истории Абхазии.

Шумилов Е. Н. Торговля «живым товаром» при князе Игоре Рюриковиче // ВИ, №3. 2012.

Щапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений // ВВ. Т. XIX. 1961.

Эвлия Челеби. Книга путешествий. Ч. 2 – 3. – М., 1972, 1983.

Элиава Г. В. Топонимика Абашского и Гегечкорского районов. – Тб., 1977(на груз. яз.).

Якуби. История. Перев. П. К. Жузе. – Баку. 1927.

Яцюк Д. А. Новый памятник эпохи раннего средневековья в окрестностях г. Сочи //Третья Абхазская Международная археологическая конференция. Посвящена памяти Г. К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции, 28 ноября – 1 декабря 2011 года, г. Сухум. – Сухум. 2013.

Aleksidze Z. La construction de la KLEISOYRA d après le nouveau manuscript sinaitique № 50 / Пер. J. – P. Mahe // Travaux et Memoires. 2000. T. 13.

Ahrweiler H. Byzance et la Meer. – Paris. 1966.

Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. – Minneapolis, 1973.

Dindorf L. Historici Graeci Minores. Lipsiae. 1870. I.

Dumezil G. Documents Anatoliens sur les Langues et les Traditions du Caucase. ВАН. Paris. 1960-I; 1962-II; 1965- III; 1967- V.

Pheopanis Chronographis, rec/ C/de Boor. I – II. – Lipsiae, 1883–1885. Heldeshum, 1963.

Heyd W. Histoire du commerce du Levant au Moyen – Age. T. I. – Leipzig. 1923.

Lang D. M. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. – London. 1965.

Menandri. Fragmenta // Historici graeci minores. – Lipsiae. Vol. II.

Kollautz A. Abasgen-Abasgia // Reallexikon der Byzantinistik. Bd. 1. Hf. 2. Amsterdam. 1969.

Saltykov A. A. La vision de saint Eustache sur la stèle de Tsebelda // Cahiers Archeologiques, Picard, 1985.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АБИЯЛИ (АИЯЛИ)– АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. Д. И. ГУЛИА

АБНО – АБХАЗСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

АГУ – АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВВ – ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

ВДИ – ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

ВИ – ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ВП – ВЕЛИКИЙ ПИТИУНТ

ЗКОИРГО – ЗАПИСКИ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

КС – КАВКАЗСКИЙ СБОРНИК

КСИА – КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР

КЭС – КАВКАЗСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

МАГК – МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ГРУЗИИ И КАВКАЗА

ПСРЛ – ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

РА – РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СА – СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

СМОПК – СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ОПИСАНИЯ МЕСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕН КАВКАЗА

СЭ – СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

ТАГМ – ТРУДЫ АБХАЗСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ

ТГУ – ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЭО – ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
----------------	---

ГЛАВА I.

Историко-культурные связи абхазов с Византийской империей в VI– VIII вв.	7
§1. Ранний этап абхазо-византийских отношений	7
§ 2. Византийский фактор в этнокультурной жизни абхазов.....	18

ГЛАВА II.

Межэтнические контакты абхазов с соседними народами в VI– VIII вв.	32
§1. Этнический облик населения горной Абхазии и соседних регионов в I тысячелетии н. э.	32
§2. Взаимосвязи абхазов с лазами	56
§3. Этнокультурные связи абхазов с сарматами и западными аланами	69

ГЛАВА III.

Торгово-экономические связи Абхазии в VI – VIII вв.	96
§1. Роль и значение западнокавказских ответвлений Великого шелкового пути для Абхазии	96
§2. Абхазо-византийские экономические связи	112
§3. Торговля Абхазии с населением адыгского Причерноморья, Крыма и Северо-Западного Кавказа	127

ГЛАВА IV.

Этнические процессы и внешнеэкономические связи

Абхазии в VIII–X вв.	132
§1. Усиление политико-культурного влияния абхазов в Эгриси и Картли.....	132
§2. Колонизационные процессы в северо-западном направлении.....	152
§4. Развитие торговых связей Абхазии в VIII–X вв.	164

Заключение	175
Библиография	181
Список сокращений	213

ОМАР ВЛАДИМИРОВИЧ МААН

**Культурно-этнические контакты абхазов
в раннем средневековье**

Редактор *Л. С. Пачулия*

Верстка *Н. Г. Гунба*

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Тираж 500 . Физ. п. л. 13,5. Усл. п. л. 12,56.

Заказ №2.

РУП «Дом печати». Сухум, Эшба, 168.